россия в мемуарах

Л. Н. Энгельгардт

ЗАПИСКИ

россия в мемуарах

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

россия в мемуарах

Л.Н.Энгельгардт

ЗАПИСКИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Подготовка текста, составление,
вступительная статья,
и примечания
И.И. Федюкина

Оформление серии
Н. Песковой

Художник тома
П. Никипорец

Энгельгардт Л.Н.
Записки. — М.: Новое литературное обозрение, 1997. — 256 с.

Настоящее издание — первая полная публикация мемуаров генерал-майора Л.Н. Энгельгардта. Автор описывает свое детство, воспитание и обучение, службу у Г.А. Потемкина (своего дальнего родственника), придворный быт 1780-х гг., участие в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., подавление польского восстания 1794 г., порядки в армии при Павле I и т. д. Читатель найдет в книге яркие портреты таких государственных деятелей, как П.А. Румянцев, А.В. Суворов и др.

ISSN 0869-6365
ISBN 5-86793-024-6

«ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ...»

«Мать объяснила мне, что государыня Екатерина Алексеевна была умная и добрая, царствовала долго, старалась, чтобы всем было хорошо жить, чтобы все учились, что она умела выбирать хороших людей, храбрых генералов, и что в ее царствование соседи нас не обижали, и что наши солдаты при ней побеждали всех и прославились» — так, вспоминая 1796 год, писал Аксаков в «Детских годах Багрова-внука». А ведь впереди еще Итальянский и Швейцарский походы, Карамзин, Жуковский и Пушкин, «вечной памяти» 12-й год и взятие Парижа. Но золотой век был уже позади.

Вероятнее всего, генерал-майор в отставке Л.Н. Энгельгардт принадлежал к тем самым московским старичкам «времен очаковских и покоренья Крыма», над которыми мы со школьной скамьи привыкли иронизировать вместе с Чацким. Более того, для Энгельгардта это была, пожалуй, осознанная позиция; для него XVIII век был гораздо живее, чем все, что он видел вокруг, в веке XIX; и уж конечно, Екатерина II для него была вовсе не «предметом исторического изучения». Родившийся в 1766 г., Л.Н. Энгельгардт вступил в новый век еще совсем не старым человеком, но уход в отставку в 1799 г. вполне ясно показывает его полное неприятие наступающей эпохи.

В значительной мере этим вызвано и появление «Записок». Их цель — сохранить для потомства сведения «касательно нравов того века, людей, образа жизни, обычаев, политических и военных происшествий и описание знаменитых лиц», — он чувствует в 1826 г. (когда была начата работа над «Записками»), что пришло другое время. Видимо, по мере осознания этого факта Энгельгардт все более и более склоняется к написанию «истории», так прямо и называя свое произведение в VII главе. И из семи глав этой «истории» александровскому царствованию посвящена одна, павловскому — тоже одна. А пять — екатерининскому.

Апогей царствования государыни-матушки в изображении Энгельгардта приходится на вторую турецкую войну, связанную для него с глубоко личными переживаниями: то была его первая кампания, на которую возлагал он честолюбивые надежды, воюя под началом с детства восхищавшего его Румянцева; тогда сверкал во всем великолепии своей «полудержавной» власти «странный» Потемкин (отношение Энгельгардта к нему всегда остается противоречивым — зачастую отзываясь о нем весьма критически, он помнит, что приходится родственником великому человеку, и навсегда сохраняет антипатию к пытавшейся свалить фаворита партии); в ту войну были Измаил и Очаков, Рымник и Фокшаны.

Именно причастность к этим событиям придает в глазах Энгельгардта значимость и его особе, позволяет говорить о себе, своих личных впечатлениях: «Время было прекрасное. Следуя с полком в Ботушаны, 24-го, при захождении солнца,

сидел я на дворе в одном мундире, распахнувши камзол». Но именно здесь от изложения анекдотов, «рассказов о том, что видел», Энгельгардт окончательно переходит к написанию истории, хроники, охватывающей, пусть кратко, все важные события российской жизни. Сохранившиеся фрагменты черновика свидетельствуют, что именно в этом направлении шла работа над текстом: из шестой главы исключаются как раз наиболее личностные моменты: детские воспоминания, последняя встреча с Румянцевым. Первоначально глава должна была начинаться с рассказа автора о том, как еще в мальчишеских играх он всегда брал на себя роль Румянцева; что же должен был чувствовать он теперь, когда собирался в поход под началом легендарного полководца! В окончательном варианте она начинается с бесстрастной фразы: «Булгакову, нашему министру при Оттоманской Порте, приказано было подать ноту...» Стремление охватить в своем рассказе все приводит в конце концов к тому, что при описании походов 1812—1814 гг. повествование превращается в перечень дат и имен, подробный настолько, что сам автор чувствует это и решает ограничить себя только российской историей; из этой же тенденции рождаются и даваемые Энгельгардтом в примечаниях обзоры истории в России политического сыска (причем автор начинает аж со времен Ивана Грозного) и «тайных обществ».

Описание екатерининского царствования у Энгельгардта довольно неоднородно. С одной стороны, характеризуя события, свидетелем которых сам он не являлся, автор обращается к общедоступным источникам, например к реляциям. Особенно хорошо это видно на примере суворовского донесения о победе при Фокшанах. В изложении Энгельгардта оно звучит так: «Речка Путна от дождей широка. Турок тысяч пять-шесть спорили, мы ее перешли, при Фокшанах разбили неприятеля; на возвратном пути засели в монастыре пятьдесят турок с байрактаром; я ими учтивствовал принцу Кобургскому, который послал команду с пушками, и они сдались». Первая часть этого текста представляет собой довольно точное воспроизведение письма Суворова Репнину от 21 июля 1789 г.: «Путна от дождей глубока. Тысячи две-три турков нам ее спорили часа три». Источником последующего является официальная реляция, опубликованная в газетах: «По овладении Фокшанами остаток разбитых турков искал спасения в монастыре Св. Иоанна, в полуторе верст лежащем, где и заперся; но и тут посланная от принца Саксен-Кобургского команда с пушками, несмотря на отчаянную оборону, принудила оставшихся от истребления Агу и 52 человека сдаться военнопленными». Характерно, что в этот отрывок автором привнесены стилистические особенности, которыми, по его мнению, должно обладать донесение Суворова. На примере Суворова вообще лучше всего видно, насколько мифологизированным является изображение XVIII века у Энгельгардта. Интересно, как общекультурные мифы соотносятся с авторским опытом: негативное личное отношение Энгельгардта к фельдмаршалу, обусловленное неудачно сложившимся личным общением с ним, и ставшее к 20-м годам XIX века общепринятым признание гениальности полководца сосуществуют, не конфликтуя, в сознании мемуариста; здесь мы видим очень яркий пример того,

как влияет на описание разрыв между событием и временем его фиксации. Характерно, что у Энгельгардта мы находим все элементы суворовской легенды в том виде, как ее канонически оформил в своем «Снигире» еще Г.Р. Державин: «есть сухари», «спать на соломе», «скипетры давая, зваться рабом», «с горстью россиян все побеждать».

В представлении Л.Н. Энгельгардта, как и подавляющего большинства русских XVIII века, жизнь дворянина — это служба, и, надев военную форму в одиннадцать лет, он собирался посвятить ей всю свою жизнь. С детства грезил он именем и славой Румянцева, мечтал служить под его началом; отправляясь на свою первую войну, Энгельгардт «с восхищением сел... на коня и с полком выступил, делая планы отличиться геройски, и строил воздушные замки». Именно на военной службе надеялся Энгельгардт реализовать себя: «Я держался правила, что худой тот солдат, который не надеется быть фельдмаршалом», почему «прошел я и курс артиллерии, готовясь служить с замечанием и быть годным к употреблению, когда какой случай предстанет»; когда Энгельгардта назначили было командиром отдельного отряда, он «был в восхищении, всю ночь занят был распоряжениями... мечталась в моих мыслях слава, которую приобрету я моими дарованиями и храбростью». Любопытное свидетельство об образе мыслей Л.Н. Энгельгардта, относящееся к 1795 г., оставил в «Детских годах Багрова-внука» (глава «Зима в Уфе») С.Т. Аксаков: «Из военных гостей я больше всех любил сначала Льва Николаевича Энгельгардта: по своему росту и дородству он казался богатырем между другими, и к тому же был хорош собою. Он очень любил меня, и я часто сиживал у него на коленях, с любопытством слушая его громозвучные военные рассказы и с благоговением посматривая на два креста, висевшие у него на груди, особенно на золотой крестик с округленными концами и надписью: «Очаков взят 1788 года 6-го декабря». Я сказал, что любил его сначала; это потому, что впоследствии я его боялся, он напугал меня, сказав однажды:

— Хочешь, Сережа, в военную службу?

Я отвечал:

— Не хочу!

— Как тебе не стыдно, — продолжал он, — ты дворянин, и непременно должен служить со шпагой, а не с пером. Хочешь в гренадеры? Я привезу тебе шапку и тесак...»

Поэтому очевидно, что выход в отставку в 1799 г. был шагом непростым. Л.Н. Энгельгардту не удалось ни выслужиться, ни реализовать себя в военном деле: ему не пришлось участвовать ни в одной из тех баталий, которые он с таким воодушевлением описывает; он не был ни при Очакове, ни при Измаиле, ни при Фокшанах, ни при Рымнике, не повезло ему и в польскую кампанию, когда он упустил шанс командовать полком и проявить себя; вот почему таким болезненным был для него эпизод с награждением за Мачинскую баталию: ведь это было его первое настоящее дело.

Таким образом, в сознании Энгельгардта формируется четкая оппозиция: XVIII век — век блестящих побед, эпоха собственной причастности к историческим событиям, общения с великивми людьми, самых радужных надежд на будущее; XIX век — век Аустерлица и Фридланда, век разочарования, неудовлетворенности, несправедливости, ощущения себя на обочине жизни. Это проявляется в изменяющейся авторской позиции, на смену вовлеченности в исторический поток приходит рефлексия, выделение себя из описываемого, зачастую противопоставление ему и одновременно — максимальное сокращение эпизодов, посвященных непосредственно впечатлениям автора, событиям его жизни; позиция автора передается декларативными заявлениями, также сопровождаемыми постоянной рефлексией.

Персонифицируется XIX век в фигуре Александра I, прямо противопоставляемого неким «искренне любящим Отечество», к которым относится и автор. Царствование Александра — это прежде всего эпоха несправедливости: обижен Кутузов, обижен Сенявин, обижены офицеры казанской милиции, за которых хлопотал Энгельгардт. Кроме того, Александр молод и самонадеян, коварен и ленив, гражданскую часть забросил, а о военном деле судит по отцовским плац-парадам. Видимо, именно с таким образом Александра связано восприятие Энгельгардтом Наполеона, который словно нарочно является для того, чтобы оттенить недостатки русского царя; каждый раз, когда они встречаются, сравнение оказывается не в пользу последнего.

Само собой разумеется, что еще с XVIII века отклики на французские события у Энгельгардта являются отрицательными: «ужасная анархия», «якобины»; о сходстве польского восстания с французской революцией свидетельствуют казни. Однако в целом он воспринимает революцию и ее отзвук — восстание 1794 г. — как события довольно далекие и вполне нейтрально, если не с сочувствием к полякам, передает остроумные замечания послов гродненского сейма, называющих якобинцами русских солдат, потому что они разрушают польский трон, или выводящих этимологию этого слова из имени русского посланника Якоба Сиверса. Энгельгардту вообще свойственны чисто военное уважение к противнику и профессиональная солидарность. Характерно в этом смысле противопоставление военных и гражданских деятелей восстания 1794 г.: именно Коллонтай отвечает за казни аристократов, призывает вырезать русских военнопленных, а потом скрывается с казной; Костюшко же спасает русских (вероятно, тоже как военный военных), и вообще, он и другие генералы вполне достойны уважения, они защищают независимость своей родины, выполняют свой долг. Генерал же Моро, который из политических соображений встал на сторону врагов своей родины, заслуживает всяческого осуждения.

Именно в таком качестве воспринимается и сам Наполеон. Впервые он упоминается в конце павловского царствования, причем вовсе не как «Робеспьер на коне»; несмотря на то, что «Записки» писались много позже наполеоновских войн, он не вызывает у Энгельгардта никаких отрицательных эмоций. Наоборот, в эпизо-

де с возвращением русских пленных он выглядит, во-первых, как носитель того самого уважения к противнику, представитель «интернационала всех военных», а во-вторых, как государственный деятель, своими продуманными действиями оттеняющий самодурство российского императора.

Следующая встреча с Наполеоном — канун Аустерлица. Не приводя никаких панегириков Бонапарту, Энгельгардт упоминает лишь о «колоссальном могуществе Франции», честно признавая наступательный характер австро-российского союза. Подобным же образом описывается и Аустерлиц: вот Наполеон поздравляет Александра с прибытием к армии, предлагает переговоры, а Александр высылает вместо себя Долгорукова; вот Наполеон предлагает мир с Австрией на выгодных для нее условиях, а мальчишка Долгорукий говорит ему дерзости, после чего Наполеон учтиво отпускает его, говоря, что сражаться вынужден, а разбив русских, не уничтожает их лишь из своих политических видов; при всем этом он выглядит в общем спокойным и уверенным в себе полководцем и «государственным человеком».

И после начала войны 1812 г. отношение Энгельгардта к Наполеону в общем не меняется; он организовал управление в занятой Москве, удачно действует в кампанию 1813 г. Более того, Энгельгардт стремится подчеркнуть масштаб того, с кем сражались русские: перечисляются разноплеменные короли и принцы, входящие в состав его свиты в Дрездене, на захваченных русскими пушках мы видим гербы всей Европы.

Но одновременно с этим с Наполеоном связываются провиденциальные смыслы. Нашествие уподобляется природным катаклизмам: «Между тем скоплялась туча, которая готовилась разразиться над Россиею; Наполеон с грозными силами приготовлялся напасть на наше государство, которое одно еще на твердой земле не вовсе от него зависело». Тот же образ используется и при описании изгнания неприятеля: «Туча, носившаяся над горизонтом России, стала проясняться, надежда и бодрость водворились». Об особенности события свидетельствует и лексика: во всем тексте слово «незабвенный» используется два раза: один раз применительно к Кутузову, другой — к 1812 г. Поражение Наполеона прямо изображается как проявление божественной воли: божьим провидением уцелела икона на взорванных французами Никольских воротах; наконец, мемуарист прямо заявляет: «Господь Бог в неисповедимом своем совете хотел показать перст своего гнева, низвергнув кичливого врага вселенной, и милосердие к России, возвеличив ее перед всею Европою». Эта же мысль подчеркивается и в приводимом манифесте Александра по поводу подносимого ему наименования «Благословенный», и тем, что план храма Христа Спасителя был увиден архитектором во сне; в манифесте об изгнании неприятеля Наполеон объявлен врагом именно церкви. Вполне вероятно, что именно Отечественная война зародила у Л.Н. Энгельгардта интерес к религиозным и философским вопросам, которые до этого практически не затрагиваются в «Записках» (в последние годы жизни он работает над переводом книги под названием «Triomphes de l' Evangile», «Триумфы Евангелия»).

* * *

Младшее поколение Энгельгардтов было тесно связано с культурными кругами своего времени, чему мы и обязаны, вероятно, самим фактом публикации «Записок». От брака с Екатериной Петровной Татищевой, дочерью известного московского масона и члена новиковского кружка Петра Алексеевича Татищева, у Льва Николаевича было четверо детей: Петр, Анастасия, Наталья и Софья.

Екатерина Петровна была в близком родстве с супругой упоминаемого в «Записках» поэта и партизана Д.В. Давыдова. В его доме в Москве* в 1825 г. Анастасия Львовна и познакомилась с поэтом Е.А. Баратынским. В 1826 г. состоялась их свадьба. П.А. Вяземский писал Пушкину об Анастасии Львовне: «Эта девушка любезна, умна и добра, но не элегическая по наружности». У Баратынских было 9 детей. Известно, что Анастасия Львовна обладала безупречным вкусом; именно благодаря ей до нас дошли многие стихотворения поэта. Похоронена она рядом с мужем, в некрополе Александро-Невской лавры.

Другим зятем Л.Н. Энгельгардта стал Н.В. Путята, близкий друг Баратынского, видный деятель Общества любителей русской словесности. Дочь С.Л. и Н.В. Путят, Ольга, в 1869 г. вышла за Ивана Тютчева, младшего сына поэта.

В 1816 г. Е.П. Энгельгардт приобрела в Подмосковье поместье Мураново**. Оно стало настоящим семейным гнездом, объединившим Энгельгардтов, Баратынских, Путят. После смерти страдавшего душевным расстройством П.Л. Энгельгардта Мураново перешло к Баратынским, потом к Путятам. Затем его унаследовали И.Ф. и О.Н. Тютчевы. За долгую историю Муранова здесь бывали Н.В. Гоголь, Е.П. Ростопчина, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Ф.И. Тютчев, Аксаковы. Во времена Льва Николаевича перед мурановским домом*** стояли две пушки времен Очакова, из которых в царские дни в детстве С.Л. Путята производила салют; впоследствии эти пушки достались Д.В. Давыдову, также неоднократно бывавшему в Муранове. После смерти О.Н. Тютчевой (урожд. Путяты) в 1920 г. в Муранове открыт музей Баратынских — Тютчевых.

* * *

Как пишет сам Л.Н. Энгельгардт, работать над своими «Записками» он начал в 1826 г.; по сообщению Н.В. Путяты, Л.Н. Энгельгардт еще при жизни читал их своим близким, а последняя черновая запись, как уже было сказано, датирована 1835 г. Таким образом, работа над «Записками» велась в 1826—1835 гг. Автор замечает, что создавал «Записки» по памяти; никаких дневниковых записей он при жизни действительно не вел (что подтверждается тем, что он периодически допус-

*У Энгельгардтов был в Москве собственный дом в Большом Чернышевском переулке. В перестроенном виде он сохранился до наших дней. Раньше этот дом принадлежал семье А.П. Сумарокова.

**О Муранове подробнее см.: *Пигарев К.* Мураново. М., 1970; Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989.

***В 1842 г. Е.А. Баратынский построил в Муранове новый дом по собственному проекту. Этот дом сохранился до нашего времени.

кает ошибки в датах и именах), хотя, вероятно, использовались какие-то документы семейного архива (как, например, приводимое в тексте и дошедшее до наших дней письмо П.А. Румянцева-Задунайского Н.Б. Энгельгардту). Другим источником были публикуемые в газетах реляции. К этим реляциям Энгельгардт особенно широко прибегал, описывая события, свидетелем которых он не был. Например, описание польского восстания 1831 г. полностью списано им из газет. Так, предложение: «Преследование продолжалось до самой черты пограничной краковской заставы, куда спасся Каменский не более как с 5 офицерами и ни с одним из нижних чинов; все же прочие взяты в плен», — дословно взято из рапорта графа Сакена от 16 сентября 1831 г., помещенного в «Московских ведомостях» (1831. № 78). Точно так же дословно или с минимальными изменениями взяты из газет и все остальные фрагменты этого описания.

После смерти Л.Н. Энгельгардта в 1836 г. его «Записки» затерялись и были обнаружены Н.В. Путятой лишь осенью 1858 г. в Муранове. Уже в следующем году они были опубликованы с предисловием Путяты и комментариями М.Н. Лонгинова в «Русском вестнике» и отдельным изданием. При этом текст подвергся стилистической правке и сокращениям: были смягчены описания нравов екатерининского двора (в частности, обстоятельства попадения в фавор А.П. Ермолова; само слово «фаворит» везде было заменено на «пользующийся влиянием при дворе» и тому подобные эвфемизмы), исключен ряд эпизодов, например диалог митрополита Платона с князем Зубовым после коронации Александра I; особенно значительным сокращениям подверглась седьмая глава, из которой были изъяты описания практически всех событий, в которых Л.Н. Энгельгардт не принимал непосредственного участия (и, таким образом, почти все описание войн с Наполеоном и комментарии автора к ним).

Ряд наиболее политически острых отрывков был опубликован Герценом в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне» (1861. Кн. 2; репринтное переиздание в: М., 1971).

Уже через несколько лет «Записки» были переизданы Бартеневым (М.,1867, примечания Н.В. Путяты, М.Н. Лонгинова, П.И. Бартенева). Этот текст содержит гораздо меньше стилистических исправлений, восстановлены некоторые пропущенные в предыдущем издании фрагменты, хотя упоминавшийся диалог Зубова с Платоном или комментарий на смерть Павла I («Великие земли!...») были опущены; по-прежнему дефектно была напечатана седьмая глава.

В течение последующих ста тридцати лет издатели лишь однажды обратились к этому интереснейшему памятнику мемуарного жанра, включив «Записки» в сборник «Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век». (М., 1988). В него вошли, однако, лишь главы, посвященные XVIII в., да и те подверглись значительному и довольно бессистемному сокращению.

Таким образом, настоящее издание является первой полной публикацией беловой рукописи «Записок». Восстановлены опущенные в предыдущих изданиях фрагменты и авторские грамматические конструкции. В бумагах Л.Н. Энгельгардта сохранились черновики первой части «Записок», текст которых не всегда совпа-

дает с окончательной редакцией. Представляющие интерес фрагменты этих черновиков помещены в комментариях. Слова, помещенные в квадратных скобках, введены, чтобы облегчить понимание текста. Также в квадратных скобках дано погодное деление «Записок», частично произведенное самим автором, частично — первыми публикаторами.

Рукопись «Записок» хранится в настоящее время в РГАЛИ, в фонде Н.В. Путяты (Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 223). Она представляет собой пятнадцать тетрадей, где несколькими различными почерками, вероятнее всего принадлежащими членам семьи Л.Н. Энгельгардта, в том числе и его детям, набело переписан текст «Записок», с исправлениями самого автора и карандашной правкой Н.В. Путяты, в общем соответствующей изданию 1859 г. В том же фонде под №№ 222—230 находятся некоторые другие материалы Л.Н. Энгельгардта, в частности его завещание, упоминавшееся письмо П.А. Румянцева-Задунайского Н.Б. Энгельгардту, фрагменты черновиков «Записок» и др.

В архиве музея-заповедника «Мураново» находятся некоторые документы, связанные со службой Л.Н. Энгельгардта (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 216—224), в частности упоминаемые в тексте «Записок» аттестат и похвальный лист за участие в Мачинском сражении, официальные бумаги, связанные с награждением Л.Н. Энгельгардта знаком за участие в Пражском штурме и выходом его в отставку (поскольку администрация затрудняет доступ к хранящимся в музее архивным документам, нам не удалось процитировать их в настоящем издании).

В силу значительной насыщенности текста фактическим материалом мы сочли нецелесообразным подробно комментировать эпизоды, которые не имеют непосредственного отношения к биографии Л.Н. Энгельгардта. Поэтому целый ряд неточностей, содержащихся в основном в описаниях войн с Наполеоном и событий второй половины царствования Александра I, специально не оговаривается.

Выражаем особую благодарность А.В. Тихоновой (Смоленск), чья неопубликованная дипломная работа «Энгельгардты в истории России (до нач. XX в.). Исследование генеалогии рода», защищенная в Смоленском государственном педагогическом институте в 1992 г., и основанные на ней публикации: «Энгельгардты. Воистину человек» (Край Смоленский. 1992. № 10) и «Записки генерал-майора» (Там же. 1992. № 11—12) использованы нами при комментировании.

Примечания составителя обозначены в тексте звездочками. Справки о лицах, упоминаемых в тексте «Записок», даны в аннотированном указателе имен.

И.И. Федюкин

I
ВСТУПЛЕНИЕ

Записки, что случилось видеть, слышать или чего быть свидетелем в жизни, каждого частного лица, как бы ни было малозначуще в свете, всегда могут быть интересны для будущих времен, касательно нравов того века, людей, образа жизни, обычаев, политических и военных происшествий и описаний знаменитых лиц.

Я сожалею, что занялся сим уже поздно, когда мне минуло шестьдесят лет; многое интересное забыто, а что и вспомнил, то уже не так верно, как должно было быть в связи течения времени. Занятие сие доставило мне удовольствие; вспоминать счастливое время юности и рассказывать о прошедшем, как говорит г. Сегюр*, есть из числа единственных удовольствий для стариков. Эти записки я начал писать в 1826 году, следственно все, случившееся после, дошедшее до моего сведения, будет подробнее.

Отец мой был действительный статский советник и кавалер Св. Володимира 2-й степени, Николай Богданович; мать моя была из рода Бутурлиных**, Надежда Петровна; замечательно, что он из смоленских дворян третий женился на великороссийской, ибо со времен завоевания царем Алексеем Михайловичем Смоленска***, по привязанности к Польше, брачились вначале с польками, но в царствование императрицы Анны Иоанновны были запрещены всякие связи и сношения с поляками, даже если у кого находили польские книги, ссылали в Сибирь; а потому, сперва по ненависти к русским, а потом уже по обычаю, все смоляне женились на смолянках****. Поэтому, можно сказать, все смоленские дворяне между собою сделались в родстве. Первый женился на русской Яков Степанович Аршеневский, второй — отец светлейшего князя Григория Александровича Потемкина*****, третий — мой отец.

[1766]. Я родился в 1766 году, февраля 10 числа в Смоленской губернии, Духовского уезда в селе Зайцове, родовом имении отца моего, которое дано было предку нашему королем польским Сигизмундом****** по взятии Смоленска******* генерал-лейтенанту Вернеру Энгельгардту,

курляндцу, служившему у него в войске, как сказано в жалованной грамоте «za krwawe zaslugi przeciwko Moskwy, daemy dobry», то есть: «за кровавые заслуги против Москвы, жалуем имения и проч.». Назвали меня Харлампием; но когда привезен я был родителями моими в Нижегородскую губернию, Арзамасский уезд, в село Кирманы, к бабке моей, Наталье Федоровне, то она, в память убитого сына ее Льва в Прусскую Семилетнюю войну*, назвала [меня] его именем; где и воспитывался у ней до пяти лет, до самой ее смерти.

[1771—73]. Бабка моя отдала свое имение, 1200 душ, своим дочерям, то есть моей матери и тетке моей, бывшей замужем за Стремоуховым, оставя себе на прожитье 100 душ; по дешевизне того времени, как не было водяной коммуникации, доход ее едва простирался до ста рублей. Однако ж она довольствовалась сим доходом, не быв в тягость своим детям и без малейшего долга.

Физическое мое воспитание сходствовало с системою Руссо, хотя бабка моя не только [не] читала сего автора, но едва ли знала хорошо российской грамоте. Зимою иногда [я] выбегал босиком и в одной рубашке на двор резвиться с ребятишками и, закоченев весь от стужи, приходил в ее комнату отогреваться на лежанке; еженедельно в самом жарком пару меня мыли и парили в бане и оттуда в открытых санях возили домой с версту. Ел и пил самую грубую пищу, и оттого сделался я самого крепкого сложения, перенося без вреда моему здоровью жар, и холод, и всякую пищу; ничего не учился и, можно сказать, был самый избалованный внучек.

[1774]. По смерти бабки моей, отец мой, быв полковником в отставке, определен будучи воеводою в отобранную от Польши Белоруссию**, в Витебск, взял меня с собою. Заставило его оставить военную службу крайне расстроенное его состояние; задолжал он тетке своей, бригадирше Витковичевой, жившей в Малороссии, местечке Сарочинцах, три тысячи рублей; по-тогдашнему сей долг был неоплатный, ибо доходы в низовых губерниях ничего почти не значили, рожь продавалась там по двадцати пяти копеек четверть, да и ту некуда было сбывать; водяной коммуникации не было, винокуренных заводов мало; сказанная Витковичева столь была неснисходительна, что принуждала отца моего ежегодно приезжать для переписки векселя из Выборга, где полк, в котором он служил, был на непременных квартирах; таковая поездка чрезвычайно его расстроила. Как сказал, что доходы были малы, и [отец мой] жил почти одним жалованьем и не прежде долг мог сей заплатить, как когда пожа-

ловано было ему три тысячи рублей за разорение имения матери моей партиею бунтовщика Пугачева[1].

[1775]. По приезде куда [в Витебск], начал меня учить грамоте униатской церкви дьячок, и как я был избалованный внучек, едва в два года выучился читать порядочно.

[1776]. Тогда приставили ко мне учителя, отставного поручика Петра Михайловича Брауншвейга, учить меня писать по-русски, первым четырем правилам арифметики и по-немецки, за шестьдесят рублей в год, а по-французски ходил учиться в иезуитский монастырь, к иезуиту Вольфорту; но, можно сказать, что от таковых учителей очень мало показывал успеха по тупоумию и лености.

---

[1]Емелька, по прозванию Пугач, был беглый донской козак, выдававший себя за императора Петра III, разглашая, что будто он спасся и скрывал себя в разных местах от супруги своей, императрицы Екатерины, распространившей слух о его смерти, что, наконец, решился он прибыть и вверить себя яицким козакам, напоминал присягу и требовал от них пособия взойти опять на прародительский престол. Сии козаки, быв в совершенном невежестве, поверили и поклялись ему быть верными; вскоре пристали к нему башкирцы и другая сволочь, а особливо господские крестьяне и дворовые люди; он обещал им вольность, не брать с них ни податей, ни рекрут, а соль давать безденежно. Дворян, которые ему попадались, вешал, а жен и дочерей их, наругавшись ими, отдавал своим сообщникам. Начало сего бунта возникло при окончании турецкой войны 1771 года, и продолжался оный около двух лет, доколе собрались войска под главным предводительством генерала графа Петра Ивановича Панина. По всей России народ был в чрезвычайном волнении; если бы Пугачев пошел к Москве, а не занимался долго в Уфимской и близлежащих губерниях, то много бы зол Россия претерпела; но он не имел ни ума, ни твердости пользоваться своим дерзким предприятием; он подходил к Казани и выжег всю, кроме крепости, которой требовал сдачи, но майор Иван Иванович Михельсон с небольшим отрядом подоспел и разбил его на Арском поле. У Пугачева было тогда более 20 000, и он имел артиллерию. После этого он бежал к Симбирску, а потом на Яик, где теми же козаками, бывшими его первыми сообщниками, был схвачен и выдан командующему в тех пределах имениту герою, тогда бывшему генерал-майору Суворову. Императрица указала реку Яик переименовать в Урал, а козаков именовать Уральским войском. Пугачев был привезен в Москву в цепях и железной клетке с тремя его главными сообщниками, прочие же все были прощены.

Императрица предала самозванца судить синоду, сенату и военному генералитету; так как в России смертная казнь была отменена, а злодейство, им учиненное, требовало особливого постановления, синодальные члены в определении своем сказали, что Пугачев и сообщники его заслуживают смертную казнь, но по духу христианскому и духовному своему званию они, синодальные члены, не могут подписать приговора. Прочие же члены суда определили: Пугачева четвертовать и потом отрубить ему голову, главному его наперснику также отрубить голову в Москве, что и исполнено; одного из его сообщников повесить в Уфе, а другого в Урале.

[1777]. Впоследствии к большой моей сестре Варваре Николаевне[2] выписана была из Вильны madame Leneveu за 500 рублей; с которою я вместе учился целый год и уже говорил по-французски изрядно; по-немецки учил меня иезуит Кацаврик, который исправно всякую неделю наказывал меня дисциплиною, для чего такое я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог я порядочно знать по-немецки и разуметь, что читаю.

Тогда же записан я был в гарнизон сержантом. Полковнику Древичу за заслуги его против польских конфедератов* пожалованы были в Витебской провинции деревни, кроме сего он чрезвычайно обогатился во время своих действий в Польше**; отец мой оказывал ему разные послуги по сему имению, почему, по прибытии его в Витебск, определил меня в гусарский вербованный Белорусский полк кадетом; по ребячеству моему, помню, в каком я был восхищении, когда одели меня в гусарский мундир, а более всего забавляла меня сабля с ташкою***.

Я был самых дурных склонностей, ничего не мог сказать, чтобы не солгать; как скоро из-за стола вставали, тотчас обегивал стол и все, что оставалось в рюмках, выпивал с жадностию, крал всякие лакомства, и место моей краже была ташка; нередко приводили меня с поличным к матери моей, которая со слезами говаривала: «Один сын, но какого ожидать от него утешения от таковых порочных склонностей»; ни наказания, ни увещания, ничто меня не исправляло, сверх того был [я] неловок, неопрятен, и стан мой был крив и сутуловат; вот какую я обещал моим родителям радость.

[1778]. Таковым я был до 1778 года; тогда открылись наместничества, и отец мой помещен был в Полоцк, гражданской палаты председателем, а меня отвезли в Смоленск, в пансион к содержателю Эллерту[3], где пробыл я год. Правду сказать ежели, он касательно наук был малосведущ, и все учение его состояло, заставляя учеников учить наизусть по-французски сокращенно все науки, начиная с катехезиса, грамматики, истории, географии, мифологии без малейшего толкования; но зато строгостию содержал пансион в порядке, на совершенно военной дисциплине, бил без всякой пощады за малейшие вины ферулами**** из подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукам, секал розгами и плетью, ставил на колени на три и четыре часа; словом, совершенно был тиран. Но, кажет-

[2]Вторая сестра моя, Александра Николаевна, отдана была в Смольный монастырь.
[3]Совсем ученостию противоположенному математику Эллерту.

ся, касательно меня, таковой мне был и нужен, чтобы переменить злую мою нравственность; как я имел дурную память, то не проходило дня, чтобы не был я наказан, но успевал я очень хорошо в арифметике и геометрии, которой учил нас отставной артиллерийский сержант Осип Иванович Овсянников и как первого ученика отличал меня; также успевал я в танцовании и фектовании, чему учил сам Эллерт. Французский язык тоже хорошо шел по навыку, ибо никто не смел ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники: младшие означались красным бантом в петлице и надзирали над 4-мя учениками, а старшие чиновники отличались голубым бантом и надзирали над двумя младшими чиновниками; все они были должны смотреть, чтобы никто не говорил по-русски, не шалил и учил бы уроки наизусть, заданные для другого дня. Младшие имели право наказывать, если кто скажет слово по-русски, одним ударом по руке ферулой, а старшие чиновники — по два удара. Если Эллерт узнавал, что сии чиновники худо исполняли свою должность или ежели во зло употребляли власть, им данную, наказывались [они] ужасным образом, а иногда лишались своих бантов. Чтобы заслужить такой знак отличия, надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться: я почитаю, что поощрение сие много способствовало к нравственности, но, впрочем, все было основано на побоях. Много учеников от такового славного воспитания были изуродованы, однако ж пансион был всегда полон. За таковое воспитание платили сто рублей в год, кроме платья, на всем содержании Эллерта. Танц-ботдек был два раза в неделю; много было девиц, которые приезжали учиться танцевать и за выучку платили по тридцати рублей, даже и взрослые, однако ж и им не было спуску; одна была девица Лебедева, очень непонятная, один раз он обил ей руки о спинку стула при многолюдном собрании; но до совершенного обучения минуэта и контратанцев никто не брал своих детей обратно. Сравните теперь воспитание того времени с нынешним и, верно, мало тому поверите. Однако ж, касательно мальчиков, в самодержавном правлении умеренная строгость не лучше ли неупотребления телесного наказания? Нужно, чтобы они с юности поприВыкли даже и к несправедливостям.

Через год взяли меня из пансиона и привезли в Полоцк. В каком восхищении были мои родители, увидя меня выправленного, исправившегося в моих пороках, танцующего на балах, говорящего изрядно по-французски и о всех науках, как попугай, но ничего не понимающего, что и вскоре все забыл!

Между тем Древич представил меня в аудиторы*, хотя мне было только тринадцать лет; но как ему досталось в генерал-майоры, а полк принял

2*

мой внучатный дядя, Василий Васильевич Энгельгардт, племянник светлейшего князя Потемкина, то, вместо аудитора, перевел меня в гвардии Преображенский полк, сержантом, в число служащих, а не недорослей[4].

Отец мой был пожалован вице-губернатором в Могилев*. Генерал-майор Зорич выбыл из случая**, при чем пожаловано было ему местечко Шклов с тринадцатью тысячами душ. Первое он сделал употребление монаршей милости [то, что] завел училище, выписал хороших учителей; в оном еще я учился один год; впоследствии сие училище названо кадетским корпусом, и было в нем до трехсот кадетов***. Государыня дала привилегию оному зоричевскому корпусу, чтобы по экзамену принимать кадетов в армию офицерами, и многие из оных были с большими сведениями, а особливо касательно математики. По смерти Зорича казна приняла корпус на свой кошт, поместила сперва в Смоленск, потом в Гродно, в 1812 году оный переведен в Кострому; ныне состоит в Москве.

По окончании года взят я был из оного училища и для обучения практической геометрии и геодезии отдан был обер-квартирмейстеру Матвею Михайловичу Щелину, который по дружбе к моему отцу учил меня, как своего сына, в Орше; жил же [я] там у генерал-майора Бибикова****; из благодарности умолчу о нем, но пребывание мое у него в доме много сделало мне вреда касательно нравственности.

Сим заключилось мое воспитание.

---

[4]Большею частью все дворяне записывали своих детей в гвардию, смотря по связям их, капралами, унтер-офицерами и сержантами; не имевшие же случая, записав малолетних своих детей недорослями, брали их к себе для воспитания до возраста; старшинство их считалось по вступлении в настоящую службу, а случайные вносились в список служащих; тогда давали им паспорты до окончания наук. В одном Преображенском полку считалось более тысячи сержантов, а недорослям не было и счету.

II
ВРЕМЯ ДО ПРИБЫТИЯ МОЕГО НА СЛУЖБУ В ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК И НЕКОТОРЫЕ АНЕКДОТЫ

Во время еще пребывания моего в Шкловском училище вышел из случая Иван Николаевич Корсаков, а место его заступил Александр Дмитриевич Ланской. Корсакову пожаловано было в Могилевской губернии 6 000 душ, 200 000 рублей для путешествия в чужие краи, брильянтов и жемчугов было у него, как ценили тогда, более нежели на 400 000 рублей; судя по нынешнему курсу имел он денег и вещей на 2 400 000 руб. Как не было в жалованных ему деревнях еще построенного дома, то выпросил он у тамошнего помещика Иезофовича деревню Желивль, верстах в тридцати от Могилева, куда приезжали к нему все родственники его из Смоленской губернии; нередко и отец мой с семейством своим езживал [туда] и меня брал с собою. Как был ни огромен в Желивле дом и [как ни] много [было при нем] служб, но теснота была ужасная; в одной комнате помещались фамилии по две; ежедневно одни приезжали, другие уезжали, но менее осьмидесяти человек никогда не бывало; при таковом множестве господ, сколько перебывало людей и лошадей? Боле шести месяцев жил он таковым образом; все, что можно придумать к увеселению и роскоши, все было придумано; по сему судя, а еще более по беспорядку[5], он в короткое время из данных ему на путешествие денег много прожил. Я для того написал сие в начале главы, что я впервые тогда начал пользоваться обществом, помышлять нравиться обоего пола людям и заслуживать к себе внимание.

[1779]. В 1779 году отец мой призыван был вообще со всеми вице-губернаторами к императрице, великой Екатерине; она хотела узнать от самых лиц, кому вверены казенные имущества, о доходах каждой губернии и отчетах и обстоятельствах пространной своей Империи, видеть и узнать каждого, кому поручены ее финансы.

[5]Не только его слуги, но люди гостей пивали шампанское.

Я слышал от отца моего, в какую подробность и тонкость она входила, расспрашивая каждого глаз на глаз; многие лишены были своих мест, многих при первых открывшихся местах жаловала в губернаторы и иные государственные должности, по способности каждого, некоторых оставляла при себе и помнила каждого из них, так что без всякого постороннего покровительства жаловала в свое время; в числе которых впоследствии и отец мой удостоен пожалованием губернатором в Могилев, на место бывшего губернатора, Петра Богдановича Пассека.

Вот как был представлен отец мой тогда ее величеству. Накануне генерал-прокурор, князь Александр Алексеевич Вяземский, повестил, чтобы батюшка на другой день в шесть часов явился пред кабинет государыни и чтоб сказал ее камердинеру, чтобы о нем ей доложить.

В первом часу отец мой позван был в ее кабинет. Государыня, пожаловав ему поцеловать ручку, спрашивала о его службе, и когда он сказал, что он был капитаном в полку Мельгунова, то она сказала: «Так мы с вами знакомы, вы были караульным капитаном в Петергофе, когда я вступила на престол, я вас помню», и действительно, то случилось, но отец мой хотя в тесном был знакомстве с Орловыми, особливо с князем Григорием Григорьевичем, с которым был в одно время адъютантом у графа Петра Ивановича Шувалова, но по его твердым правилам ему не открывали заговора; а начальствующими в Петергофе императора Петра III, державших уже сторону императрицы, никакого особого наставления караульным дано не было, а потому ему вовсе заговор не был известен. Потом [государыня] расспрашивала о доходах Могилевской губернии; отец мой на многие подробности государыне донес, что не имеет верной памяти, а чтобы не сказать ложно, то позволила бы справиться [с] своею памятною книжкою, которую вынув из кармана и которая для сего нарочно была заготовлена, тотчас дал ответ на спросы государыни со всеми подробностями. Императрица сказала: «Позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мне отвечали словами»; долго рассматривала ее [книжку], в которой были помещены все ведомости и отчеты, со всеми обстоятельствами и с замечаниями, собственною рукою моего отца помеченными. Сказала: «Можете ли вы меня ею подарить? Я каждому вице-губернатору прикажу иметь таковую». Между прочим говорила: «Отчего ваша губерния в прошлом году такую претерпевала в соли нужду, что жители принуждены были вымачивать сельди и тем солить свою пищу?»[6]. — «Государыня, — отвечал мой отец, — сие донесено вам

[6]Сие было выдумано неприятелями бывшего тогда наместника, графа Захара Григорьевича Чернышева.

было ложно, свидетель тому сия же книжка, в которой изволите вы усмотреть, что великое количество соли от каждого года оставалось во всех магазейнах». Она, увидев ведомость о соли и уверившись в справедливости [слов моего отца], сказала: «Я скажу вашему наместнику, что он имеет в вас человека, который справедливым удостоверительным образом отстаивает его». Что на другой день и исполнила, сказав о том брату его, графу Ивану Григорьевичу Чернышеву[7]. Еще спросила: «Отчего в Бешенковской таможне так мало сбирается пошлин? Я знаю, что все эти сборщики таможен очень делятся со мною доходами, и вовсе их унять нет средств, однако ж надобно знать и совесть, а бешенковские таможенные, кажется, вовсе ее не имеют». — «Государыня, — отвечал мой отец, — за честность их не ручаюсь, и хотя, впрочем, не подлежит она моему ведению, как сия таможня состоит в Полоцкой губернии, но отговорки их отчасти служат к их оправданию[8], а именно, жиды, в руках которых в Белоруссии почти весь торг, едут в Ригу не для покупки товаров, хотя отчасти и покупают там товары, привозимые через Балтийское море, как-то: сахар, кофе, пряности, вины, английское пиво и прочие, а главнейший товар покупают на ярмарках, лейпцигской, франкфуртской и кенингсбергской; они ездят в Ригу для покупки абштухов от разных тамошних купцов; то есть: законом постановлено, что товар, купленный в Риге, за который уже пошлины заплачены, то, за подписью свидетельства или абштухов рижских купцов, с тех товаров пошлин в таможнях не брать. Евреи, приехав в Ригу, ожидают от своих прикащиков извещения, сколько какого товара ими закуплено, а потом, стакнувшись с известным ему рижским купцом, получив за подписанием абштух, едут почти с пустою баркою по Двине и, ночью причалив к польскому берегу, где его купленный товар на упомянутых ярмарках ожидает, нагружаясь, едут мимо Бешенковской таможни, под видом, что везет товар из Риги; показывает абштух, таможенные свидетельствуют и, видя, что весь товар описан точно, не имеют права останавливать и пропускают». — «Вот большие искусники ваши бешенковские таможенные, — сказала императрица, — они

[7]При этом отец мой доложил, что как в Польше соль была гораздо дороже и жители к тому привыкли, то казна имела бы великое приращение в доходах, если бы пустить соль в продажу по прежним ценам: жители бы повинность сию приняли без ропота и отягощения. Императрица сказала: «Нет, я с вами не согласна, пусть соль, столь необходимая для жизни и сохранения здоровья, будет даже с убытком казне, нежели наложить подать на народ».

[8]Когда Белоруссия была взята от Польши, то от Риги граница была по Двине до Островны, ниже Бешенкович верст с пятьдесят.

не уступают тонкости жидов, и не вижу средства пресечь такое злоупотребление». Продержав отца моего более наедине двух часов, пожаловала ручку и сказала: «Я бы желала, чтобы всех нашла таковых вице-губернаторов, хотя память ваша и хуже моей; доказательство тому, что я вас вспомнила, и, будьте уверены, и впредь о вас буду помнить».

[1780]. В следующий 1780 год императрица предприняла путешествие в новоприобретенный край белорусских губерний, и в Могилеве назначено было свидание с римским императором* Иосифом II. Для принятия высоких путешественников делали большие приуготовления; наместник, фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышев, не щадил трудов, чтобы представить вверенные ему Полоцкую и Могилевскую губернии в лучшем устройстве, и действительно, они были в самом цветущем состоянии, как по наружности, так и по внутренности, части как по исполнительной, так по судебной и хозяйственной. Люди, им собранные, были отличной нравственности, сведущие в делах и деятельные; словом, сии губернии могли быть образцом для всей России.

Вначале жители не могли быть довольны новым правительством, и, правду сказать, граф принялся круто в том крае, где была совершенная анархия; паны поступали с своими крестьянами по произволу, даже и в жизни их были властны; который из них был богатее, утеснял бедных как хотел; то могло ли им быть приятно, когда на всяком шагу останавливали в их буйных дерзостях? А делание дорог произвело общий ропот. Зато дороги были не только от столиц, но и ко всем смежным губерниям и уездам таковы, как во всей Империи не было подобных; широкие, прямые дороги ведены были чрез леса, горы и буераки, по обеим сторонам вырыты были каналы и обсажены в два ряда березками**, горы были скопаны, гати были сделаны по непроходимым зыбям и болотам; мосты прочные, переправы через реки безопасные; на почтовых станциях выстроены были домики, снабжены простыми, но достаточными мебелями, так что каждый проезжающий находил не только спокойный ночлег, но и все нужное; [граф] склонил помещиков тех селениев, где станции были учреждены, взять в свое смотрение не только сии домики, но и почтовых лошадей и почтальонов, одетых пристойно по образцу как в Пруссии; но казна по сходным ценам платила содержателям, так что они имели небольшой доход.

В городах, как губернских, так и уездных, присутственные места выстроены были каменные в два этажа, с приличным расположением и

архитектурою. Дома для государева наместника с большою залою, в коей был поставлен трон, в которой и все дворянство вмещалось для выборов, [дома для] губернатора, вице-губернатора и председателей палат, а в уездах для городничих. Впоследствии, когда все сие учредилось, сей государственный человек всеми был обожаем.

Как императрица назначила свое пребывание в Могилеве семь дней, то, чтобы со стороны увеселений было чем занять ее и двор, граф выписал из Петербурга придворную итальянскую оперу, а для концертов придворную музыку и лучших артистов, в числе которых по тогдашнему времени славилась известная певица Бонафина; для праздников построил на свое иждивение театр и пространную залу славным архитектором Бригонцием.

Собран был корпус войск из лучших полков: первого кирасирского, двух гусарских, одного драгунского, пяти пехотных, пятидесяти орудиев полевой артиллерии и двух полков донских козаков, под командою генерал-поручика Степана Матвеевича Ржевского, известного по тактическим познаниям и некоторым военным сочинениям, которых, однако ж, в печать не выдал*; им приготовлены были маневры для показания императору.

За месяц [до] прибытия государыни съехались иностранные министры, часть двора, множество иностранцев, а особливо знатных и богатых польских вельможных панов; тогда Могилев уподоблялся более многолюдному столичному, а не губернскому городу. Беспрестанные были праздники, балы и карточные игры, каковых, конечно, прежде в России не бывало, да и сумнительно, было ли после; граф Сапега проиграл тогда все свое знатное имение[9].

[9]Случилось в то время странное видение бывшему тогда губернатору Петру Богдановичу Пассеку; он был страстный игрок; в одну ночь, проиграв тысяч с десять, сидел около трех часов у карточного стола и вздремнул, как вдруг, очнувшись сказал: «Attendez**; приснился мне седой старик с бородою, который говорит: «Пассек, пользуйся, ставь на тройку 3 000, она тебе выиграет соника***, загни пароли****, она опять тебе выиграет соника, загни сетелева*****, и еще она выиграет соника». Ба, да вот и тройка лежит на полу; идет 3 000». И точно, она сряду выиграла три раза. Но сие видение тем и кончилось. Пассек был ленивый человек. Граф Захар Григорьевич требовал деятельности, а потому Пассек беспрестанно получал от него выговоры и взыскания; в один день получает из Полоцка от графа строгий выговор; на тот раз был у него мой отец и многие другие его приятели из тамошних чиновников. «Нет, братцы, — говорит он, — я решился идти в отставку, долго ли терпеть такие неудовольствия, да и старик мой, который заставил меня выиграть 21 000, сегодня приснился мне и сказал: "Полно, Пассек, грустить, поди в отставку, тебя отставят, но не пройдет трех месяцев, как пожалуют тебя сенатором, а ровно чрез год от сего дня главнокомандующий в Москве князь В.М. Долгорукий умрет, на его

Наконец, государыня чрез Псковскую и Полоцкую губернии прибыла к границе Могилевской, где отец мой встретил ее, а губернатор послан был встречать императора Иосифа II, под именем графа Фалькенштейна, едущего со стороны Галиции. Императрица пожаловала отца моего поцеловать ручку, сказала: «Если бы я сама не видела такового устройства в Белоруссии, то никому не поверила, а дороги ваши как сады». Перед въездом в Могилев [императрица] ночевала в Шклове, где была угощаема бывшим ее фаворитом, а на обратном пути обещала пробыть в Шклове одни сутки.

Встреча в Могилеве* была самая великолепная; за три версты прекраснейшей архитектуры построены были триумфальные ворота, между которыми и городом поставлены были войска, а по другой стороне народ и мещанство с их цеховыми значками. У самых триумфальных ворот встретил ее наместник граф З.Г. Чернышев с чиновниками губернии и дворянством с их предводителями, верхами; у городских ворот прибывший накануне фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский, светлейший князь Г.А. Потемкин и все бывшие тут генералы; перед каретою императрицы ехал эскадрон кирасир. В сопровождении всех вышеупомянутых особ, при звуке пушек и колоколов, императрица прибыла прямо к собору, где встречена была с крестом и св. водою преосвященным Георгием, архиепископом могилевским; приложась к образам и отслужив благодарный молебен, отправилась в дом наместника, где имела свое пребывание. Там встречена была римско-католическим архиепископом Сестренцевичем с духовенством [и] супругою наместника, статс-дамою, графинею Анною Родионовною Чернышевою с дамами.

На другой день императрица осматривала присутственные места, и после представлялись ей чиновники губернии и дворянство. Тот же день к обеду прибыл и император в сопровождении своего генерал-адъютанта и фаворита Когцейна[10]. Вечером представлялись все дамы, после чего при дворе был бал.

Не знаю, справедливо ли, но распространился слух, что императрица позвала к себе фельдмаршала графа Петра Александровича и говорила ему

место будет граф Захар Григорьевич, тебя же пожалуют на место последнего"». Отец мой записал сей день, и он точь-в-точь в год сбылся. Нужно заметить, что князь Долгорукий летами был гораздо моложе графа Чернышева и был здоров.

[10]Оный Когцейн на третий день приезда в Могилев, ночью хотев утолить жажду, схватил графин воды, который лопнул; мелкие части стекла врезались в руку его, отчего сделался антонов огонь**, и на другой день он умер. Погребли его уже по отъезде двора с подобающею по чину воинскою почестью.

о плане союза с Австриею; надобно знать, что с самого вступления на престол императрицы дворы российский и прусский связаны были тесным союзом; фельдмаршал страстно был привержен к Пруссии; в Семилетнюю войну он уже известен был взятием Кольберга, а потом был с вспомогательным корпусом при окончании царствования Петра III при короле прусском Фридрихе II против австрийцев; при восшествии на престол Екатерины II оставался зрителем побед Фридриха Великого. С того времени фельдмаршал был обворожен его воинским и государственным гением; впоследствии два раза был [в Пруссии] с наследником для женитьбы его, сперва на прежней великой княгине Наталье Алексеевне, урожденной принцессе дармштадтской, а потом на нынешней императрице Марии Федоровне, принцессе виртембергской, да и сама императрица Екатерина Алексеевна была принцесса цербстская, родственница Фридриха II. Король чрезвычайно уважал фельдмаршала, и он со всеми славными прусскими генералами был в коротком знакомстве; и восхищался прусскою армиею, конечно, тогда лучшею в свете, и с тех пор постоянно твердо оба двора хранили союз; новый же союз с Австрией, природно враждебною Пруссии, предложен был князем Потемкиным, личным неприятелем, по некоторым причинам, с фельдмаршалом. Натурально, что он опровергал то [этот союз], но государыня утверждала, что «союз сей касательно турецкой войны выгоден, и князь Потемкин то советует». Фельдмаршал сказал: «Государыня, вам не нужно ни от кого принимать советы: свой ум царь в голове». Императрица отвечала: «Правда, но есть и другая русская пословица, не менее справедливая: один ум хорош, а два лучше». Несмотря на представления фельдмаршала, союз с Австриею был заключен лично между двумя монархами[11].

В течение нескольких дней по утрам производились маневры в присутствии императора, а по вечерам продолжались устроенные наместником праздники. На четвертый день пребывания двора, бывши во дворце, граф З.Г. [Чернышев] говорил князю Потемкину, чрез которого текли все милости и с которым он был тогда в приятном обхождении, что очень

[11]Император, то в одно время узнав, что фельдмаршал не был к нему в добром расположении, разговаривая с ним, сказал: «Надобно удивляться блистательным вашим успехам в турецкой войне, что вы всегда продовольствовали армию в так худо населенной земле, как Молдавия и Валахия, но что вы били турков, то это сволочь (c'est de la canaille)». Граф так был недоволен таковым комплиментом, что в последующей турецкой войне никакой диверсии не делал в пользу австрийцев, и когда получал известия, что австрийцы были разбиты, то с удовольствием говаривал: «C'est de la canaille qui bat les troupes belles et régulières de sa Majesté l'Empereur Romain!»*

бы ему желалось, если бы государыня наградила достойного пастыря, преосвященного Георгия панагиею*; князь с удовольствием взялся доложить императрице и тогда же пошел в кабинет ее величества, в короткое время вышед оттуда и отдавая графу панагию, сказал: «Извольте отвезти сами желаемое вами награждение архиепископу». Граф тем обиделся и сказал: «У вас есть на то адъютанты, а я уже стар для рассылок». Видно, что князь хотел тем услужить графу, но, видя его гордый ответ, приказал при нем отвезти панагию к архиерею, а сам пошел к государыне и пожаловался за сделанную ему при всех грубость. Императрица разгневалась и с тех пор уже обращалась с графом холодно. Щедрые награждения орденами, чинами и подарками, какие были приготовлены чиновникам в белорусских губерниях, остались без действия. Светлейший князь в тот же день отправился. Кажется, что граф напрасно погорячился и тем самым лишил себя и подчиненных своих многих ожидаемых милостей.

В пятый день заложена была церковь во имя Иосифа, для здания которой императрица и император назначили значительные суммы; и когда императрица после коленопреклоненной молитвы, вместо того чтобы позволить себя приподнять графу, обернулась к губернатору Пассеку и, подав ему руку, сказала: «Петр Богданович, пособите мне встать». После того [ее величество] уже не была, как до сего, ни на каком угощении.

В седьмой день поутру [императрица] отправилась с императором в Шклов. Зорич к приезду ее построил преогромный дом, богато убранный, выписал из Саксонии фарфоровый сервиз, стоивший более шестидесяти тысяч рублей[12]. Благородные представили пантомиму на театре, бывшем в том же доме, с чрезвычайными декорациями, которых было до семидесяти; сочинение которой, как и музыка, костюмы и декорации было бароном Ванджурье, отставным ротмистром австрийской службы; император его тотчас узнал и объявил ему сожаление, что он оставил его службу. После ужина был сожжен фейерверк, деланный несколько месяцев артиллерии генерал-майором Петром Ивановичем Мелиссино; павильон был из 50 000 ракет, достоен своего мастера и стоил чрезвычайно дорого.

[12]Шкловский купец, еврей Нотка был послан от Зорича в Дрезден для покупки того фарфора. За провоз оного чрез Пруссию у въезда в границы сего королевства взята с него пошлина, а потом также и при выезде. Нотка письменно жаловался королю, что несправедливо с него взята вдвойне пошлина за провозимый им товар при въезде и при выезде его из королевства. Король дал ответ на его жалобу, в таких выражениях: «Господин шкловский купец Нотка! Справедливо с вас взята за товар пошлина, положенная законами; также справедливо и то, что при выезде взята таковая же; ибо если бы вы не захотели платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфор на моей берлинской фабрике».

На другой день императрица отправилась чрез Смоленск и Новгород в С.-Петербург, а император чрез Москву.

По отбытии императрицы был обед у архиерея Георгия, где граф Захар Григорьевич изъявил свое огорчение; после нескольких рюмок вина и несколько быв не трезв, сказал: «Ну, друзья мои, я виноват, что никто из вас не награжден; признаюсь, некстати разгорячился; ну вот, по крайней мере, жалованье государыни жене моей разделю с вами»; порвал ожерелье жемчужное у сидевшей возле его графини, которое рассыпалось и которое после подобрали.

Чрез несколько дней из многолюдного города сделался пустой, и Могилев принял свой вид. В исходе сего года Пассек вышел в отставку, а отец мой на его место пожалован губернатором.

[1781]. В 1781 году наследник престола, великий князь Павел Петрович с великой княгинею проезжал чрез Могилев в чужие краи*. Отец мой чрез всю губернию его провожал. Граф З.Г. Чернышев в Чесерске, местечке, принадлежавшем ему, угостил его [великого князя] великолепно, был благородный театр; были даны опера «Новое семейство», для сего случая сочиненная бывшим тогда полковником С.К. Вязмитиновым, музыка оной — графским адъютантом г. Фрейлихом**; потом французская комедия «Anglomane»; спектакль кончился прологом, [игранным] детьми и сочиненным графским секретарем Федором Петровичем Ключаревым. Я и сестра моя большая играли в опере. По окончании театра актеры представлены были их высочествам. Великий князь спросил отца моего, записан ли я в службу? Как он отвечал, что записан в Преображенском полку сержантом, великий князь сказал: «Пожалуйста, не спеши отправлять его на службу, если не хочешь, чтоб он развратился». После ужина сожжен фейерверк. На другой день их высочества отправились в Гомель, местечко, принадлежавшее фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому, где были им угощаемы, [и] продолжали далее путь свой.

В сем году граф З.Г. Чернышев пожалован был главнокомандующим в Москве***, а Петр Богданович Пассек на место его в Могилеве.

[1782]. В 1782 году светлейший князь Потемкин, проезжая чрез Могилев, обещал отцу моему взять меня к себе в адъютанты, и в сем году приобрел он полуостров Крым****, который назван Таврическою губерниею; светлейший князь пожалован генерал-губернатором как в оной губернии, так в Новороссийской и Херсонской.

Вот происшествие, случившееся во время проезда его светлости. Со времени случая Зорича они между собою были неприятели; хотя князь и не имел к Зоричу ненависти, но тот всегда думал, что он к нему не благоволит; чтобы доказать противное, светлейший князь остался в Шклове на целый день. Один жид просит позволения переговорить с князем наедине, князь, не ожидая ничего важного, не хотел было его к себе допустить, но как тот жид безотвязно просил о том, то князь и велел ввести его к себе в особливую комнату. Жид показывает сторублевую ассигнацию: «Видите ли, ваша светлость, что она фальшивая?» Князь долго рассматривал и не находил ничего, так она хорошо была подделана, подпись сенаторов и разными чернилами, казалось, никакому не подвергалась сомнению. «Ну, что же тут, покажи», — сказал князь; тогда жид показывает, что вместо ассигнации напечатано ассигиация[13]. «Где ты ее взял?» — «Если вашей светлости угодно, я вам чрез полчаса принесу несколько тысяч». — «Кто же их делает или выпускает?» — спросил князь. «Камер-

[13]Этим доказывалась легкость в подделке ассигнаций, что и было одною из причин, по которой императрица переменила ассигнации; впоследствии уже не сенаторы подписывали новые, а Государственного банка чиновники; прежние сперва были только в 100, в 50 и в 25 рублей, а новые прибавлены к оным в 10 рублей красные, а синие в 5 рублей. В царствование императора Александра I, как фальшивых ассигнаций умножилось, то снова переменили другие формы.

К перемене ассигнаций императрицею был еще поводом двадцатилетний банк, для дворянства и купечества, 13 миллионов под залог имений; ревизская душа принимаема была в сто рублей, платя проценты со ста по пяти да в уплату по три; в двадцать лет долг должен был быть заплачен. Поэтому кто только успел, тот и воспользовался оным, люди благоразумные, сделав заем, употребили суммы для заплаты долгов частным лицам или для оборотов, но большая часть употребили для прихотей и роскоши, которая с тех пор много увеличилась, а для нравственности была гибельна, от которой дворянство вошло в долги и видимо стало беднеть, 33 миллиона ассигнаций, вошед в оборот, потеряли свой кредит, прежние ассигнации ходили не только без лажа*, но, чтобы иметь 25-рублевую ассигнацию, платили 26 рублей серебром, а новые ассигнации вначале теряли 10 процентов, потом, по времени и по мере выпуска из Банка великого числа бумажных денег, кредит оных так упал, что с 1804 году уже серебряный рубль ходил уже в 4 рубля. С другой стороны, сказанный заем принес пользу: купцы употребили на заведение и построение в городах фабрик, домов и каменных лавок, отчего строением города улучшались. Впоследствии Банк сей обращен в осьмилетний, и ревизская душа принималась в 150 рублей. По утверждении Банка на 24 года, в великороссийских губерниях принималась в 200 рублей, а в прочих губерниях в 150 рублей, плата производилась по 6-ти процентов и по 2 в уплату капитала. После нашествия неприятеля великими пожертвованиями дворянство вошло в неоплатные долги, заложа почти все свое имение; не в состоянии было уплачивать положенное в Банк, имения потеряли свою цену, кредит потерян; в облегчение, в 1830-м году государь указал уменьшить один процент, но продолжить вместо 24-х на 26 лет заем. Ежели же кто пожелает продолжить на 36 лет, то проценты платить по четыре.

динер графа Зановича и карлы Зоричевы». Князь дал жиду тысячу рублей и приказал, чтоб он променял их на фальшивые ассигнации и привез бы ему на другой день в местечко его Дубровну, недавно им купленное, от Шклова по Смоленской дороге верстах в семидесяти.

Отпустя жида чрез некоторое время, князь притворился нездоровым и тот же день, до выздоровления, возвратился в Дубровну и послал за отцом моим, чтоб он туда к нему приехал; на другой день, как скоро батюшка мой к нему явился, тогда князь, полученный уже тогда пук ассигнаций показав ему, сказал: «Видишь, Николай Богданович, у тебя в губернии делают фальшивые ассигнации, а ты не знаешь? Как скоро я проеду Могилев, то ту же минуту поручи уголовной палаты председателю Малееву произвести следствие, не щадя ни самого Зорича, ежели будет в подозрении; я для того не хочу, чтобы ты сам следовал, чтобы в изыскании вины Зорича и его друзей-плутов не был употреблен Энгельгардт, мой родственник»*.

Теперь я делаю отступление и скажу о жизни Зорича и о Шклове. Ни одного не было барина в России, который бы так жил, как Зорич. Шклов был наполнен живущими людьми всякого рода, звания и наций; многие были его родственники и прежние сослуживцы его, когда он служил майором в гусарском полку, на его совершенном иждивении; затем отставные штаб- и обер-офицеры, не имеющие приюта, игроки, авантюристы всякого рода, иностранцы. Французы, итальянцы, немцы, сербы, греки, молдаване, турки, словом, всякий сброд и побродяги, всех он ласково принимал, стол был для всех открыт; единственно для веселья съезжалось даже из Петербурга, Москвы и разных губерний лучшее дворянство к 1 сентября, дню его именин, на ярмонки два раза в год, и тогда праздновали недели по две и более; в один раз было три рода благородных спектаклей, между прочим французские оперы играли княгиня Катерина Федоровна Долгорукая, генерал-поручица графиня Мелина и прочие соответствующие сим двум особам дамы и кавалеры; по-русски трагедии и комедии — князь Прокофий Васильевич Мещерский с женою, и прочие; балет танцевал Д.И. Хорват с кадетами и другими, польская собственная труппа. Тут бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки, иногда его кадеты делали военные эволюции, в шлюпках на воде катания. Словом, нет забав, которыми бы к себе хозяин не приманивал гостей, и много от него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но такового рода жизнь ввела его в неоплатные долги.

В числе живущих у него был турецкий князь Изек-бей, второй сын сестры царствующего султана**; когда Зорич был в полону, он с ним был

3 — 2203

знаком и пользовался его благодеяниями. Сей князь был сперва воспитан тайно под чужим именем, ибо, по турецким законам, сестра султана одного только может иметь в живых сына, а последующих должна при рождении задушать. По материнской природной нежности мать сберегла его, когда же начали догадываться, что он близкий человек султану, то мать его отправила в чужие краи, и он, быв во Франции, данные ему деньги все прожил, а более ему не присылали; вспомня свое знакомство с Зоричем, приехал в Шклов просить взаимной помощи, в чем ему и не было отказано. Он был прекрасный и любезный человек, говорил хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; впоследствии старший брат его умер, то султан, узнав о нем, позволил ему возвратиться в Константинополь. Многие русские его потом там видели и сказывали, что дан ему чин подавать султану умываться. Я для того о нем сказал, что можно ли было подозревать кого-либо, с каким намерением кто там жил? Тем более Зановичи могли быть без малейшего замечания, ибо они приехали как путешественники, познакомившись в Париже с Неранчичем, родным братом Зорича, и которого ссудили немалым числом денег, приехали же, имея паспорты, жили роскошно и вели большую банковую игру.

По последствию открылось, что как Зорич был много должен, то они [Зановичи] хотели заплатить за него долги, а Шклов с принадлежащим имением взять в свое управление на несколько лет, пока не получат своей суммы с процентами, а Зоричу давать в год по сту тысяч рублей, по тогдашнему времени большая сумма; для сего просиживали с ним, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употреблен в посредство учитель, бывший в корпусе, Салморан. Зорич говаривал, что скоро заплатит свои долги и будет опять богат, что подало подозрение, что он участвовал в делании фальшивых ассигнаций. Тоже послужило к таковой невыгодной для него мнении, что два карла меняли фальшивые ассигнации; то случилось оттого, что они держали карты, а на больших играх, особливо когда Зановичи метали банк, за карты давали по сту рублей и более.

Графы Зановичи родом из Далмации; меньшой из них был иезуитом; по уничтожении сего ордена монахов, возвратился к брату, который, прожив имение, стал жить на счет ближних разными оборотами; оба получили хорошее воспитание, при большом уме обогащены были познаниями; во многих были государствах и везде находили простячков, пользовались то игрою, то другими иными хитрыми выдумками; сказыва-

ли даже, что их портреты в Венеции были повешены, а они, сделав какое-то криминальное дело, успели ускользнуть; таким образом встретились с Неранчичем в Париже, как сказано прежде, и видно, что план их тогда же имел основание.

Когда уговорили Зорича на их предложение, то старший остался в Шклове, а меньшой уехал за границу, под видом там продать свое имение и приехать с деньгами для заплаты его [Зорича] долгов, но истинный предмет, чтобы там наделать фальшивых ассигнаций и уже приехать с готовыми в Россию и для делания оных привезти инструменты; он был за границею несколько месяцев, а по возвращении проживал в Шклове до приезда светлейшего князя с полгода. С отъездом его светлости в Дубровну меньшой Занович с Салмораном отправились в Москву.

Отец мой послал одного курьера обогнать его и известить главнокомандующего в Москве, а другого вслед, для надзирания за Зановичем.

Председатель Малеев, получа наставление, с земскою полицией и губернскими драгунами отправился в Шклов, ночью застал старшего графа Зановича в постели, отправил его за караулом в Могилев, прямо в губернское правление, квартиру окружили его караулом; также взяты Зоричевы карлы, а с самого Зорича взята подписка не выезжать из дома, пока не сделает ответа на запросные пункты. На квартире Зановича, по осмотре, ничего подозрительного не оказалось; найдено тысячи две рублей золотом, несколько сотен фальшивых ассигнаций и несколько вещей из дорогих каменьев. Камердинер его оказался девкою — его любовницею — итальянкою, но она ничего не знала; вся в том его [Зановича] была и услуга, ибо он только на квартире ночевал, а в прочее все время был в доме у Зорича. Князь Изек-бей был великий неприятель сих побродяг, беспрестанно с ними ссорился и неоднократно уговаривал Зорича, чтобы их прогнал.

В допросе губернского правления Занович показал, что брат его поехал чрез Москву в С.-Петербург, явить правительству вымененные ассигнации за границею от жидов за дешевую цену; но после нашли в его квартире под полом все инструменты для делания ассигнаций; по открытии чего отправлен был в С.-Петербург. Зорича же совершенно оправил в незнании фальшивых ассигнаций.

Меньшой Занович схвачен был в Москве, у самой заставы; найдено с ним с лишком 700 тыс. фальшивых ассигнаций, все сторублевые. Как он, стакнувшись с братом, показывал то же; потом, по признании их вины, заключены они были в крепость Балтийский порт*. Во время нападения

на оный порт шведов в 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты оного; Зановичи оказали особливую ревность и разумными советами некоторые услуги, за что, по освобождении порта, высланы за границу.

Говоря о Шклове, такое в нем было множество бродяг, так что если случалась нужда отыскивать какого-нибудь сорванца, то государыня приказывала посмотреть, нет ли его в Шклове, и иногда точно его там находили. Между прочим, во время французской революции, в 1792 году, граф де-Монтегю, бывший капитан корабля во французском флоте королевской службы, под видом эмигранта императрицею принят был в черноморский флот; он, проезжая Шклов, притворился больным и оставался там немалое время. Почтмейстеру казался он подозрителен, тем более что не успел туда приехать, как через Ригу адресованы были на его имя иностранные газеты. Один раз почтмейстер решился распечатать и, осматривая с прилежанием, заметил, что на одном листке между строк шероховато, а когда поднес к огню, оказалось написанное, и открылось, что Монтегю был якобинец и ему было поручено сжечь наш черноморский флот. Сего Монтегю отправили за караулом в С.-Петербург; впоследствии на эшафоте изломали над ним шпагу, и сослан он был в Сибирь в работу.

[1783]. В июле 1783 года мать моя по болезни отправилась в Нарву (и меня с собою взяла) пользоваться там от главного доктора г. Сандерса, где пробыв до сентября и не получа облегчения в своей болезни, отправилась в С.-Петербург. По прибытии туда, явился я на службу в Преображенский полк; майором тогда был генерал-майор Николай Алексеевич Татищев, приятель моего отца. Отыскал, что написан я в списке служащих и уже состою в третьей сотне и числюсь в 1-й мушкатерской роте.

III
ВСТУПЛЕНИЕ МОЕ В СЛУЖБУ ДО ОТКРЫВШЕЙСЯ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ В 1788 ГОДУ

Служба моя в гвардии ничтожна и кратковременна; некоторое время я был при роте и раза два дежурил, потом записан был в уборные. Так назывались сержанты, избираемые по высокому росту: одеты они были в обыкновенные тогдашние мундиры; шишаки вроде римских с богатою серебряною арматурою и панашем* из страусовых перьев украшали их головы; сума для патронов тож с серебряною арматурою. Сии уборные сержанты стояли по два на часах перед кавалергардскою залой, куда только впускались до капитана; но в дворянском мундире всякий имел право туда входить; я хаживал, быв сержантом гвардии, как и прочие мои товарищи, не в службе, в дворянском мундире, который во всяком чине дворянин имел право носить. За сею залою была тронная, у дверей которой стояли по два кавалергарда; не все генерал-поручики и тайные советники имели туда вход, но те только, которые имели на то позволение. Кавалергарды были не то что теперь**, их было всего шестьдесят человек; выбирались по желанию каждого; высокого росту, из дворян; они все считались поручиками в армии; капралы были штаб-офицеры, вахтмейстер — полковник, корнет — генерал-майор, поручик был светлейший князь Потемкин; ротмейстер — сама императрица; должность их была стоять по двое на часах у тронной, а когда императрица хаживала пешком в Александро-Невский монастырь, 30 августа, в день сего святого, то они все ходили пешком по сторонам ее[14]; мундир их парадный был синий бархатный, обложен в виде лат кованым серебром, и шишак тоже из серебра и очень тяжел.

По приезде светлейшего князя*** из Херсонской губернии определен я был к нему с четырьмя другими сержантами на ординарцы; сим закончилась служба моя в гвардии. 1783 года в декабре его светлость взял меня к себе в адъютанты; он тогда еще был генерал-аншефом и вице-прези-

[14]В последний раз сия процессия была в 1782 году, а после того она уже отменена.

дентом военной коллегии. По чину имел [он] одного генерал-адъютанта премьер-майорского чина, двух флигель-адъютантов капитанского чина да такое же число адъютантов по званию шефа екатеринославской конницы*. Адъютанты его, как он был вице-президент военной коллегии, имели право носить все армейские мундиры, кроме артиллерийского; и вообще, у всего генералитета адъютанты носили мундиры тех войск, какие у них были в команде; общий знак адъютантов был аксельбант на правом плече.

Князь жил во дворце; хотя особливый был корпус, но на арках была сделана галерея для проходу во дворец через церковь, мимо самых внутренних покоев императрицы.

Лишь я только вступил в свое лестное, по тогдашнему времени, звание**, как, по разным причинам, государыня оказала к нему [Потемкину] немилость, и уже он сбирался путешествовать в чужие краи, и экипажи уже приготовлялись. Князь перестал ходить к императрице и не показывался во дворце; почему как из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал; а сему следуя, и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать. Княгиня Дашкова, бывшая в милости и доверенности у императрицы, довела до сведения ее через сына своего, бывшего при князе дежурным полковником, о разных неустройствах в войске: что слабым его управлением вкралась чума в Херсонскую губернию, что выписанные им итальянцы и другие иностранцы для населения там пустопорожних земель, за неприуготовлением им жилищ и всего нужного, почти все померли, что раздача земель была без всякого порядка, и окружающие его делали много злоупотребления, и многое другое; к княгине Дашковой присоединился фаворит А.Д. Ланской.

Императрица не совсем поверила доносу на светлейшего князя и через особых верных ей людей тайно узнала, что неприятели ложно обнесли уважаемого ею светлейшего князя, как человека, способствовавшего к управлению государством, под ее скипетром совершенного гения; лишила милости княгиню Дашкову, отставила ее от звания директора Академии, а на место ее пожаловала г. Домашнева***, а князю возвратила доверенность.

Светлейший князь, в один день проснувшись, на столе близ кровати видит пакет, положенный его камердинером из греков, Захаром Константиновым, и который прислан был от императрицы с тем, чтобы для сего князя не будить; он, проснувшись, прочитав оный, закричал Попова,

правителя его канцелярии. Я, бывши тогда дежурным, позвал его; князь подал ему бумагу и сказал: «Читай». То был указ о пожаловании князя президентом военной коллегии, то есть фельдмаршалом. Василий Степанович Попов, тогда бывший подполковником, выбежал в комнату перед спальнею и с восторгом сказал: «Идите поздравлять князя фельдмаршалом». Я на тот раз один только и был; вошел в спальню, поздравил его светлость; он встал с постели, надел мундирную шинель, повязал на шею шелковый розовый платок и пошел к императрице, как он хаживал к ней по утрам. Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты его были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались; двое, однако ж, во время его невзгодья показали к нему приверженность, а именно камергеры Евграф Александрович Чертков и Александр Федорович Талызин*.

Штат, по чину его, увеличился, уже два генерал-адъютанта в чине подполковников и еще два флигель-адъютанта в прежних чинах. Остался прежний его генерал-адъютант Рибопьер, а другого взял меньшего сына фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовского, по екатеринославской коннице из его флигель-адъютантов в генерал-адъютанты Мамонова, который после был фаворитом.

Теперь почитаю приличным сказать вкратце о происхождении и истории моего генерала, игравшего роль, какую никто никогда в России не представлял и так не был силен.

Род светлейшего князя Потемкина был польский**; с завоеванием Смоленска предки его остались в России; были дворяне, но ни одного не было, который бы занимал высокие государственные должности***. Петр Великий употребил одного Потемкина для посольства в Англию****; но по возвращении ничем его не почтил. Отец знаменитого сего человека, окончa службу в гарнизоне капитаном, жил в поместье своем недалеко от Смоленска. Князь Григорий Александрович родился в 1736 году*****, в деревне Чижове, которая досталась по праву наследства от сестры [его]******, бывшей за Васильем Андреевичем Энгельгардтом, племяннику его, Василью Васильевичу Энгельгардту; другая сестра его была за Самойловым, а третья за Высоцким. До двенадцати лет он воспитывался при своих родителях. За недостатком учебных заведений отец записал его в смоленскую семинарию; но, заметя в нем пылкой ум, отправил в гимназию Московского университета. В характере Потемкина оказывалось в то время много странности. «Хочу непременно быть архиереем или министром», — часто твердил он своим товарищам. Поэзия, философия,

богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; в самой своей силе он держал у себя ученых рабинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение: когда все разъезжались, призывал их к себе и стравливал их, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях.

Родители его почли, что военная служба будет ему выгоднее; по ходатайству некоторых господ записали его в конную гвардию унтер-офицером и отправили на службу; по дошедшей до него очереди сделан он вахмистром. В сем чине был он в 1762 году. Образ его жизни доставил ему знакомство с важнейшими особами, участвовавшими в сей государственной перемене. В весь день 28 июня находился он вблизи государыни; был в ее свите, когда она поехала в Петергоф.

Екатерина II, вступив на престол, пожаловала Потемкина офицером гвардии и потом камер-юнкером; он послан был в Стокгольм курьером для объявления находившемуся там российскому посланнику графу Остерману с известием о перемене правительства в России.

Возвратившись из Швеции, он умел войти в теснейшую связь с особами, всегда окружавшими императрицу, и сделался известным более Екатерине, принят быв в ее общество небольшого числа известных людей. Потемкин был прекрасный мущина; имел привлекательную наружность, приятную и острую физиономию, был пылок и в обществе любезен.

Потемкин встретил при дворе некоторые неприятности; в 1769 году война с Турцией подала ему случай удалиться на несколько времени из столицы; пожалованный камергером, отправился он в армию волонтером, где участвовал во многих военных действиях в продолжение сей войны. Фельдмаршал Румянцев о славных победах послал его с донесением к государыне*. Государыня пожаловала его генерал-поручиком и генерал-адъютантом, где [он] снова принят был в число приближенных к императрице. Через несколько времени сделался пасмурным, задумчивым, наконец оставил совсем двор; переехал в монастырь Александра Невского, объявил, что желает там постричься, отрастил бороду и носил монашеское платье[15]. Великая монархиня, видя в нем отменное дарование государственного человека, вызвала его из сего уединения, пожаловала генерал-аншефом, подполковником Преображенского полка, осыпала всеми

[15]Полагают, что люди, ему преданные, внушили императрице, что он по любви к ней возненавидел свет, самолюбию ее было лестно, и прекрасный, великого ума человек сделался ее фаворитом.

щедротами и почестями, а при заключении мира с турками почтила графским достоинством, как непосредственно способствовавшего своими советами. В 1776 году римский император Иосиф II прислал ему диплом на императорско-княжеское достоинство с титлом светлейшего*. Имел все российские ордена, кроме Св.Георгия (который получил после), ордена всех европейских держав, кроме Золотого Руна, Св. Духа и Подвязки. Впоследствии и в свое время сказана будет окончательная его история.

Принц де-Линь так его портрет изобразил: «Показывая вид ленивца, а трудится беспрестанно; не имеет стола кроме своих коленей; другого гребня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она настала, унывает в удовольствиях; несчастен оттого, что слишком счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик и вместе избалованный девятилетний ребенок; любит бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас их раздает; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид восточного сатрапа или любезного придворного века Лудовика XIV и вместе показывает изнеженного сибарита. Какая же его магия? Гений, потом гений — и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздаянии наград, чрезвычайная тонкость, дар угадывать то, чего он сам не знает, и величайшее познание людей; это настоящий портрет Алквиада».

По моей молодости и неопытности почти вовсе не доходило до моего сведения ничего, касательно дворских интриг, но скажу, каким образом двор по наружности всем был известен. В каждое воскресенье и большой праздник был выход ее величества в придворную церковь; все, как должностные, так и праздные, собирались в те дни во дворец; те, которые имели вход в тронную залу, ожидали ее величество там; имеющие вход в кавалергардскую залу, тут более всех толпились; а прочие собирались в зале, где стояли на часах уборные гвардии сержанты. Военные должны были быть в мундирах и шарфах, статские во французских кафтанах или губернских мундирах и башмаках; все должны были быть приче-

саны с буклями и с пудрою; обер-гофмаршал и гофмаршалы заранее, до выхода императрицы, ходили по кавалергардской зале и, ежели усматривали, кто неприлично одет, просили такового вежливо выйдти. За несколько времени наследник, великий князь, с великою княгиней из своей половины проходили во внутренние комнаты государыни, которая в половине одиннадцатого часа выходила в тронную, где чужеземные министры, знатные чиновники и придворные ее ожидали. Там представлялись приезжие или по иным каким причинам имеющие вход за кавалергардов; там она удостаивала со многими разговорить. В одиннадцать часов отворялись двери; первый выходил обер-гофмаршал с жезлом, за ним пажи, камер-пажи, камер-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два в ряд; пред самою императрицею светлейший князь. Государыня всегда имела милый, привлекательный и веселый, небесный взгляд. Если были приезжие, или отъезжающие, или благодарить за какую милость, и не имеющие входа в тронную, представляемы тут были обер-камергером, и государыня жаловала цаловать им ручку; за императрицею шел великий князь рядом с великою княгинею; за ним статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины, по две в ряд. Тем же порядком [государыня] возвращалась во внутренние комнаты. Императрица кушала в час. Ежели кто хотел быть представлен великому князю и великой княгине, то представлялся на их половине в день, когда [их высочества] сами назначат.

Каждое воскресенье был при дворе бал, или куртаг. На бал императрица выходила в таком же порядке, как и в церковь; перед залою представлялись дамы и цаловали ее ручку. Бал всегда открывал великий князь с великою княгинею минуэтом; после их танцевали придворные, гвардии офицеры; из армейских ниже полковников не имели позволения; танцы продолжались: минуэты, польские и контрдансы. Дамы должны были быть в русских платьях, то есть особливого покроя парадные платья, а для уменьшения роскоши был род женских мундиров по цветам, назначенным для губерний. Кавалеры все должны быть в башмаках; все дворянство имело право быть на оных балах, не исключая унтер-офицеров гвардии, только в дворянских мундирах.

Императрица игрывала в карты с чужестранными министрами или кому прикажет; для чего карты подавали по назначению тем камер-пажи; великий князь тоже играл за особливым столиком. Часа через два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тем же порядком отходила во внутренние комнаты. После нее спешили все разъезжаться.

В новый год и еще до великого поста бывало несколько придворных маскерадов. Всякий имел право получить билет для входа в придворной

конторе. Купечество имело свою залу, но обе залы имели между собою сообщение, и не запрещалось переходить из одной в другую. По желанию могли быть в масках, но все должны были быть в маскерадных платьях: доминах, венецианах, капуцинах и проч. Императрица сама выходила маскированная одна, без свиты. В буфетах было всякого рода прохладительное питье и чай; ужин был только по приглашению обер-гофмаршала, человек на сорок, в кавалерской зале. Гвардии офицер наряжался для принятия билетов; ежели кто приезжал в маске, должен был пред офицером маску снимать. Кто первый приезжал и кто последний уезжал подавали государыне записку; она была любопытна знать весельчаков. Как балы, так и маскерады начинались в шесть часов, а маскерад оканчивался заполночь.

Один раз в неделю было собрание в Эрмитаже, где бывал иногда спектакль; туда приглашаемы были люди только известные; всякая церемония была изгнана; императрица, забыв, так сказать, свое величество, обходилась со всеми просто; были сделаны правила против этикета; кто забывал их, тот должен был в наказание прочесть несколько стихов из «Телемахиды», поэмы старинного сочинения Тредьяковского*.

У великого князя по понедельникам были балы, а по субботам на Каменном острове по особому его приглашению лично каждого, чрез придворного его половины лакея; а сверх того наряжались по два гвардии офицера от каждого полка.

В Европе славилась тогда певица г-жа Тоди и певец Маркези; никогда они вместе не съезжались, но императрица убедила их обоих прибыть в Петербург. Г<осподин> Сарти, известный сочинитель музыки, сочинил оперу «Армида и Рено»; все арии согласовались с желанием сих двух именитых артистов. Во время представления, один над другим стараясь одержать поверхность, пением своим [они] удивляли и восхищали знатоков и любителей музыки.

Образ жизни вельможей был гостеприимный, по мере богатства и звания занимаемого; почти у всех были обеденные столы для их знакомых и подчиненных; люди праздные, ведущие холостую жизнь, затруднялись только избранием, у кого обедать или проводить с приятностию вечер. В сем случае фельдмаршал, граф Кирилла Григорьевич Разумовский[16], отличался от прочих. У него ежедневно был открытый стол для пятидесяти человек; много бывало у него за столом таких гостей, которых он никогда не знавал. Рассказывали, что граф любил играть после

[16]Который никогда и ротой не командовал.

обеда в шашки, без денег, а как оная игра мало приносила удовольствия, то мало было и охотников. Случилось, что какой-то штаб-офицер в один день у него обедал; по предложению, кому угодно играть в шашки с его сиятельством, сей штаб-офицер рад был таковой чести и уже всякий день, недель с шесть, продолжал сию игру. Вдруг сего майора не стало; по привычке граф его спрашивал, но никто в доме не знал, кто этот был господин майор, откуда приехал и куда девался.

По воскресеньям у вице-канцлера графа Остермана бывали балы; вообще, много было открытых домов, где весело провожали время, а особливо у обер-гофшталмейстера Льва Александровича Нарышкина.

Публичные увеселения были: два театра, на которых играли русские актеры трагедии, комедии и оперы; в трагедии отличался своим неподражаемым талантом г. Дмитриевский. Французская была прекрасная труппа для трагедии и комедии, итальянская опера буфа, которую императрица[17] из всех театральных позорищ более всего жаловала. Балет, в котором тогда отличался Розетти как прыгун, а Пик для характеристических танцев. В Большом каменном театре* каждый четверг г.Морсаньи давал маскерады: платили за вход по одному рублю, и которые как все знатные обоего пола посещали, так и вся публика, маскированные и без масок. Императрица неоднократно инкогнито бывала, замаскировавшись, с фаворитом своим А.Д. Ланским, статс-дамою графинею Браницкой и камер-фрейлиною Протасовой.

Был музыкальный клуб, где каждую неделю по понедельникам были концерты и многие другие вольные для увеселения заведения. Игры азартные хотя законом были запрещены, но правительство на то смотрело сквозь пальцы. Словом, все жившие в Петербурге, жили вольно и приятно, без всякого принуждения, однако ж благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми в хорошем обществе, а для того надобно было иметь репутацию без малейшего пятна и тон хорошего воспитания.

Образ жизни моего генерала был единообразен; всякое утро дом его наполнялся вельможами, особливо военными, но его редкие кто видали. Он всегда был в своей спальне и шлафроке, кроме самознатных людей и коротких его знакомых, [никто] не входил [туда] без доклада. В час он обедал; его собственный стол был на 18 приборов, да для штата его, в

[17]Уведомилась она, что граф Безбородко дал 40 000 актрисе Давии, и как сие знала вся публика, что государственный тот человек употребил таковую знатную сумму, повелела актрису Давию выслать в 24 часа за границу, а потом и всю оную труппу выслать.

другой зале, на 24 прибора; как стол, так и все прочее было содержание придворное, равно и услуга. Любил играть в коммерческие игры, а иногда и в банк. Любил лакомиться самыми грубыми вещами, для чего старались ему доставлять по его вкусу, не только из Петербурга, как-то: хорошие соленые огурцы, капусту и тому подобное, из губерний; с нарочными курьерами доставляли из Урала икру, из Астрахани рыбу, из Нижненова Города* подновские огурцы**, из Калуги — калужское тесто. Иногда выезжал на вечера и балы, а особливо к Льву Александровичу Нарышкину; обедать иногда езжал к Матвею Федоровичу Кашталинскому, у которого почитался самый лакомый стол и собирались знатнейшие карточные игроки. На балы великого князя и на Каменный остров ни одного раза не миновал. Любил смотреть на искусных игроков в биллиард, почему всех лучших искусников отыскивали и к нему привозили; тоже любил смотреть игру шахмат, для чего из Тулы выписали одного купца — и он возил его с собою даже и в армию. Многие, чтобы быть известными его светлости, старались иметь к нему вход и его забавлять.

[1784]. В начале 1784 года светлейший князь преобразил армию в новую одежду***. Перед сим гренадеры имели старинные гренадерские шапки; мушкатеры, кавалерия и артиллерия носили шляпы; вся армия причесана была с пуклями, длинными косами и пудрою, что особливо было тягостно для нижних чинов; зимою одеты были в длинные мундиры, а летом в красные камзолы с рукавами; а по введенной реформе светлейшим князем у всей армии волосы были обстрижены в кружок, как можно ниже; вместо шляп и гренадерских касок даны легкие каски с плюмажем из шерсти; у гренадеров и кирасир плюмажи белые, спереди латунь с вензловым именем императрицы; у прочих войск плюмажи желтые, с простою полосою латуни. Вместо долгополых мундиров сделаны были куртки; вместо коротких штанов чикчиры**** сверх сапог, внизу обшитые черною кожею и застегивались 6-ю медными пуговицами; на лето все нижние чины имели кители из фламского полотна***** с широкими шароварами. Слободские гусарские полки уничтожены, а вместо оных сформировано 10 легкоконных полков, по 6-ти эскадронов каждый. Гвардия сохранила прежние свои мундиры и прическу. Генералитет, штаб- и обер-офицеры остались также в прежнем виде. Когда его светлость представил на утверждение императрице доклад, то надписал: «Солдатский наряд должен быть таков: что встал, то готов».

В исходе зимы князь отправился в свои губернии, как для осмотра оных, так и для того, чтобы увидеть преобразование армии в новой одежде;

еще более ему нужно [было] быть там, чтобы выманить хана Шахин-Гирея из гор, где он с приверженными себе крымскими татарами укрывался, увидя, что он был обманут обещаниями, которых не выполнили, отдав себя под покровительство российской державе и [за] добровольное покорение Крыма. Без того спокойствие в Крыму было непрочно; силою же князь не хотел к тому принудить, но во время своего там пребывания не успел, и внезапная смерть фаворита А.Д. Ланского, коего государыня особливо жаловала более прочих, заставила его без медления отправиться в Петербург. Начальство над войсками поручил он генерал-поручику Игельстрому; равно поручил ему и уговорить хана, а потом отправить его в Воронеж, который [Игельстром] в отсутствие князя приступил к исполнению сего таким образом.

До его командования войска очень дурно обходились с крымцами и, несмотря на их жалобы, никогда не давали им должного удовлетворения; тож неоднократно и просьбы хана в заступление обид и притеснений его бывших подданных оставались без внимания. Игельстром стал строго наказывать, по просьбам татар, правого и неправого; стал им всячески поблажать. Хан вошел с ним в переписку, благодаря, что он его бывших подданных покровительствует и защищает от страшных угнетений. Наконец, они сделались по письмам друзьями, и хан так расположен был к нему, что просил его к себе приехать в горы. Через несколько времени Игельстром получил курьера с малозначащими бумагами; он сделался задумчив, пасмурен; запершись в своем кабинете что-то писал, из сего заключили, что, верно, получил он какую-либо неприятность, и не приказано ли ему уже сдать войска старшему по себе, а самому отъехать для командования в другом месте? Как он был ненавидим, то вскоре молва эта разнеслась и дошла до хана.

Хан как скоро то услышал, то с большим соболезнованием спрашивал его письмом, справедлива ли эта молва? Игельстром отвечал, что ему велено ехать командовать кавказским корпусом, а более всего сожалеет, что отъезжает, с ним не видавшись. Хан пишет, что он в отчаянии, видя лишенных его крымцев такового покровителя, предлагал ему, что объезд на Кавказ очень далек, а ежели он поедет чрез его стан, в горах находящийся, то ему несравненно ближе будет и покойнее; что это есть средство лично запечатлеть его с ним дружбу. То было только и нужно Игельстрому. Он отвечал хану, что очень благодарен за таковое его приглашение и что как скоро он сдаст команду, то, известя его заранее, воспользуется сим случаем иметь давно желанное с ним свидание.

Игельстром нарядил один батальон с четырьмя пушками, выбрал к тому способного штаб-офицера, дал ему маршрут, под видом для безопасного его проезда, и особливое наказание, будто он сбился с дороги, в назначенное бы число до приезда Игельстрома очутился близ ханского стана и бросился бы к хану просить его защиты в ошибке, им сделанной; ибо-де Игельстром без того сделает его несчастным, а потом выпросил бы позволения для чести поставить в караул роту близ ханской ставки; инако-де Игельстром его не простит.

Игельстром, учредив сие, с большим конвоем кавалерии, под видом провода, с некоторыми генералами и множеством штаб- и обер-офицеров отправился в стан хана. Генерал по прибытии туда, как скоро увидел того офицера, то и напустил<ся> на него, хотел разжаловать его в солдаты; хан насилу мог испросить ему прощение. После сей комедии вошли они к хану в палатку; тут Игельстром сбросил с себя личину, стал уговаривать хана отдаться и предать себя справедливой монаршей милости. Хотя тогда хан и увидел себя обманутым, но уже нечего было делать; окружен будучи батальоном с пушками и более нежели тысячью человек российской конницы, он должен был согласиться. В тот же день хана вывезли, и вскоре был он отправлен на житье в Воронеж.

[1785]. Императрица очень обрадована была приездом князя; потерею любимца ее она очень огорчалась; на некоторое время при дворе остановлены были все увеселения. В придворной церкви у обедни сколько молодых людей вытягивались, кто сколько-нибудь собою был недурен, помышляя сделать так легко свою фортуну; частая перемена фаворитов каждого льстила, видя, что не все они были гении, почти все из мелкого дворянства и не получившие тщательного воспитания.

Наконец выбор пал на гвардии офицера Александра Петровича Ермолова; касательно его наружности, он не был отлично хорош, особенно в сравнении прежних фаворитов, а еще более с последним, Ланским; тот был человек большого роста, стан прекрасный, мужественен, черты лица правильные, цвет лица показывал здорового и крепкого сложения человека; а Ермолов был женоподобен, умом же не превосходил последнего, которого считали не слишком дальновидным.

Я недели две был нездоров и не выезжал из дому; получивши облегчение, приезжаю к князю и уведомился, что Мамонов пожалован был капитан-поручиком гвардии, а на место его взят Ермолов и что он живет во дворце, в отделении его светлости. Я тотчас пошел к нему знако-

миться. У комнаты его стоял придворный камер-лакей, который только прислуживает знатным придворным особам; я хотел войти прямо к Ермолову, но камер-лакей остановил меня и спросил: «Как прикажете о себе доложить?» Я был столько прост, что, не догадываясь, к чему готовится мой товарищ, сказал: «Что это за странность, что без доклада войти не можно?» Однако ж дал время о себе доложить. Ермолов принял меня очень вежливо, но свысока; я простодушно рекомендовал себя в его знакомство; он был знаком с моею матерью в Москве и считал за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и обещал при случае оказывать мне свои услуги.

Светлейший князь приготовил большой праздник в Аничковском в своем доме, или, лучше сказать, павильоне. В день сего великолепного маскерада приказано было всему его светлости штату быть в мундирах легкой конницы и в шарфах. Собравшись еще до приезда князя, увидел я Ермолова в драгунском мундире и в башмаках; по добродушию своему, подошед к нему, сказал: «Александр Петрович, разве вы не знаете, что велено всем нам быть в мундирах легкой конницы, в сапогах и шарфах?» — «Я знаю, — отвечал он мне, — но думаю, что его светлость на мне не взыщет». — «Остерегитесь, лучше поезжайте домой и переоденьтесь». — «Не беспокойтесь, — сказал он, — однако ж не менее я вам благодарен за ваше ко мне доброе расположение». Вскоре его светлость приехал, и представьте себе мое удивление, когда он взял Ермолова под руку и стал ходить с ним по зале, чего он и самых знатных бояр не удостаивал.

Когда все съехались, прибыла императрица с великими князьями, села играть в карты, а Ермолова поставили от нее шагах в четырех, впереди всех вельмож, стоявших вокруг государыни; тогда я только догадался, к чему сего адъютанта готовили.

Маскерад был чрезвычайно великолепен; более двух тысяч человек было в богатых костюмах и доминах. Большая длинная овальная галерея к одной стороне огорожена была занавесом, а в другом конце сделан был оркестр пирамидою, убранный с великим вкусом; более было ста музыкантов с инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкою, управляемою майором Росетти, всегда находившимся при князе; на самом верху пирамиды был поставлен в богатой одежде литаврщик-арап. Вся галерея освещена была висящими гирляндами вдоль и поперек, на которых поставлены были свечи.

Две пары танцовали кадриль: князь Дашков с княжною Барятинскою, в первый раз показавшеюся в публике и удивившею всех своею красо-

тою, а особливо ловкостью и гибкостью своего стана (которая после была замужем за князем В.В. Долгоруким*). Она одета была просто в белом платье, а кавалер ее сверх мундира в белой домине. Вторая пара была графиня Матюшкина (которая после была замужем за графом Вильегорским), кавалер ее был граф Г.И. Чернышев, обе пары танцовали так, что я в жизни моей лучших танцовщиков не видал.

Когда настало время ужина, хозяин доложил о том императрице; лишь только она подошла к занавесе, как она была поднята, и явился стол, богато убранный, как бы некоторым волшебством. Она [императрица] кушала за особым круглым столом с великими князьями, статс-дамами, камер-фрейлинами, чужестранными министрами и некоторыми самых первых степеней кавалерами; вокруг сего был поставлен в полциркуля другой большой стол, так что сидящие за оным обращены были к ней лицом; в то же время в одно мгновение внесено было до сорока малых столов, каждый о двенадцати кувертах, убранных и освещенных. Перед тем как императрице встать из-за стола, все они были вынесены и в один миг исчезли, равно и завеса опустилась. По некотором времени императрица с великими князьями изволила отбыть. Маскерад продолжался до трех часов.

На другой день новый фаворит занял во дворце обыкновенные комнаты, где они все пребывали, и пожалован был флигель-адъютантом ее величества[18] и станиславским кавалером; чрез несколько дней генерал-майором и кавалером Белого Орла; таков был ход всех фаворитов.

На исходе сего года мать моя скончалась, а сестра моя, Александра Николаевна, выпущена была из Смольного монастыря; мне поручено было ее принять и привезть к отцу моему в Могилев, для чего князь отпустил меня бессрочно в отпуск. После уже я по должности в Петербурге не бывал, ибо в 1785 году пожалован я был секунд-майором к иррегулярным войскам[19].

---

[18]Флигель-адъютанты ее величества были полковники, но они сохраняли свое звание, даже быв в генерал-майорском чине. У них был особливый мундир с шитьем и аксельбантом с вензеловым именем императрицы: впрочем, они могли носить мундиры всей армии. Чтобы быть флигель-адъютантом, надобно было иметь великий фавер; право их было по желанию оставлять свои полки или бригады во всякое время, даже и в военное, объявя только начальнику, командующему тою частию войск, в которой состоят под командою, что едут к своей должности ко двору. По службе это было большое злоупотребление: при малейших неудобствах всегда сии флигель-адъютанты пользовались сею несправедливою привилегиею.

[19]В течение сего времени случилось следующее происшествие: фрейлина Эльмт, г-жа Дивова, брат ее, флигель-адъютант князя Потемкина, граф Бутурлин и некоторые другие

[1786]. В мае 1786 года Ермолов вышел из фавера; дано ему было в Могилевской губернии шесть тысяч душ, а на место его поступил Александр Матвеевич Мамонов, бывший мой товарищ.

В 1786 году С.К. Вязмитинов, бывший тогда бригадиром в Вологодском пехотном полку и квартировавший тогда в Могилеве, женился на моей сестре Александре Николаевне; зять мой представил мне, какое несчастие быть майором и не знать службы, что, когда я буду определен в полк, то начальниками не буду уважаем, а еще того хуже, подчиненными презираем, почему предложил мне учиться у него в полку службе; на что я с большим удовольствием согласился. В мирное время полки входили в лагерь 15 мая, а в квартиры выходили 15 августа. Я перешел жить в лагерь и в первой роте считался за прапорщика сверх комплекта; нес всю службу простого офицера, ходил в караулы, дежурил, и капитан Дрейер, командовавший первою ротою, в угодность зятя моего поступал со мною так строго в учении, что я вскоре узнал фрунтовую службу; при исходе лагеря, я при полку исправлял майорскую должность и мог уже без стыда быть определен в полк и с честию удержать свое звание.

В 1786 году отобраны были от малороссийских монастырей деревни; из оных набраны были рекруты, и сформированы десять гренадерских полков четырехбатальонных. Сибирский гренадерский поручен был зятю моему, и я в оный был определен*. В Белоруссии полки были под начальством князя В.В. Долгорукого, которого команда была очень для молодых людей приятна, ибо вместо строгих смотров он желал только в лагере праздников, забавляя тем свою жену, на которой тогда только что женился. Всегда заранее извещал, когда который полк будет смотреть, и для того полковники приготовляли праздники, иллюминации и фейер-

сделали на многих знатных людей сатиру в рисунках с острыми, язвительными и оскорбительными надписями для многих лиц, в которых не пощажена и сама императрица**. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а в удовлетворение более потерпевших бесславия оный сожжен был на эшафоте палачом. Но по некотором времени парикмахер, убирая фрейлину Эльмт, понадобилась ему бумага на папильйоты, взглянул в угол, и видя разорванные лоскутки бумаги, но взявши их, увидел рисунки лиц, подобрал все и представил обер-гофмаршалу, который узнал ту сатиру, надписанную рукой фрейлины Эльмт, донес императрице, почему и открылись все авторы. Фрейлину Эльмт, как говорили, обер-гофмейстерина высекла розгами, и отправлена она была к ее отцу в Лифляндию. Дивова с мужем удалены из столицы; граф Бутурлин отставлен с запрещением въезжать в местопребывание государыни. Всех острее изображен был Безбородко, недавно пожалованный графом, держащий книгу с надписью: «Le comte nouveau relié en veau»***. Если бы подобные сему были насмешки и не касались обруганных в нравственности лиц, то, конечно, поступлено бы было более нежели снисходительно.

верки, и один другого хотели перещеголять. Но более всех в том успел Кинбурнского драгунского полка полковник Юшков: он построил галерею, в которой было около четырех тысяч восковых шкаликов; каков же полк был в учении, умолчу, ибо, употребляя лагерное время на устроение такой галереи, мало оставалось на учение.

[1787]. В 1787 году императрица предприняла путешествие в новоприобретенные свои области, в которых начальствовал князь Г.А. Потемкин. Государыня отправилась из Петербурга в первый день января; свиту ее величества составляла часть ее двора, ее канцелярия, дипломатический корпус и много ученых по разным частям; ехали с нею в карете: камер-фрейлина Протасова, Мамонов, австрийский посланник граф Кобенцель, Л.А. Нарышкин, обер-камергер Шувалов; в последующей за нею карете были: английский министр Фиц-Герберт, французский граф Сегюр, генерал-адъютант граф Ангальт и граф Н.Г. Чернышев*. Потом через день менялись в карету императрицы: Фиц-Герберт и граф Сегюр с Нарышкиным и Шуваловым.

Путешествие ее было чрез губернии Новгородскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую до Киева. Генерал-губернаторы, губернаторы с предводителями и почетными дворянами на границе каждой губернии встречали и провожали до следующей. В Мстиславе могилевский преосвященный Георгий приветствовал ее речью, по превосходству которой здесь поставляю [ее] в подлиннике[20].

Я был наряжен отвести роту в Кричев для караула ее величества; как скоро государыня изволила прибыть, я явился к генерал-адъютанту генерал-поручику графу Ангальту. Нельзя умолчать о сем оригинале; думая, по моему прозванию, что я немец, стал он было говорить со мною

[20]«Пресветлейшая императрица! Оставим астрономам доказывать, что Земля вкруг солнца обращается, или солнце обращается вокруг Земли. Наше солнце вокруг нас ходит и ходит для того, да мы в благополучии пребываем.

Исходиша, милосердная монархиня, яко жених от чертога своего, радуешься, яко исполин, тещи путь. От края моря Балтийского до края Евксинского шествие твое: да тако ни один из подданных твоих не укрыется благодетельные теплоты твоея, хотя же мы и покоимся твоим беспокойствием и негорькими хождениями твоими сидим сладко, всяк под виноградом своим и под смоковницею своею, яко же Израиль во время Соломона: однако солнечному свету подобясь, туда и очи, и сердца наши обращаем, аможе течение свое. Тецы убо, о солнце наше! спешно тецы не толинными стопами во всех твоих благонамерениях: к западу только жизни твоея не спеши. В том бо случае, яко же Иисус Навин, и руки, и сердца наши простирая к небу, возопием: стой, солнце, и не движись, дондеже вся великим твоим намерениям противныя торжественно победиши».

по-немецки, но, узнав, что я не говорю, спросил по-французски, где караульная, и приказал, чтобы я его в оную проводил. Пришед туда, начал он с каждым гренадером здороваться; самым смешным немецким выговором затвердил он наизусть несколько вопросов по порядку, как-то: «Здорова, мой други, как вы называетесь? кой город? женаты ли вы? имеете ли дети? много ли сыновей? много ли дочерей?» — и, несмотря на ответы, что холост, все продолжал от начала до конца свои расспросы; потом брал каждого руку; один гренадер, думая, что хочет пробовать его силу, так ему сжал его руку, что бедный граф, почти со слезами, с трудом отнял у него.

Ввечеру приказал мне спросить отца моего, есть ли тут пожарные трубы и прочие пожарные орудия? Я, по приказанию его, спросил батюшку, на что он мне отвечал: «Доложи графу, что это партикулярное местечко*, и никакой полиции нет; но я приказал капитану-исправнику изготовить несколько бочек с водою, собрать народ и поставить близ кухни». Что я его сиятельству и донес. «Ведите меня туда». Я, зная, где кухня, повел его в сопровождении караульного капитана Роштейна. Как у кухни всего того не было, то я побежал отыскивать; лишь только я несколько шагов отойду, он тотчас посылал за мною Роштейна; лишь только я к нему появлялся, он спрашивал: «Ou sont les pompes?»** — «Тотчас, ваше сиятельство». Наконец, по многом тщетном бегании, принужден был сказать, что ничего не нашел. Тут он мне сделал добрый окрик, для чего я в точности не исполнил его приказание, и взял меня за руку. «Пойдем, — сказал он, — я вас поведу к императрице и покажу ей, каких она исправных имеет в своей армии штаб-офицеров». Я насилу мог его упросить, чтоб он меня простил; тут новая беда: он потребовал мою записную книжку и своею рукою хотел вписать мою неисправность для урока; но как у меня на тот раз книжки не случилось, то снова обременил меня выговорами; наконец приказал мне, чтоб я не прежде лег спать, пока не приведу все порядок.

Однако ж я в том не почитаю себя виновным; мне приказано было спросить, где пожарные струменты, что я и исполнил. Увидя, что бывший прусской службы граф шуток не любил, отыскал [я] собранных исправником людей и множество бочек с водою, с ухватами; все то было готово, только не в назначенном месте. Часа за три до света его сиятельство просил меня к себе, и я с большим торжеством повел его и показал мою исправность.

После чего он был ко мне милостив и, по моей просьбе,выпросил у обер-камергера И.И. Шувалова, чтобы меня с караульными офицерами

представил государыне прежде других, дабы офицеры успели выйти к ружью, когда императрица отправится; ибо многие квартировавшие в Могилевской губернии военные чиновники прибыли в Кричев представиться ее величеству. Между прочим был тут Рижского карабинерного полка бригадир Хомутов с его полка штаб-офицерами. Обер-камергер поставил меня с моими офицерами у самых дверей, в которые государыне надобно было выйдти, так, чтоб я первый мог быть ей представлен. Но бригадир Хомутов, как скоро двери отворились, выступил передо мною; государыня, по названии его обер-камергером, подала ему ручку и, отворотясь от него, довольно громко спросила: «Не тот ли это Хомутов, который, бывши еще унтер-офицером конной гвардии, провозил потаенно товары мимо таможни?» Действительно, он был самый. Тем моя суетность была вознаграждена, что он перебил меня быть первым представленным.

Вот где мое самолюбие претерпело унижение: в день приезда государыни увидел меня камердинер ее, Захар Константинович Зотов, [который] был уже в полковничьем чине; а когда я был адъютантом у светлейшего князя, то он был камердинером при нем; [он] спросил меня, был ли я у Мамонова, моего бывшего товарища? Но как я сказал, что не был, то советовал мне к нему явиться. Я последовал его доброжелательству; ежели пользы никакой не получу, то, по крайней мере, при многолюдстве покажу, что я знаком фавориту. Я выступил с гордым и самонадеянным видом вперед и поклонился ему; но вместо того, чтоб обратить на меня благосклонное внимание, он взглянул на меня с презрением и отвратился. Это было низкое мщение за мою с ним бывшую ссору; но, признаться, очень мне было больно предо всеми быть так унижену.

Императрица продолжала путь до Киева, где пребывала до вскрытия от льда Днепра. Когда наступила весна и свободное по Днепру открылось плавание, ее величество отправилась водою на построенной для сего флотилии до днепровских порогов со всем двором и министрами. Путем сим управлял светлейший князь Григорий Александрович. Король польский Станислав Август имел с императрицею, доставившей ему корону, свидание в местечке Каневе, в польском владении, где готовился большой праздник. Императрица не рассудила съезжать на берег с своей яхты, но двор ее был великолепно угощаем.

У порога Кайдаки император Иосиф II встретил императрицу и вместе с нею сухим путем отправился на полуостров Крым. В Севастополе был построен великолепный дворец, из окон которого была видна вся

гавань; по прибытии ее сожжен был огромный фейерверк, и весь большой флот был иллюминован. Императрица наименовала светлейшего князя «Таврическим».

На возвратном пути, в Полтаве, собран был корпус войск, где производились маневры, те самые, которыми вечно достойный памяти потомства император Петр Великий победил Карла XII и возвел Россию на ту степень величия, в каковой она ныне. Иосиф II получил известие о возмущении нидерландцев*, почему и отправился восвояси, а императрица продолжала путь свой чрез Москву[21].

Важнейшая польза от путешествия Екатерины II в южные области России состояла в заключенном с императором Иосифом II наступательном союзе противу турок, последствие которого прославило российское оружие, изнурило Австрию и пагубно было для Турецкой империи.

[21]Государыня не очень жаловала Москву, называя ее к себе недоброжелательною, потому что все вельможи и знатное дворянство, получа по службе какое неудовольствие и взяв отставку, основывали жительство свое в древней столице, и случалось между ними пересуживать двор, политические происшествия и вольно говорить. Как Москва старинный город, то улицы ее не прямы, строение старое, не по новому вкусу архитектуры: близ огромного дома бывали хижины. Государыня спросила на другой день своего прибытия английского министра Фиц-Герберта с насмешливым видом: «Comment avez vous trouve ma bonne ville de Moscou?» — «Votre Majeste, — отвечал тот, — il n'y a pas une seul le ville au monde qui puisse etre comparee a Moscou en beaute». — «C'est une ironie?» — «Non, V.M., c'est la pure verite, il n'y a nulle part ce que j'ai vu a Moscou; j'ai vu des palais qui n'ecrasent pas des chaumieres aupres d'eux». То есть: «Как вам кажется мой добрый город Москва?» — «Нет в мире города, Ваше Величество, который был бы прекраснее Москвы». — «Вы шутите?» — «Нет, Ваше Величество, сущая правда: я нигде не видал того, что в Москве: дворцы в ней не давят собою близко находящихся хижин».

Принц де-Линь спросил императрицу: «Отчего, Ваше Величество, в проезде мы видели, что некоторыми губернаторами вы были довольны, а потому изъявляли им ваше благоволение, а некоторыми были недовольны, и вы им ничего оскорбительного не сказали?» — «Потому что, — сказала императрица, — я хвалю вслух, а браню наедине».

IV
ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА*

Булгакову, нашему министру при Оттоманской Порте, приказано было подать ноту, в которой, между прочим, требовано, чтобы Турция позволила иметь консула в Варне, чтобы признала Ираклия** русским вассалом, чтобы обуздала татар закубанских, беспокоивших набегами границы Российской империи, чтобы объяснила о военных своих приготовлениях и чтобы ответственные сим пункты даны были без медления[22].

Диван вместо ответа объявил войну России 5 августа и заключил посланника Булгакова в Семибашенный замок. По получении сего известия императрица выдала манифест о войне противу турок. Равно, как скоро дошло известие [до] императора Иосифа, так и он объявил войну Оттоманской Порте.

---

[22]Вскоре по прибытии двора в Петербург по случаю войны было сделано распоряжение всему генералитету, кому в какой армии быть и какими частями командовать. Сей список, сочиненный светлейшим князем, императрица утвердила. А.В. Суворов не был внесен в него, ибо светлейший князь, по странностям его, почитал его человеком ничтожным, а по чину его должно было дать ему преимущество перед многими, по службе считавшимися ниже. Суворов, узнав о том, приехал в Петербург, прямо явился к императрице и с плачевным видом сказал: «Государыня, я прописной». — «Как это?» — спросила императрица. «Меня нигде не поместили с прочими генералами, и ни одного капральства не дали даже в команду». Императрица оскорбилась на князя Потемкина и тотчас послала за ним. Посланный рассказал князю, по какому случаю за ним был послан, почему, быв предварен, он с готовым ответом пошел. Как скоро он вошел, государыня недовольным голосом сказала: «Как, князь, вы известного, отличного, заслуженного генерала в поднесенном вами мне списке пропустили?» — «Оттого-то, — сказал князь, — что он Вашему Величеству так известен, я и не вписал его с прочими, чтобы вы сами изволили назначить, где и как вам будет угодно». В сие же время и М.Ф. Каменский приехал. Государыня через несколько дней по его прибытии послала ему 5 000 рублей золотом; он счел то за маловажный подарок, и в Летнем Саду каждодневно делал завтрак, ловя встречного и поперечного, пока не истратил все жалованные деньги, и уехал. А Суворов поступил иначе: когда камер-лакей привез ему такой же подарок, он вынул один империал и, отдав его камер-лакею, сказал: «Доложи государыне, что Суворов по ее милости очень богат, и на что мне такая груда золота, а осмелился один империал вынуть, чтобы тебе дать». После того поехал из Петербурга. Императрица вслед за ним послала ему 30 000 р.; эту сумму он принял безотговорочно.

Составлены были две армии: Украинская, под командою фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, которая должна была вступить в Польшу и приблизиться к Днестру; правый фланг оной армии составлял корпус под командою генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова, центр армии составлял корпус генерал-аншефа Эльмта, левый фланг составлял корпус генерал-аншефа Михаила Федотовича Каменского. Екатеринославская армия состояла под командою фельдмаршала светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, которому назначено было в наступающую кампанию атаковать Очаков. Генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов тогда командовал в Кинбурне.

Зять мой С.К. Вязмитинов пожалован был генерал-майором, приказано ему было принять Белорусский егерский корпус, из четырех батальонов состоящий, на место заболевшего шефа того корпуса генерал-майора Фаминцына; Сибирский полк велено было принять полковнику князю М.М. Дашкову*, который пред сим командовал Днепровским мушкатерским полком; но большею частью сего полка люди посажены были на флотилию для путешествия императрицы к Херсону и там размещены по другим полкам. Князь Дашков принял полк на походе в Киев, откуда полк пошел в Польшу, в корпус графа Салтыкова, которого квартира была в местечке Янове.

Когда полк получил повеления идти в поход, почтенный мой отец, благословя меня, сказал: «Уверен, что ты не обесчестишь род наш своим недостойным поступком, и лучше я хочу услышать, чтобы ты был убит, нежели бы себя осрамил, а притом приказываю тебе ни на что не напрашиваться, а чего требовать будет долг службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро». Тут мы оба прослезились; поцеловав ему руку, с восхищением сел я на коня и с полком выступил, делая планы отличиться геройски и строил воздушные замки**.

Первого октября турки атаковали Кинбурн; Суворов не приказал противиться высадке, дал им время сделать несколько ложементов и, как уже увидел их приблизившихся шагов на двести для штурма крепости, тогда напал он на них с своими войсками. Турки беспрестанно с флота получали новые подкрепления, положение наших войск было весьма опасно; сражение сделалось общее, и так обе стороны перемешались, что артиллерия принуждена была остановить свое действие; храбрость наших поколебалась; уже было начали отступать; наконец пришло к русским подкрепление, около трехсот человек, [и] сие малое число решило сра-

жение. Турки прогнаны, в 10 часов ночи победа была одержана. Большая часть турок убита, а еще более потонуло; малое только число спаслось на суда.

Еще в сумерки Суворов был ранен в левое плечо; он потерял много крови, и не было лекаря перевязать рану. Козачий старшина Кутейкин привел его к морю, вымыл рану морскою водою и, сняв свой платок с шеи, перевязал им рану. Суворов сел на коня и опять возвратился командовать. Тогда же генерал-майор Рек был ранен; наша потеря была очень значительна.

Сия первая победа в сию войну тем была важнее, что намерение турок оною уничтожено взять Кинбурн, привесть себя в состояние напасть выгодно на Херсон и Крым и истребить нашу флотилию. За сию победу Суворов награжден был андреевским орденом.

Светлейший князь, опасаясь вторичного нападения еще на несобравшуюся его армию, просил императрицу, чтобы на случай мог он употребить один корпус Украинской армии. Государыня приказала фельдмаршалу графу Румянцеву, чтобы, по способности, один корпус его армии состоял под ордером светлейшего князя до открытия кампании, почему фельдмаршал и приказал генералу Каменскому явиться к князю.

Каменский поехал в Елисаветград, где тогда была главная квартира его светлости; но как он предвидел, что больше будет выгод в армии светлейшего князя, чем под командою устарелого фельдмаршала, то и просил его [Потемкина], чтобы он его корпус взял совсем в его армию, сказав: «Ибо с тех пор, как я состою под ордером вашей светлости, корпус мой претерпевает во всем недостатки, как-то: в свое время не получаю ни амуницию, ни жалованье, ни провиант». Князь отвечал: «Очень хорошо; отправьтесь в свой корпус (который расположен был в Умани), где узнаете о вашем желании». Как скоро Каменский отправился, князь вслед за ним отправил курьера, требуя изъяснения письменного о том, что он докладывал ему о претерпевании нужд его корпуса. Каменский нехотя должен был сие исполнить, хотя с некоторыми увертками. Князь, получа от него требуемое, отправил к фельдмаршалу рапорт Каменского в предосторожность от сего коварного человека. Князь не любил подлых людей, и с тех пор он никогда его не употреблял, да и граф Петр Александрович поступал с ним не лучше. Вот что выиграл Каменский своею интригой[23].

[23] Еще был случай, в котором князь Г.А. Потемкин показал, что не любит льстецов и подлецов. Известный по сочинениям своим Денис Иванович Фон-Визин был облагодетельствован Иваном Ивановичем Шуваловым; но, увидя свои пользы быть в милости у

До открытия кампании войска в занимаемых квартирах были покойны; тут я увидел разницу между бывшим и новым моими полковниками. Зять мой вел службу, как должно бы наблюдать каждому; во-первых, военная дисциплина строго хранилась, чин чина почитал, но благородная связь была между корпусом офицеров; порядок канцелярии в отчетах сумм жалования, амуниции, провианта и фуража приведены были в точность, обоз был исправный; полковые лошади были добрые, полк учился превосходно, в эволюциях офицеры были наметаны, солдаты без изнурения выправлены, одеты без лишней вытяжки, хорошо. Во время похода в России и Польше ни одной подводы ни под каким видом никто не смел взять, солдаты несли на себе все тягости и даже шанцевый инструмент[24]. Словом, полк мог быть во всех частях образцовым в армии. При командовании же полком князем Дашковым солдаты во многом претерпевали нужды, для продовольствия провианта и фуража [он] принимал деньгами и задерживал их; то же случалось и с жалованием; хотя чрез некоторое время оно и отдавалось, но не в свое время, лошади худо были накормлены, отчего в переходах в Польше бралось множество подвод, почему беспрестанно на полк были жалобы, а во время кампании к полковому обозу наряжались солдаты, чтобы в трудных местах пособлять взводить на горы. Чтобы нижние чины не роптали, князь дал поползновение к воровству, чем, по времени, Сибирский полк получил дурную молву; полковник имел пристрастие к некоторым офицерам, зато другие были в загоне и претерпевали разные несправедливости.

[1788]. В 1788 году, в апреле, зять мой С.К. Вязмитинов с 4 батальонами, 4 эскадронами и двумястами козаков посылан был в соединение с

светлейшего, невзирая на давнюю его большую неприязнь с Шуваловым, перекинулся к князю и в удовольствие его много острого и смешного говорил насчет бывшего своего благодетеля. В одно время князь был в досаде и сказал насчет некоторых лиц: «Как мне надоели эти подлые люди». — «Да на что же вы их к себе пускаете, — отвечал Фон-Визин, — велите им отказывать». — «Правда, — сказал князь, — завтра же я это сделаю». На другой день Фон-Визин приезжает к князю; швейцар ему докладывает, что князь не приказал его принимать. «Ты, верно, ошибся, — сказал Фон-Визин, — ты меня принял за другого». — «Нет, — отвечал тот, — я вас знаю, и именно его светлость приказал одного вас только и не пускать, по вашему же вчера совету».

[24]Многие полки, проходя по России и Польше, брали подводы для облегчения солдат, так что, кроме ружья, они ничего не носили. Мы все роптали, для чего бы, казалось, и нам изнурять своих; но пользу уже я увидел во время кампании, когда должно было носить на себе все тягости; не привыкшие к тому уставали до того, что, пришед в лагерь, в других полках сотнями отставали, а в Сибирском полку, по навыку к трудам, ни одного отсталого не было.

австрийцами для закрытия Буковины, угрожаемой турками; но вскоре возвратился, не имев никакого дела.

Украинская армия образовалась таким образом: корпус, состоящий из 12 батальонов, 12 эскадронов, 30 орудий полевой артиллерии и одного козачьего донского полка под командою генерала графа Салтыкова, в соединении с австрийским корпусом под командою принца Кобургского должен был осадить Хотин.

Главному корпусу назначено было рандеву* Подольской губернии при местечке Мурахве (в который [корпус] Сибирский полк был назначен). Оный [корпус] состоял из 17 батальонов, 10 эскадронов кирасир, 18 карабинер, одного донского козачьего полка и 30 орудий полевой артиллерии.

Корпус генерала Эльмта, составляющий из 12 батальонов, 12 эскадронов, двух донских казачьих полков и 30 орудий полевой артиллерии, должен был перейти через Днестр и делать поиски над неприятелем.

Резервный корпус под командою генерала Каменского состоял из 12 батальонов, 12 эскадронов, одного полка донских козаков и 20 орудий полевой артиллерии.

Вся армия, ежели была бы в комплекте, то состояла бы в 50 тыс.; но налицо, конечно, не превосходила 30 тысяч человек.

Как в Украинской армии не было регулярных легких войск, то фельдмаршал испросил позволение у императрицы преобразовать четыре полка карабинер и назвал их легкоездными. У фельдмаршала с князем Потемкиным был спор в наименовании войск: сперва именовали легкою кавалериею, [а] светлейший князь назвал легкою конницею; граф назвал своих легкоездными. Когда светлейший князь впоследствии принял в командование обе армии, назвал их конными егерями, хотя лошади и вооружение оставались те же самые.

Екатеринославская армия числом гораздо была превосходнее [и] двинулась к Очакову. Притом под непосредственным распоряжением светлейшего князя состоял Черноморский флот и гребная флотилия. Всеми морскими силами управлял вице-адмирал Н.С. Мордвинов, флотом начальствовал контр-адмирал Ушаков, имея под собою известного Польжонса, прославившегося в американской войне**. Флотилиею командовал принц Нассау.

Собравшейся Украинской армии главный корпус получил повеление идти к Могилеву, что на Днестре; по прибытии туда, на другой день и фельдмаршал прибыл с главною квартирою. Генерал-поручик князь

Г.С. Волконский вступил в командование корпусом. Всею артиллериею армии командовал артиллерии генерал-майор И.М. Толстой; инженерами бригадир Б.Ф. Кнорринг. Генерал-квартермистром был Н.М. Бердяев, при нем генерал-квартермистры-лейтенанты: бригадир Медер и полковник Филиппи. Дежурным генералом фельдмаршал избрал генерал-майора А.Я. Леванидова. В корпусе командовали: кавалериею генерал-майор В.В. Энгельгардт, пехотою генерал-майоры граф Мелин и Мельгунов, авангардом генерал-майор Ласси.

На другой день по прибытии фельдмаршала [он] приказал войскам быть во фрунте без ружья и сам со всеми генералами прибыл к корпусу; все были при появлении его в восхищении; ни одного не оставил [он] штаб-офицера, которому бы не сказал что-нибудь приятное. Как скоро сказал солдатам: «Здравствуйте, ребята!» — все почти в голос закричали: «Здравствуй наш батюшка, граф Петр Александрович!» Старые солдаты говорили: «Насилу мы тебя, отца нашего, увидели». Поседелый унтер-офицер, обвешанный медалями, сказал фельдмаршалу: «Вот уже, батюшка, в третью войну иду с тобою». — «Ну, друг мой, — отвечал граф, — в четвертый раз мы вместе с тобой уже воевать не будем». Объехав все полки, исполненные радостью его присутствием, отъехал [он] в главную свою квартиру в Могилев.

Авангард[25], состоящий из пяти батальонов, 6 эскадронов и донского полка Грекова, переправился чрез Днестр, а в то время наводили понтонный мост.

Как скоро мост был готов, весь корпус переправился и занял высоты: пехота в две линии, кавалерия в третьей, а главная квартира за оною. Гренадерские полки, как-то: Сибирский на правом фланге, 1-й и 2-й батальоны в первой линии, а 3-й и 4-й во второй; на левом фланге был Малороссийский гренадерский, в котором фельдмаршал был шефом. Первыми двумя батальонами в лагере начальствовал сам полковник, а как подполковник откомандирован был для командования сводным гренадерским батальоном в авангард, то, как старший по нем в лагере, 3-м и 4-м батальонами полка командовал я; как же скоро корпус двигался, то полк соединялся вместе.

На другой день выступил корпус в поход. Перед выступлением, когда лагерь был снят, полки выстроились, знамена развернуты. Фельдмаршал проезжал мимо фланга командуемых мною батальонов; я сделал ему на караул и поскакал ему навстречу. Но представьте мой ужас! Фельд-

[25]Не пишу чисел, когда что происходило, потому что не помню.

маршал на меня кричал самострашным голосом; вид его представлял чего вообразить невозможно; ноздри раздувались, глаза яростно сверкали. Как скоро я услышал этот голос и [увидел] страшный его вид, то так оробел, что не слыхал ни одного его слова. Дежурный генерал, подскакав ко мне, приказал командовать «На плечо!»; я едва мог выговорить. После чего опять подъехал [он] ко мне и спрашивал от имени фельдмаршала, как я осмелился отдать ему честь? Я отвечал, что это считал долгом. Но он мне сказал: «Вчера был отдан приказ, что, когда фельдмаршал будет проезжать мимо полков или караулов, никогда бы не отдавали ему чести». Я отвечал, что приказа сего не слыхал. Когда дежурный генерал донес о сказанном мною, фельдмаршал поехал к 1-й линии, где мой полковник тоже сделал ему на караул. Фельдмаршал делал таковое же взыскание; но как полковник отвечал, что приказа того не слыхал, то фельдмаршал, обернясь к князю Волконскому, сказал: «Князь Григорий Семенович, я вам приказал?» На что тот отвечал, что и [он] приказал. Но полковник утвердительно донес графу, что в Сибирском полку сей приказ не объявлен. Фельдмаршал приказал дежурному генералу объехать все полки и спросить, в которых полках объявлено сие приказание? Между тем весь корпус стоял в ружье. Дежурный генерал, справясь, донес, что ни в одном полку не было того объявлено. Тогда фельдмаршал с великим гневом сказал Волконскому: «Господин генерал! ежели вы впредь забудете исполнить мое приказание, я вас поставлю перед взвод гренадер с заряженными ружьями; а теперь поезжайте к г.майору Энгельгардту и скажите ему, что он исполнил свою должность, я его благодарю и что выговор, сделанный ему, к вам относится». Хотя его сиятельство и подъезжал ко мне, но приказанное фельдмаршалом мне сказать не объявил; однако ж мое удовлетворение всем стало быть известно, ибо главнокомандующий был окружен всеми генералами и всем штатом, к главной квартире принадлежащим.

Порядок марша каждого перехода был таков: накануне за авангардом на завтрашний день в караул наряженные, то есть все пехотные пикеты с шанцевым инструментом; все отъезжие пикеты кавалерийские с дежурными штаб-офицерами, с генерал-квартермистром и квартермистрами отправлялись занимать лагерь, и когда корпус вступал в оный, то все уже караулы были на своих местах, и цепь расставлена. Во время похода артиллерия составляла среднюю колонну, по сторонам ее две пехотные колонны; перед каждой командировано было по одному эскадрону кавалерии для утоптания травы; по сторонам пехотных колонн [были] две

кавалерийские, по сторонам которых составляли кавалерийскую цепь. Обоз тянулся в две веревки, а иногда и четыре, ежели позволяло место; за оным вагенбург*.

Бывшие того дня полевые пехотные пикеты с отъезжими караулами оставались на своих местах по выступлении корпуса; дежурные штаб-офицеры формировали оные в батальоны и эскадроны и составляли ариергард.

Когда вступали в лагерь, то каждый батальон подходил к левому флангу своего лагеря, а кавалерийские полки к левому флангу своих полков; тогда вдруг делан был отбой, и пехота церемониальным маршем повзводно, а кавалерия поэскадронно входили в линию.

В походе наряжалось два эскадрона в конвой к фельдмаршалу, и он, несмотря ни на какую погоду, верхом, в одном мундире, до половины марша ехал при корпусе. На половине приказывал делать отбой на час времени, а сам с главным штабом уезжал вперед осмотреть занятие лагеря; иногда приказывал, по положению места, переменить лагерь, потом ездил в авангард, осматривал отъезжие пикеты и приказывал, куда посылать партии. Случалось, что мы, пришед в лагерь, уже отдохнули, а он только что приезжал.

Во время марша фельдмаршал подъезжал к полкам и не дозволял, чтобы офицеры сходили с лошадей; ибо, по тогдашнему обряду службы, когда выходили войска в поход, то, кроме дежурных при полку одного капитана и при каждом батальоне по одному офицеру, все прочие офицеры могли ехать верхом подле своего взвода. Солдаты, по желанию, пели песни и, когда граф подъезжал, обыкновенно старались петь какую-нибудь военную, в честь ему, как-то: «Ах ты, наш батюшка, граф Румянцов генерал» и проч. Иногда давал [он] сим песельникам червонца по два, говорил им несколько ласковых слов, тоже удостаивал разговаривать с некоторыми штаб- и обер-офицерами; словом, приветливостию своею привлекал к себе всех души и сердца.

Лагерь всегда был в две линии: на флангах кавалерия, артиллерия батареями между полками, а главная квартира между двух линий. Караул фельдмаршала состоял из 24 человек при одном офицере с хором музыки и конвойной команды с литаврами, с двумя трубачами; для сигналов вестовая пушка, из которой стреляли к вечерней заре.

Пароль и приказ отдавал дежурный генерал, для принятия которого должны были быть: дежурный по корпусу полковник, подполковник и секунд-майор, от каждого полка штаб-офицер и генеральские адъютанты**.

К разводу фельдмаршал никогда не выходил.

Когда корпус не был в походе, обыкновенно граф выходил из своей ставки, или домика, в большой ериной намет*, где уже стол был накрыт и где генералы и штаб-офицеры и некоторые из обер-офицеров были. Всегда выходил в мундире, с тростью и шляпою в руке. Обходил всех, тут бывших, и ежели с кем не поговорил, то, по крайней мере, делал ему приятную мину. Наконец пил водку и закусывал, и все, кто тут был, — тоже. В первом часу обедал; стол накрываем был на 40 кувертов**; другой стол, в особливом намете, для штата его и ординарцов, от каждого полка наряжаемых по одному офицеру.

После стола тотчас откланивался; по вечерам собирались к нему генералы и полковники, иногда играли в коммерческие игры.

Второй лагерь был при деревне Плопах, в 30 верстах от Днестра; тут пробыли более месяца в ожидании действия осады Очакова и Хотина. Корпус генерала Эльмта дошел до Ясс, не встречая нигде неприятеля; фельдмаршал был недоволен медленным и тактическим немецким движением сего корпуса, почему сей генерал, когда главный корпус подошел к Цицоре на Пруте, в 20 верстах от Ясс, отправился в отпуск и более уже в армию не приезжал.

По долгом пребывании в лагере при Плопах отпросился я к Хотину на короткое время, посмотреть осаду и видеться с моим зятем, Сергеем Кузьмичем, тогда бывшим в том корпусе. Он, с позволения графа Салтыкова, дал мне своего адъютанта, чтобы осмотрел я все батареи и траншеи, которые только вели цесарцы***, а наши, пользуясь рвами около Хотина, закрывались оными от канонады.

Тут я увидел, что как недостаточно знать одну только фрунтовую службу; но, чтобы значить более, надо знать фортификацию и артиллерию; и тогда же принял намерение в зимовые квартиры заняться сими науками, необходимыми для генерала, а как я держался правила, что худой тот солдат, который не надеется быть фельдмаршалом, то и думал, что необходимо нужно иметь познания, сопряженные с сим званием. Был я в лагере у австрийцев, составлявших левый фланг.

Ни у австрийцев, ни у русских осадной артиллерии не было; батареи были в таком отдалении, что едва двенадцатифунтовые ядра доносило до бруствера, а гранаты их полумортирных единорогов никакого действия не производили; ночью подвигали батареи без всякого закрытия, и без цели выстрелы не делали ни малейшего вреда.

Я чуть было не попался в плен и особливым чудным образом избавился. У Днестра был во рву егерский пост, не допускающий турок пользоваться хорошею ключевою водою. Осмотрев оный, адъютант Сергея Кузьмича узнал, что ночью, перейдя ров, заложена была батарея, которая и нам была видна, но не знал, что проезд к оной по сию сторону рва шел очень близко неприятельского ретранщамента*, а ров был так крут, что едва с трудом можно сойти пешком. Лишь только мы несколько проехали, как егеря стали нам кричать: «Остерегитесь, турки вас видят и намереваются выйдти из ретраншамента, чтобы вас схватить», а мы уже так заехали, что возвратиться к егерскому посту значило быть еще ближе к ретраншаменту, а до батареи еще было далеко; отдаться в плен охоты не было, а равно даром и убиту быть; [потому] решился, несмотря на крутизну рва, спуститься и рвом добраться до егерского поста, что, благодарение богу, удалось. Можно сказать, у страха глаза велики: в обыкновенное время, конечно, никто не осмелится спуститься на лошади в сей буерак. Должен еще признаться в моей храбрости: с польской стороны, по правой стороне Днестра, заложена была сею же ночью батарея, которую я желал видеть; турки, для воспрепятствования работы, стреляли ядрами; первое, которое я услышал, заставило меня с такою торопливостью нагнуться, что обе шлифные** пряжки у меня лопнули.

Пробыв при Хотине два дня, возвратился я в главный корпус.

Во время пребывания в расположении главного корпуса получено известие, что шведский король Густав III внезапно объявил войну и вступил в российскую Финляндию, а флот его под командою герцога Зюндермаландского атаковал Балтийский Порт и требовал от коменданта сдачи; комендант был майор Кузьмин, старый инвалид, у которого в прежнюю войну была оторвана рука; он отвечал: «Я рад бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и та занята шпагою». По нескольконедевной храброй обороне герцог принужден был отойти насупротив русского флота, вышедшего из Кронштата под командою вице-адмирала Грейга. Произошла у Красной Горки морская баталия; все выстрелы в Петербурге были слышны; двор готовился выезжать. Но Грейг одержал славную победу и взял вице-адмиральский корабль с начальником оного графом Вахтмейстером. Ветер способствовал шведскому флоту укрыться в своих гаванях, но Грейг был опасно ранен и вскоре от раны умер. В Финляндии собрана наскоро армия, которая поручена была в команду генерал-аншефу графу Валентину Платоновичу Пушкину.

Там же получено известие от светлейшего князя, что послан был от флота капитан Сакен на дубль-шлюбке* для разведывания о неприятельском флоте и содержания брандвахты близ Кинбурнской косы. Он, усмотрев передовые суда капитан-паши**, идущие на всех парусах, почел за благоразумие идти на Глубокую Пристань для извещения принца Нассау-Зигена о появлении неприятеля или присоединиться к русской эскадре, стоявшей выше устья реки Буга перед Станиславовою косою. Турки устремились за дубль-шлюпкой. Сакен, чувствуя несоразмерность сил, поспешал удалиться, но четыре турецкие галеры, очень легкие на ходу, настигали его и кричали, чтоб сдался. Сакен, войдя в устье Буга, высадил всех бывших людей и, чтобы не дать завладеть судном туркам, сам с зажженным фитилем спустился в крюйт-камору***. Вскоре дубль-шлюпка была окружена преследовавшими ее галерами; экипаж их, видя русское судно оставленное, смело пристал к борту, и толпы взошли на палубу, как вдруг с треском дубль-шлюпка поднялась на воздух и вместе с нею турецкие галеры со всеми на них бывшими людьми. Таким геройским подвигом капитан Сакен кончил жизнь свою, увековечив ее вечною славою.

Очаковская осада продолжалась медленно, которую называл фельдмаршал осадою Трои; однако ж были успехи на водах, как-то: наша флотилия одержала победу над флотилиею турецкою, равно как и большой наш флот заставил турецкий оставить Очаков.

В течение очаковской осады Алекс<андр> Вас<ильевич> Суворов в один день при вылазке завязал большое дело, посылая беспрестанно по нескольку батальонов занять сады, прилежавшие к крепости, так что весь левый фланг вступил в сражение, и наши войска много претерпевали от усилившихся подкреплений турок в выгодной для них позиции. Кажется, намерение его было, видя медленную осаду, заставить светлейшего князя сим средством решиться на штурм или ему с своим корпусом на плечах турок ворваться в крепость; и ежели бы князь Репнин не выручил с своим корпусом, то наши бы войска претерпели значительный урон. Александр Васильевич ранен был в руку легко. Светлейший князь послал его спросить дежурного генерала: «Как он осмелился без повеления завязать столь важное дело?» Суворов отвечал: «На камушке сижу и на Очаков гляжу».

Фельдмаршал получил донесение от графа Салтыкова, что Хотин турки сдают на капитуляцию, но требовали сроку на три дня; фельдмаршал к тому времени приказал, чтобы на батареях были пушки заряжены стре-

лять викторию* о сдаче Хотина, когда курьер приедет; но он приехал с тем, что отсрочено еще турками на три дня и потом еще на три дня[26]; фельдмаршал был очень недоволен и, не ожидая уже взятия Хотина, выступил с главным корпусом вперед. Все мы, молодые служивые, обрадовались, что, наконец, увидим неприятеля, и ревностно хотели с ним сразиться; но, дошед в несколько маршей, остановились до окончания кампании при урочище Цицорах, на левой стороне Прута, в 20 верстах от Ясс.

Корпус генерала Эльмта занял Яссы и поступил, по отпуске его, в командование генерал-поручика кн.Бориса Григорьевича Шаховского; через день резервный корпус генерала Каменского присоединился к главному. На марше получено донесение графа Салтыкова о занятии Хотина и сдаче оного цесарцам. Графу Салтыкову поручено занять Кишинев и наблюдать Бендеры.

Неприятельский лагерь открыт был в сорока верстах на левой стороне Прута, против Рябой Могилы, в больших силах.

За малоимением легких войск, фельдмаршал приказал отставному полковнику Сиверсу, бывшему волонтером, набрать три тысячи арнаутов[27]; ему поручены от трех корпусов донского войска козачьи полки и повелено быть в десяти верстах от армии, иметь свой стан, охранять оную и посылать партии для разведывания. Редко очень оные встречались с турками, а еще менее было небольших схваток; турки так боялись русских, а еще более имени Румянцева, что как скоро завидят козака, то и бежали; однако ж во все то время нахватали человек до пятидесяти пленных.

Армия имела всегда с собою провиант, люди на себе в ранцах на четыре дня, в фурах полковых на шесть, да в каждый полк даны были возы на волах, и на оных было провианта на 22 дня. Транспорты с провиантом еженедельно приходили из Польши; заготовления оного поручено было генерал-майору Шамшеву и генерал-провиантмейстеру, бригадиру Новицкому. Для прикрытия магазинов** в Польше под командою ска-

---

[26]Сказывали, что медленной осаде Хотина и еще более девятидневной отсрочке была причиною жена каменец-подольского польского коменданта Витта (которая после была за графом Потоцким), в которую граф Салтыков был влюблен и которая часто приезжала в лагерь; она была гречанка, сестра ее была замужем за хотинским пашою, почему граф, по просьбе ее, посылывал парламентера с письмами от г-жи Витт к сестре, а от той получал на оные ответы.

[27]Арнаутами звались тут молдаване или волохи, добровольно вступавшие в службу на своем коне и вооружении, за что получали по червонцу в месяц жалованья, провиант и фураж; они худо служили, однако ж некоторые были изрядные наездники, а особливо славился их начальник, майор Иордаки.

занного Шамшева оставался Днепровский мушкатерский полк, от некоторых мушкатерских полков двухротные команды; в местечке Сороке, Молдавского княжества, построен был ретраншамент, в который свозили покупаемый в Польше провиант и фураж.

В Польше сделалась революция, и 3-го мая сейм утвердил новую конституцию; поляки оказывали неприязненное к нам расположение; посол наш, гр. Штакельберг, лишился прежнего сильного своего влияния, а доверенность поляков получил прусский министр Луккезини.

Цесарские войска непрестанно, хотя и не было генеральной баталии, но во многих сражениях турками были поражаемы. Император неоднократно просил фельдмаршала сделать движение для диверсии в пользу австрийцев, но граф и с места не тронулся, под видом, чтобы при его движении не открыть места, чрез которое турки могли подать сикурс* Очакову. Неоднократно для сего приезжали в лагерь австрийские генералы: Йордыш, Сплени и Карачай; а сверх того для наблюдения наших действий был при нашей армии полковник Герберт; под исход уже кампании из-под Очакова приезжал в Яссы принц де Линь, откуда часто приезживал для сего же в лагерь. Несмотря, однако ж, на его красноречивые убеждения, фельдмаршал и шагу не делал.

Главнокомандующий был очень недоволен генерал-квартермистром Бердяевым, который, действительно, не имел особливых дарований, ни природных, ни приобретенных сведениями. К генерал-квартермистру-лейтенанту Медеру [он] по особливым причинам не благоволил, то и хотел испытать товарища его, полковника Филиппи, способен ли он, ежели бы нужда потребовала, на какое важное предприятие. [Фельдмаршал] дал ему повеление с сотнею козаков ехать по правую сторону Прута и рекогносцировать, можно ли, поставя батарею на Рябой Могиле, анфилировать** неприятельский лагерь? Прут в то время так был мелок, что было только лошади по колено; фельдмаршал, дав ему приказ, не объявил, что полковнику Сиверсу дал уже повеление, что Филиппи поедет рекогносцировать, [а потому] чтобы Сиверс заранее со всеми своими легкими войсками отправился вперед и его бы прикрывал, и ежели не только опасно будет Филиппи, но даже чтобы без потери одного человека его команды сам возвратился и дал запечатанное повеление Филиппи, в котором ему приказано было возвратиться без исполнения ему порученного. Филиппи, получив приказание от фельдмаршала, думал, что посылается на неизбежную смерть. Отъехав верст десять, спросил молдаван, есть ли турки

на той стороне? И как они ему сказали, что много, то он и отправился назад. Вошед к фельдмаршалу в ставку, когда уже было большое собрание, и как на тот раз хотинский гарнизон не в дальнем расстоянии от лагеря проходил под прикрытием австрийских войск, то командующий австрийским конвоем генерал и многие штаб-офицеры тут были. Фельдмаршал, как увидел вошедшего Филиппи, подошел к нему и спросил на ухо: «Sind Sie da gewesen?» («Были ли вы там?») — «Nein, Ihre Erlaucht». («Нет, Ваше Сиятельство»). — «Warum?» («Для чего?») — «Ich furchtete». («Я побоялся»). Тогда вдруг вскричал фельдмаршал громко: «Счастлив ты, что сказал не по-русски, а их языком (показав на австрийцев), а не то бы тотчас велел тебя расстрелять». И после сего не только никогда его не употреблял, но даже с ним никогда уже и не говорил.

Тогда [фельдмаршал] вздумал испытать дивизионного квартермистра Лена. Когда хотинский гарнизон дошел в турецкий лагерь, то сераскир* присылал парламентера благодарить за исполнение в точности капитуляции. Фельдмаршал воспользовался сим, послал Лена с пустым комплиментом, но, отправляя его, сказал ему: «Непременно привези ты мне план позиции неприятельского лагеря». Лен вот как исполнил сие поручение: как скоро приехал к аванпостам с трубачом, то дал себе, по обыкновению, завязать глаза, но, когда он почувствовал, что уже в неприятельском лагере, по шуму его окружавших, тогда вдруг сдернул повязку; некоторые турки было бросились на него, но он, выхватив пистолет, угрожал выстрелом. Он приведен был в палатку, обгороженную тростником, но уже успел увидеть все положение турецкого лагеря. При возвращении своем, начертив план, представил его фельдмаршалу, который его спросил: «Как, батюшка, вы это сделали?» И когда он ему отвечал, граф его обнял и сказал: «Будем друзьями, господин Лен».

Скажу вам, что впал было я в гнусный порок, но, благодарение богу, добрый мой приятель от того меня избавил. Полковник мой, следуя английскому обыкновению**, подпивал; после обеда ставили чашу пунша. Приятели его, а мои товарищи, стали на мой счет подшучивать, что похож ли я на гренадерского офицера: водки и пунша не пью и трубки не курю. Желая быть в числе коротких приятелей своего полковника и быть настоящим гренадерским офицером, сперва [пил я] в угождение, потом это вошло в привычку, и, наконец, не только у полковника, но уже я искал в других местах, где бы подпить; словом сказать, ни одного дня не проходило, чтоб я не был пьян. Роштейн произведен был недавно секунд-майором, он не успел еще завестись своею палаткой и жил у меня. В один

день, после обеда соснув, я оделся и хотел идти, как вдруг он сказал мне: «Послушай, Л<ев> Н<иколаевич>, за благосклонность твоего ко мне зятя, бывшего нашего командира, и по дружбе моей к тебе, я должен сказать, что уже, наконец, я выхожу из терпения, и мне стыдно жить в одной палатке с пьяницею; представь, что вот уже около месяца, как ты всякий день пьян, и теперь, я вижу, спешишь искать пунш; ежели не исправишься, я тотчас с тобой расстанусь». Чувствительна мне была такая укоризна, сначала я было на него рассердился, но как скоро одумался, то действительно увидел, что страсть сия во мне сильно укоренилась. Я дал себе слово более не пить, и могу сказать, что с тех пор во всю мою жизнь был трезвой и воздержанной жизни; счастливая минута, в которую друг мой своим словом излечил меня!

В начале ноября сделались большие морозы, выпал снег и стала зима, какой в Молдавии никто не помнил; реки замерзли, и даже под Очаковом Лиман.

15-го числа полковник Сиверс донес, что турки лагерь свой оставили; генерал Каменский получил повеление преследовать неприятеля, а по другой стороне Прута генерал-поручику князю Шаховскому идти вперед до Васлуи и начальствовать передовым корпусом.

Войска 22-го числа вошли в зимовые квартиры; в Цицорах сделано было несколько редутов и оставлено 3 батальона для прикрытия Ясс и сбережения замерзших понтонных мостов. Корпус кишиневский поручен был генералу Каменскому, на место графа Салтыкова, который отпросился в Петербург. Главная квартира заняла Яссы.

При выходе из лагеря, накануне того дня, говорил я полковнику, что мне хочется побывать к батюшке; он мне сказал, что о том скажет фельдмаршалу, который, как скоро о том услышал, с гневом сказал: «Мы еще не вошли в зимовые квартиры, а молодые люди уже скучают службою». Хотя все знали, что уже и приказ написан, только еще не был объявлен, но чрез несколько часов оный и отдан был при пароле.

Штабы всех полков, составлявших главный корпус, остались в Яссах, а полки были расположены в окружностях. Я уже лишился было надежды быть в отпуску, а просить боялся подумать.

25-го обедал я у фельдмаршала, как он вдруг сказал мне: «Как, господин майор, я слышал, что вы хотите в отпуск?» Я ему отвечал: «Если ваше сиятельство позволите». — «Для чего же нет?» — сказал он. Вставши из-за стола и подошед ко мне, он спросил: «Скоро ли вы хотите ехать?» — «Как вашему сиятельству угодно». — «Однако ж, если б от вас

зависело?» — «Я бы уехал сего же дня». — «Вы очень скоры, однако ж я вас прошу остаться только до шести часов утра завтрашнего дня, а притом я вас буду просить взять на себя некоторые поручения и завтра в шесть часов прошу ко мне». Я думал, что как мне должно было проезжать Гомель, его местечко в Белоруссии, то, верно, что-нибудь прикажет к его там управляющему. Не успел я в шесть часов поутру явиться, как уже дежурный генерал сказал, что фельдмаршал меня ожидает. Я вошел в кабинет; граф дал мне пашпорт на двадцать девять дней, подорожную и письмо к моему отцу, сказав: «Вот в чем состоит мое поручение, доставьте удовольствие вашему батюшке видеть доброго сына»[28].

Лестное сие письмо я почитаю лучшим себе аттестатом в мою службу, и с какою деликатностию сей великий человек делал свои благодеяния, и вот каким очарованием привязывал к себе! Хотя чины и кресты во время его командования трудно доставались, но зато они были им раздаваемы справедливо и за настоящее дело, кто чего заслуживал; зато всякая награда принималась с величайшим уважением.

Можете себе представить, с каким удовольствием отец мой меня увидел с рекомендациею графскою. Уже в бытность мою в Могилеве узнал я о взятии штурмом Очакова шестого декабря[29].

Светлейший князь награжден орденом Св. Георгия 1-го класса; по его рекомендации все щедро награждены орденами и крестами; по некото-

---

[28]Вот содержание сего письма:

«Милостивый Государь мой Николай Богданович!

Податель сего будет вам лучшим свидетельством моего к вам усердия, но я не могу, однако ж, отказать себе того удовольствия, чтобы не представить его тоже с моей стороны, свидетельствовать о его лучшем поведении и прилежности к службе и вам не пожелать всякого самомысленнейшего добра, и что я в особливое себе удовольствие вменяю всякий случай, который мне подает способы вам и вашему достойному сыну мои услуги оказать. И с сими чувствами и искреннейшим почтением, что я имею честь быть

Вашего Превосходительства
всепокорнейший и всегдашний слуга
Гр. Румянцов-Задунайский

Яссы 26 ноября 1788 года».

[29]Взятие Очакова стоило очень дорого; потеря людей чрезвычайно значительна, но от продолжительной кампании; зима, наставшая в том краю ранее и холоднее обыкновенного, изнурила людей до того, что едва четвертая часть осталась от многочисленной армии, а кавалерия потеряла всех почти лошадей. Светлейший князь, жалея людей, решился на штурм по необходимости, поздно; если бы штурм дан был тотчас по отбытии турецкого флота, то потеря была бы вполовину менее; расчет самый неверный для сбережения людей — поздняя кампания, а особливо в местах, где продовольствие так затруднительно и есть лишение всех нужных потребностей. Филантропия не всегда бывает кстати.

ром времени отправился он в С.-Петербург, где его с триумфом встретили и по пути, где он проезжал, встречали как победителя; весь его проезд уподоблялся празднику. Штаб- и обер-офицеры все получили золотые кресты на георгиевской ленте с надписью: «За службу и храбрость», а на другой стороне: «Очаков взят 6 декабря 1788 года». Нижним [чинам] даны серебряные медали.

[1789]. В 1789 году явился я из отпуска к фельдмаршалу, несколько дней просрочив, [и] боялся его выговора; но вместо того, увидя меня, он сказал: «Как, вы уже возвратились?» — «Я и так, ваше сиятельство, просрочил; причина тому большие метели», — отвечал я. И действительно, подъезжая к Могилеву, подвозчик мой потерял дорогу, всю ночь проплутал и почти к свету, заехав в сторону, наткнулся на одну деревню, где дождался свету; в ту крутую зиму многие от вьюги пострадали. «Напрасно вы спешили, дела теперь нет, вы бы могли еще пробыть столько же у вашего батюшки; однако ж это не худо: вперед будете иметь кредит».

Во время моего отсутствия генералу Каменскому повелено было выгнать татар из занимаемых ими квартир, селений Гангур и Салкуц, к стороне Бендер. Каменский, напав на них нечаянно, почти всех их истребил; в том числе был убит сын хана, командовавшего оными; малое число из них спаслось. Чем зимовые наши квартиры стали безопасны и во всю зиму не были неприятелями обеспокаиваемы; почему три батальона под командою полковника Владычина, оставленные при Цицорах в землянках для прикрытия укрепления, отпущены, а на место их, для караула понтонного моста, оставлено две роты.

Князь Гр<игорий> Сем<енович> Волконский на другой же день моего прибытия командировал меня к оным двум ротам. Фельдмаршал того же дня спросил нашего полка премьер-майора Клугина: «Где же ваш приезжий майор Энгельгардт?» — а как тот отвечал, что командирован в Цицоры для караула мостов князем Волконским, тут бывшим, фельдмаршал с гневом сказал ему: «Для чего штаб-офицера нарядили в караул? Тотчас пошлите ордер господину майору, чтобы сдал он команду старшему по себе капитану и завтра бы явился ко мне. Господин генерал, — примолвил он, — молодых хороших офицеров надобно поощрять, а не унижать». Получа сие повеление, я очень обрадовался, тем более когда узнал о приятном отзыве обо мне фельдмаршала.

По прибытии в Яссы занялся я, как прежде уже себе предположил. Достал я книгу «Le parfait ingénieur Francais»*, где все до того времени

известные системы всех авторов о крепостях подробно описаны, и могу сказать, что прилежанием своим все три манеры укреплений Вобана и регулярные крепости его и Когорна твердо сам собою выучил, равно как атаку, так и защиту; также к оному присовокупил «De l'attaque et de la défenses des plases, par Blondel»*. Из библиотеки князя Дашкова много читал тактических книг; словом, зимовые квартиры провел я с пользою, а в следующий год прошел я и курс артиллерии, готовясь служить с замечанием и быть годным употреблену [быть], когда какой случай представит.

Образ жизни фельдмаршала в Яссах был таков: он вставал всегда в пять часов; в шесть приходил к нему с рапортом дежурный генерал, потом секретари его разных экспедиций по очереди подносили дела, которые он приказывал к тому дню приготовить; в десять в кабинет были допускаемы генералы и некоторые полковники; в одиннадцать выходил он в приемную комнату, тут из бывших с каждым почти говорил. Наконец отворялись двери, и допускаемы были к нему люди всякого звания с просьбами: солдаты, молдаване, жиды — словом, кто только имел до него дело; словесные просьбы выслушивал [он] с терпением и тогда же делал удовлетворение, отсылая их куда следует, или чрез своих адъютантов или ординарцев; писанные же просьбы принимал и клал в карман. Обедал в первом часу в половине; стол его, так же как и в лагере, был на сорок приборов; после обеда чрез полчаса откланивался и уходил в кабинет; там несколько отдыхал, а проснувшись, рассматривал просьбы, на всякой своею рукой надписывал резолюции и к которому числу должен ее секретарь исполнить, записывая у себя в особливую тетрадь, и в следующее утро справлялся с нею: какие дела и который секретарь должен был ему доложить. В шесть часов вечера приходили секретари, и каждому из них по экспедиции он отдавал те просьбы; ежели какая поступала просьба не дельная, то он наддирал у оной уголок: то было знаком, чтобы просителю отказать. Потом выходил в приемную, где собирались генералы и штаб-офицеры, делали партии, а в девять часов он откланивался, и все разъезжались. Во все время той зимы в Яссах было тихо; у некоторых бояр бывали балы, как-то: у князя Кантакузена**, у Стурдзы и некоторых других. На оных балах танцовали молдаване их танец, называемый жоко: становились в кружок мужчины и женщины, держась рука за руку и важно подвигая ноги то в сторону, то вперед, обходили кругом по их музыке, составляющей из цыган (инструменты: кобза род гитары, свирель и две скрипки), с припеванием гнусящих сих самых музыкантов.

Сии же танцы и в простом народе употребляются. На сих балах в других комнатах игрывали в карты, и многие бояре страстны, большею частию играли в рокамболь и азартные игры. Между тем разносили варенье, фрукты, шербет, и желающие курили трубки.

В марте князь Шаховской донес, что он атакован превосходными силами, и требовал скорого подкрепления. На зиму все почти полковники отправились в отпуск, одни штаб-офицеры командовали полками. Фельдмаршал приказал нарядить два батальона Сибирского и два батальона Малороссийского полков с их полковыми орудиями и от каждого полка штаб-офицера; старшему из них поручить все четыре батальона. Старшим случилось быть мне, и на другой день должен был явиться к фельдмаршалу для получения приказания и тотчас выступить. Я был в восхищении, всю ночь занят был распоряжением, был у генерал-квартермистра для получения маршрута, скопировал карту окружности Васлуи. Мечталась в моих мыслях слава, которую приобрету я моими дарованиями и храбростию, но мечта сия на другой день рано исчезла.

Князь Шаховской донес, что вместо больших неприятельских сил, которых он сам не видал, но только передовые посты его были атакованы сильною партиею, которая вскоре, не сделав ни малейшего вреда, отступила к своим квартирам к Галацу. При том схваченные турки сказывали, что там делают несколько отдельных укреплений, полагать должно, редутов.

В исходе же марта главнокомандующий сделал производства на вакансии; мне досталось премьер-майором в Днепровский полк, пребывавший для прикрытия магазинов в Польше.

Фельдмаршал вскоре после взятия Очакова просил у императрицы, по преклонным его летам и болезням, увольнения от командования армиею, на что государыня соизволила указать при милостивом рескрипте. Обе армии соединились под команду светлейшего князя, но до приезда его назначила принять оную генерал-аншефу князю Николаю Васильевичу Репнину; авангардный корпус — генерал-аншефу Александру Васильевичу Суворову. Фельдмаршал не захотел дожидаться князя Репнина, который тогда еще был в России, и до прибытия его сдал армию генералу Каменскому.

Суворов скоро прибыл и явился к фельдмаршалу в куртке и каске, когда там был и Каменский, который всегда был, по недугу своему, в длинном мундирном сюртуке, белою портупеей подвязанном. Суворов, до выхода еще фельдмаршала из кабинета, сказал Каменскому: «Приз-

наться, мы с тобой великие оригиналы: оба мы у фельдмаршала, которого чтим душою, только ты очень долго, а я очень коротко». Не замедлил прибыть и князь Николай Васильевич Репнин и вступил в командование армиею. Тогда фельдмаршал переселилися на речку Жижу, в деревню одного молдаванского боярина, в десяти верстах от Ясс, где и пробыл почти до заключения мира.

В апреле князь Репнин приказал генерал-поручику Дерфельдену атаковать неприятеля в укреплениях его при Галаце, что тот и исполнил, взял в плен человек шестьсот и двадцать пушек; прочие неприятельские войска прогнаны за Серет к Браилову, а сам Дерфельден возвратился в Берлат, где Суворов учредил авангардный свой пост.

Прибыл я в полк Днепровский, расположенный в Ямполе. Полковник сего полка, Гав<рила> Мих<айлович> Рахманов, был мне очень рад, ибо полк был очень расстроен и снабжен офицерами новыми и неопытными; нижних чинов почти не было, и все солдаты были из рекрут. Итак, занялся я по своему званию новою своею должностию. По тогдашней службе на премьер-майоре почти, так сказать, лежал весь полк: он настоящий был хозяин; полковник занимался приятным начальством, а все трудное и неприятное по службе было участью премьер-майора; зато скоро мог исправный майор сделать свою репутацию и быть на замечании у главного начальства.

Во время пребывания полка в Ямполе генерал Каменский, ехавший в отпуск, пробыл в Сороке недели с две; а как расстояние от Ямполя по левой строне Днепра не более трех верст, то все то время мы пробыли с ним вместе. Как скоро не касалось Московского полка, в котором он был шеф и где офицерам, по чрезвычайной его строгости, служить почти было невозможно, но как корпусной командир был он любим, а не по службе был он очень любезен. Он ожидал скот и табунов своих, отогнанных им во время экспедиции на Гангуру и Салнакуц.

Наконец поляки настояли, чтобы наши войска выведены были из Польши, а сами сформировали свои и обучали на прусский манер, почему полк Днепровский получил повеление идти в Кишиневский корпус, под команду генерала Кречетникова. Главный корпус бывшей Украинской армии был в Гинчештях; передовой, под непосредственным начальством генерала Суворова, в Берлате.

В июле Суворов, соединясь с принцем Кобургским, разбил неприятеля при Фокшанах и послал реляцию кн. Н.В. Репнину, следующего содержания: «Речка Путна от дождей широка. Турок тысяч пять-шесть

спорили, мы ее перешли, при Фокшанах разбили неприятеля; на возвратном пути в монастыре засели пятьдесят турок с байрактаром*; я ими учтивствовал принцу Кобургскому, который послал команду с пушками, и они сдались».

Вскоре после того полк наш был командирован для обеспечения переправы на Днестре идущему бывшей Екатеринославской армии передовому корпусу под командою генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина, состоящего из Бугского егерского корпуса 4-х батальонов, которого шефом был незабвенный Михаил Ларионович Кутузов, и из 4-х батальонов Екатеринославского егерского корпуса, которого был шеф зять мой, Серг<ей> Куз<ьмич> Вязмитинов, двух гусарских полков. За оным и вся Екатеринославская армия следовала (которая потом заняла позицию под Фокшанами, до блокады Бендер). Как скоро переправился тот авангардный корпус, полк наш возвратился в лагерь под Кишинев.

Светлейший князь прибыл к армии; осмотря наш корпус, ездил для осмотра главного корпуса бывшей Украинской армии при Гинчештях; потом отправился уже к собравшейся армии при Фокшанах.

По полученным известиям, что визирь** с большою армией идет на австрийский корпус принца Кобургского, расположенный от Берлата более ста верст, Суворову предписано соединиться с принцем и разбить визиря; а князю Репнину, присоединя к себе корпус генерала Кречетникова, разбить Гассан-пашу, расположенного в Табаке. Гассан-паша в прошлую кампанию был капитан-пашою и в наказание, что не способствовал защите Очакова, разжалован был, сделан комендантом Измаила, и приказано ему было от султана*** с сильным корпусом занять Табак и препятствовать нашей армии подать помощь австрийцам.

Соединенные наши два корпуса составляли более двадцати тысяч регулярного войска и три тысячи козаков. На речке Ларге было авангардное сражение, и узнали, что Гассан-паша занимает крепкую позицию в укрепленном лагере при речке Сальче, недалеко от известного урочища Кагул, по славной баталии, одержанной фельдмаршалом графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским в прошлую войну; и что, по причине нескольких крутых гор пред самою неприятельскою позициею, затруднительно было его атаковать.

Генерал-квартермистр-лейтенант Медер рекогносцировал и открыл, что между двух хребтов гор, сделав двадцать верст лишних, скрытно можно было обойти сии горы и прийти во фланг, где неприятель не имел никакого укрепления и никак нас с той стороны не ожидал. Почему с вечера

выступили боковым маршем лощиною между тех гор; авангард составлен был под командою генерал-майора Лассия из полков пехотных: Днепровского, Угличского и Витебского, Киевского карабинерного, трех эскадронов кирасир и трех тысяч донского войска козаков под командою наказного атамана В.П. Орлова.

Действительно, неприятель был изумлен нечаянным нашим появлением, когда он думал, что мы еще из занимаемого нами накануне лагеря не тронулись. Авангард занял два оканчивающихся хребта гор в двух кареях*, между которыми мы прошли верстах в десяти от турецкого лагеря; между сих двух кареев в лощине поставлены были три эскадрона кирасир, а за ними Киевский карабинерный полк, а впереди их козаки в две шеренги (по термину их «лавою») на равнине, простирающейся не только до турецкого лагеря, но и до самого Табаку верст на сорок. Весь корпус за авангардом расположился в двух верстах, в двух линиях.

Неприятель выслал свою конницу против нас, а прочие его войска стали приготовляться к отступлению. Картина представилась нам превосходная: турки рассыпались по полю в разнообразном цветном в своем одеянии, наездники подъезжали к козакам и стреляли в них из пистолетов, наконец, собравшись в одну толпу, бросились с обыкновенным их криком «алла», при приближении которой атаман, приподнявшись на стременах, снял шапку, перекрестился, что и все козаки сделали. Они встретили неприятеля на дротиках и гикнули** с таким стремлением, что обратили его в бегство; крик смешавшихся козаков и турок произвел ужасную гармонию. Киевский карабинерный полк послан генерал-поручиком князем Г.С. Волконским для подкрепления козаков. Вдруг убитые турки раздеты были донага, и у нас в пехотном авангарде сделалась ярмонка: оружие разного рода, конские богатые уборы и лошади продавались за ничто. Козаки гнали их версты три. Киевский полк под командою секунд-майора Гельвига, за отсутствием полковника и прочих старших штаб-офицеров, проскакав мимо козаков и оставя их за собою, поражал неприятелей, не доезжая версты за две до их лагеря. Турки, увидя, что гнал их один только карабинерный полк, остановились и в свою очередь атаковали наших; храбрый секунд-майор Гельвиг, видя, что козаки далеко от него отстали, принужден был ретироваться, по временам останавливаясь, когда турки сильно на него напирали, и таким образом соединился с козаками с небольшою потерею. Турки отступили в свой лагерь, и нашей авагардной коннице тоже приказано отступить. Если бы

вслед за нашей кавалерией весь корпус двинулся, то вся бы артиллерия, весь лагерь достался нам и корпус неприятельский вовсе был бы уничтожен. Но князь Репнин, человек очень над меру осторожный, думал, что войска утомились, тогда как все жадничали сражения и одушевлены были духом храбрости, безотлучной у русских воинов.

Поле укрыто было убитыми турками, которых было более тысячи, а князь Репнин показал в реляции только пятьсот. Секунд-майор Гельвиг, узнав, что в донесении светлейшему князю сказано, что Киевский полк только подкреплял козаков, сказал князю Репнину: «Ваше сиятельство, вы не отдали должной справедливости Киевскому полку, ибо я гнал неприятеля до самого его лагеря, а козаки от меня отстали около четырех верст, в чем они сами сознаются, и подвиг мой был в виду всего авангарда». Князь с досадою выговаривал ему за дерзость и [сказал], что он хотел было представить его к повышению чином. Гельвиг сказал, что не себя считал обиженным, но полк и уверен, что главнокомандующий не откажет сделать сие дело гласным в армии; что касается до него, то он при отставке без всякой рекомендации получит чин[30].

Корпус оставался в тот день на занятой им позиции. В десять часов вечера мы слушали еще обыкновенные турецкие сигналы, три пушечные выстрела; но то было только для нашего усыпления, а турки с самого вечера отступили поспешно к Измаилу.

Сделана была диспозиция атаковать неприятеля на рассвете, но уже и след его простыл; послана была кавалерия для преследования, и отнято было несколько обозов.

В два марша достигли мы Лимана в двенадцати верстах от Измаила. Князь Репнин думал, что крепость была в таковом положении, как в прошлую войну, и хотел взять оную штурмом; но увидел, что Измаил был уже чрезвычайно укреплен по правилам новейшей фортификации с каменною одеждою, почему без формальной осады штурмовать его невозможно; однако ж мечтал, что устрашенный Гассан-паша сдастся, как скоро мы к Измаилу подступим. На другой день утром подошли [мы] к крепости и канонировали до трех часов пополудни, в таком расстоянии, что наши полевые орудия не могли сделать ни малейшего вреда; выпустили до двух тысяч ядер и гранат, на что и нам из крепости безвредно отвечали. После чего мы отступили сорок верст назад, с такою поспешностию, как будто нас неприятель гнал превосходными силами.

[30]За сие дело Гельвиг получил орден Св. Георгия 4-го класса по представлению светлейшего князя.

Светлейший князь так был недоволен сею экспедициею, что князя Репнина послал командовать в Очаков. При Фальче[31] оставлен был корпус под командою генерал-поручика Михельсона из трех полков пехоты, двух полков кавалерии, одного полка донских козаков и десяти орудий артиллерии. А прочие войска пошли присоединиться к главному корпусу под Бендеры.

В то время, как мы делали сию пустую экспедицию, Суворов одним переходом соединился с принцем Кобургским и принудил его тотчас идти атаковать визиря с своим корпусом, сделав авангард. Корпус принца Кобургского был около 15 тыс., Суворова около 6 тыс., а неприятеля полагали в 80 тыс. Под Рымником союзники одержали совершенную победу; неприятель потерял много убитыми, а еще более утонувших в реке Рымник, также и пленными; взята вся артиллерия и лагерь. За сию славную победу Суворов был пожалован графом Рымникским.

В течение сей кампании взята крепость Аккерман на устье Днестра, а в исходе оной Бендеры сдались на капитуляцию.

Войска вступили в зимовые квартиры; главная квартира расположилась в Яссах, корпус графа А.В. Суворова-Рымникского в Фокшанах, корпус Михельсона в городе Фальче и окружности оного.

Главная квартира пышностию отличалась против бывшей под командою графа Петра Александровича. Множество приехало жен русских генералов и полковников. Из числа знатнейших были: П.А. Потемкина, которой его светлость великое оказывал внимание, гр. Самойлова, кн. Долгорукая, гр. Головина, кн. Гагарина; польского генерала [жена], славившаяся красотою, де-Витт, потом бывшая замужем за графом Потоцким. Беспрестанно были праздники, балы, театр, балеты. Хор музыки инструментальной, роговой и вокальной был до трехсот человек; известный сочинитель музыки г. Сарти всегда был при князе; положил на музыку победную песнь «Тебе Бога хвалим», и к оной музыке приложена была батарея из десяти пушек, которая по знакам стреляла в такт; когда же пели «свят! свят!», тогда производилась из оных орудий скорострельная пальба.

Его светлость одевался нередко в гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона его выдумки, быв пожалован оным званием [гетмана] Екатеринославских и Черноморских козаков. В самое то время, когда он так щегольски одевался и так нарядом своим занимался, приказал сделать себе и мундир из солдатского сукна, дабы своим при-

[31]Днепровский полк поступил в сей корпус.

мером подать недостаточным офицерам средства не издерживать из малого своего жалованья на покупку тонкого сукна, которое, за отдалением торгующих купцов оным товаром, было дорого. Почему, в угождение его, все генералы сделали таковые мундиры, и так, хотя приказа и не было, но почти все штаб- и обер-офицеры с удовольствием во всю войну одевались в куртки толстого сукна, как солдаты; но, однако ж, не запрещалось, по желанию, носить мундиры из тонкого сукна.

По прибытии светлейшего князя в Яссы, один раз он только был у фельдмаршала графа Румянцева в Жиже и изредка посылал дежурного генерала, племянника своего В.В. Энгельгардта с приветствием. Остальные генералы из подлости и раболепства редко посещали графа, да и то самое малое число. Один только граф Алекс<андр> Вас<ильевич> Суворов оказывал ему уважение; после всякого своего дела и движения, посылая курьера с донесением главнокомандующему, особенного курьера посылал с донесением и к престарелому фельдмаршалу, так, как бы он еще командовал армией*.

В течение зимы Бендерская крепость взорвана.

[1790]. В 1790 году император Иосиф II умер; император Леопольд, вступая на престол, заключил мир, для Австрии вовсе невыгодный. Французская революция тогда была в самой ужасной анархии.

Шведский флот, на котором был сам король и который состоящий [был] в 26 кораблях и фрегатах, атаковал ревельский наш флот, в котором не более было десяти кораблей, при самом ревельском рейде, под командою адмирала Чичагова; он не только был отражен, но потерял один фрегат. Оставя оный, король пошел против Кронштадтского [флота], под командою адмирала Крузе, имел большую поверхность, но когда оба наши флота соединились, то шведский флот, и с его гребною флотилиею, загнан был между островов и был в таком положении, что ожидали, или флот должен был сдаться, или быть сожжен. В таком положении он был более двух недель; наконец ветер сильный ему поблагоприятствовал; пустив перед собою брандер, он открыл себе выход, но хотя он и вышел, но собственный его брандер сжег у него два корабля, и от нашего флота повреждено еще два; множество из гребного его флота потеряно судов и людей.

Затем принц Нассау с нашею флотилиею одержал большую победу над флотилиею шведскою. Сухопутная наша армия действовала неудачно,

почему от командования армиею в Финляндии генерал Пушкин отозван, а вместо него поручено главное начальство генералу барону Игельстрому.

Когда шведский флот был заперт, генерал Кречетников, управлявший тогда малороссийскими губерниями, услышал от какого-то проезжего из Петербурга, что будто шведский флот сдался. С сим приятным известием к светлейшему князю прислал курьера. Не только во всей армии стреляли викторию, но светлейший князь о сей мнимой победе отправил курьера к австрийскому императору. Чрез несколько дней Кречетников прислал извинение, что по слухам донес о том ложно. Курьер с сим известием прибыл во время обеда; князю чрезвычайно было прискорбно, что должен был послать курьера к императору о таковой скоропоспешной неосмотрительности. Князь стал бранить Кречетникова; князь В.В. Долгоруков, сидев подле самого князя, стал его защищать. Светлейший князь до того рассердился, что вышел из себя, схватил Д<олгорукова> за георгиевский крест, стал его дергать и сказал: «Как ты смеешь защищать подлеца, ты, которому я из милости дал сей орден, когда ты во время штурма очаковского струсил?» Вставши из-за стола, подошел [князь] к австрийским генералам, на тот раз тут бывшим, и сказал: «Pardon, messieurs, je me suis oublie; je connois ma nation et je l'ai traite comme il merite»[32]. Сие случилось в Яссах, при самом отбытии в Бендеры.

В половине июля светлейший князь перенес главную свою квартиру в Бендеры, где собрано было большое число войск[33]. Граф Суворов занимал Фокшаны; генерал-поручик Потемкин получил в командование корпус, состоявший при Фальче, который значительно был усилен.

Во время сих происшествий фаворит Мамонов женился, а место его занял П.А. Зубов, который потом пожалован был светлейшим князем, а братья его графами. По кончине князя Г.А. Потемкина был [он] столько же, как он, силен, не имев его гения.

В исходе сентября послан был большой корпус под командою артиллерии генерал-аншефа И.И. Меллера-Закомельского к Килии. Как Днепровский полк получил в укомплектование рекрут, заразившихся кровавым поносом, а потому в поход идти был не в состоянии, то перешел я во вновь сформированный из Санкт-Петербургского полка Свято-Николаевский полк, поступивший в корпус генерала Меллера.

[32]Т.е.: «Извините, господа, я забылся; я знаю наш народ и с ним обошелся так, как он заслуживает».

[33]Днепровский полк поступил в сие число.

Корпус, не доходя упомянутой крепости верст за десять, имел роздых. В ночь командирован был генерал-поручик Самойлов для занятия ретраншамента, около сей крепости расположенного. Самойлов разделил свои войска на три колонны: правою командовал бригадир (конно-гренадерского полка, что был Малороссийский гренадерский, но еще не снабженный лошадьми) В.С. Шереметев. Среднюю колонну вел сам Самойлов. Левою командовал храбрый генерал-майор Мекноб. Перед выступлением Самойлов созвал колонных командиров и полковников и объявил им, что как по верным известиям весь гарнизон и с жителями в Килии не более был пяти тысяч турок, то ежели они выгнаны будут из ретраншамента, нужно стараться на плечах турок войдти в крепость; это легко могло бы быть, если бы турки занимали ретраншамент.

Все, будучи заняты таковою мыслию и таковым предприятием, шли с решительною бодростию. Ночь была самая темная; к несчастью, ретраншамент был очень обширен для малочисленного гарнизона, а потому как оный, так и форштат* турками был оставлен.

Средняя колонна прежде других дошла к ретраншаменту, и как Самойлов не нашел тут неприятеля, то и приказал войску, голову колонны составлявшему, закричать «ура!». Прочие, бывшие в хвосте, приняв сигнал «ура!», думали, что неприятель побежал, опрокинули голову колонны и бросились к крепости, не слушая ни генерала, ни прочих своих командиров. Правая колонна, услыша «ура!» средней, бросилась также к крепости. Левая колонна одна удержала порядок, заняла ретраншамент и расположилась в оном.

Килия построена на клине Дуная, и сия великая река как бы составляла ее фланги, которые прикрыты были по обеим сторонам флотилиею. Наше войско, бывшее в расстройстве, встречено из крепости было пушечными картечными выстрелами и ружейным огнем, а с флотилии ядрами. В таком несчастном отпоре, претерпевая сильные поражения, бросились наши войска к левой части ретраншамента, занятого колонною генерал-майора Мекноба, которая приняла своих за турок и открыла по ним ружейный огонь. Тогда беспорядок сделался общий; солдаты вышли из повиновения, разбрелись по форштату, расположенному между крепостью и ретраншаментом, предались всяким неистовствам, перекололи всех армян и греков и ворвались в армянский монастырь, истребляя и опустошая все, что ни попалось.

Между тем весь корпус подошел и занял лагерь верстах в четырех от крепости.

Командующий генерал с прочими генералами взошли на случившийся перед лагерем курган; ветер был ужасно сильный со стороны лагеря; ни одного выстрела было не слышно, но мелькание огня наподобие фейерверка представляло вид удивительный. Генерал беспрестанно посылал к Самойлову узнать о причине виденного, но Самойлов, думая привести в порядок войска, посланных удерживал при себе. Наконец начало светать; полковник принц Филипштальский[34] прибыл от Самойлова с донесением о случившемся и [о том], что [Самойлов] не может привести в порядок расстроенные войска.

Иван Иванович Меллер отправился сам, приказав нарядить свежие войска. Прибыв в форштат, там встретили его солдаты в разброде: «Батюшка, вели поставить пушки, выломить ворота, мы тотчас крепостию овладеем». — «Хорошо, ребята, — говорил он, — подите назад в ретраншамент, а то вы мешаете стрелять из пушек». И так, мало-помалу, войска приходили в должное повиновение; но лишь только генерал показался на площади против крепости, как роковая пуля попала ему в звезду и прошла навылет наискось через весь его корпус; отнесли его в лагерь, где чрез несколько часов он и умер.

Новые войска заняли ретраншамент, а прежние выведены в лагерь. Много было убито и ранено офицеров; нижних чинов убито с лишком пятьсот человек, а ранено еще более; в числе раненых был бригадир Шереметев легко в ногу, однако ж во все время осады Килии не мог служить. Начальство над корпусом принял генерал-поручик И.В. Гудович.

На другой день занят был отчасти выжженный форштат, где во время канонады укрывались от ядер. Сделаны были батареи, одна для отдаления флотилии от крепости, а другая — против самой крепости, и кегель-батарея. Канонады были ужасно сильные из крепости и с обеих флотилий, так что, признаюсь, с первой мною вытерпленной я только и думал сказаться больным, а после выйти в отставку. Но, сменившись, стыдно было показать себя трусом; [я] решился продолжать ходить в форштат, но об отставке все еще не отлагал намерения; в третью канонаду уже и то отдумал и так привык к свисту ядер и бомб, как бы бывал на простом артиллерийском ученьи. Ко всему можно привыкнуть, и храбрость также опытом приобретается, как и все другие добродетели.

Через шесть дней сделана была бреш-батарея* в 60 саженях от крепости, на которой поставлено было десять 24-фунтовых пушек, два кар-

[34]Тот самый, который столь славно защищал крепость Гаэту в Неаполитанском королевстве от французов.

таульные единорога*, пять мортир разных калибров и 48 кугарновых**. Для открытия сей батареи ожидали прибытия светлейшего князя, но чрез пять дней спустя, как он отказался сам быть, произведена была из оной пальба залпами. Командовал оною батареею артиллерии капитан Секерин. В двое суток брешь была сделана; целая башня до фундамента была опровергнута; падением оной ров совершенно был засыпан; уже назначен был штурм, как в ту же ночь турки выслали парламентера, и крепость сдалась на капитуляцию. Гарнизону позволено на их флотилии отбыть к Измаилу, также и всем жителям туркам с их женами, семействами и имуществом, но всех невольников-христиан [должны были] оставить. Поутру четыре батальона вступили в крепость; комендантом сделан был генерал-майор Мекноб; итак, чрез две недели после несчастного занятия ретраншамента Килия взята 18 октября. По занятии которой наша Черноморская флотилия прибыла с запорожцами[35]; ею командовал походный войсковой кошевой Головатый, которого запорожцы не любили за то, что он знал грамоте, называя его «письменным».

По занятии Килии полкам: Екатеринославскому, коего светлейший князь был шеф, Конно-гренадерскому и Свято-Николаевскому с осадною артиллериею велено было идти к Бендерам, а прочим войскам к Измаилу, под начальство графа Суворова, идущего к оному с большим корпусом[36].

35Запорожские козаки именовались так потому, что жили за днепровскими порогами. С давних времен они зависели от малороссийских гетманов, но, по отдаленности, часто передавались в покровительство Польши, иногда крымским татарам, а иногда туркам. Во время измены Мазепы с ним многие ушли в Турцию. В последнее время они принадлежали России. Сечь их была при устье Самары, впадающей в Днепр. Сечь происходит от слова «засека», ибо они всегда оною укреплялись. Всякой нации люди и всякого звания ими принимались; управлялись они своим кошевым (от слова кош***), письменных законов они не имели, но по преданию порядок утвержденный твердо хранили; подобно мальтийским кавалерам, все были холосты; многие из них были женаты, но жены их были в отдалении от Сечи, и не смели их туда привозить; сии поселения вне Сечи назывались зимовьем. Вера их была греко-российская. Церкви их были богато украшены; жили они промыслом рыбным, а более грабежом в Польской Украйне, а потому из польских господ в том краю мало живали. Но когда после турецкой войны 1773 года Днепр до самого устья стал принадлежать России, то Сечь [была] уничтожена. Запорожцы употреблялись на службу наравне с малороссийскими козаками, но их флотилии много сделали пользы, а сухопутные запорожцы были самое худое войско, без малейшей дисциплины. Императрица пожаловала им по окончании сей войны на Черном море остров Тамань; названы они уже черноморскими козаками и причислены к Таврической области, но управляются своим кошевым, состоя под ведомством военного министерства.

36Туда же светлейший князь отправил трех гвардии офицеров: Ц<ызарского>, Ч<ерткова>, Т<ерского>, присланных императрицею в армию, чтобы они заслужили и омыли

Его светлость большие тогда делал угождения кн<ягине> К.Ф. Долгорукой*. Между прочими увеселениями сделана была землянка противу Бендер, за Днестром. Внутренность сей землянки поддерживаема была несколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всем тем, что только роскошь может выдумать. Из великолепной сей подземельной залы особый был будуар, в который только входили [те], кого князь сам приглашал. Вокруг землянки кареем поставлены были полки Екатеринославский и Конно-гренадерский, имея ружья, заряженные холостыми патронами, и в сумах по 40 патронов на каждого человека; близ оного карея поставлена была батарея из ста пушек; обоих полков барабанщики собраны были к землянке. Для какого случая, неизвестно, князь вышел из землянки с кубком вина и приказал ударить тревогу, по знаку которой как полками, так и из батареи произведен был батальный огонь; тем и кончился праздник в землянке.

Однажды княгиня сказала, что любит цыганскую пляску. Князь Григорий Александрович узнал, что бывшие в конногвардии вахмистры, два брата Кузмины, выпущенные ротмистрами в Кавказский корпус, мастера плясать по-цыгански, приказал за ними послать, и, когда их привезли, одели одного из них цыганкою, а другого цыганом. На одном бале сделан был для княгини сюрприз цыганскою пляскою, и должно отдать справедливости мастерству гг. Кузминых: я лучшей пляски в жизни моей не видывал. Так поплясали они недели с две и отпущены были в свои полки на Кавказ, с тою только для них пользою, что проезд им ничего не стоил[37].

своею кровию оказанную ими трусость во время сражения нашей флотии против шведов под начальством принца Нассау. Они, командуя одним судном, в самое жаркое сражение вышли на остров; а сержант гвардии Рунич, бывший на оном, оказал большую храбрость. Принц Нассау, заметя оное, спросил, кто начальник сего судна, и немало удивился, что то был сержант. Спросил: «Где же офицеры?» — и, когда узнал о их подлом поступке, донес государыне. После штурма они все трое получили георгиевские кресты**.

[37]Много таковего своенравного его обычая случалось в его жизни: так, например, бывши в Петербурге, узнал он, что в Херсоне какой-то чиновник хорошо передразнивает известных лиц; тотчас отправил он за ним курьера; как скоро тот приехал, то и приказал ему передразнивать всех, кого он умел, потом и самого себя. Его светлость, позабавившись таковым дарованием, приказал ему отправиться в свое место. Бывши под Очаковом, услышал он, что некто г. Спечинский, живший в Москве в отставке, знает наизусть все святцы, то есть какого святого каждого месяца и числа. Тотчас он послал за ним; тот, получивши от светлейшего князя приглашение, думал, что как без Ахиллеса не могла взята быть Троя, так и без него не может быть взят Очаков. С восторгом принял он тот зов и при отъезде из Москвы обещал многим свою протекцию и разные милости. Когда он явился к его светлости, то князь его спросил: «Правда ли, что вы знаете наизусть все святцы?» И

В то время, когда в Бендерах занимались разными праздниками и веселостями, граф Суворов атаковал Измаил, требовал сдачи, а по отказе на третий день взял его штурмом. Крепость важная обороняема была тридцатитысячным гарнизоном; русских же воинов, конечно, менее было сего числа. С нашей стороны потеря была велика: убитых было около 10 тыс. человек, в числе которых был генерал-майор Мекноб, много штаб- и обер-офицеров. При штурме отличил себя Полоцкого полка священник; подполковник Яцунский, командир сего полка, был убит, полк побежал; тогда тот поп с крестом в руках закричал: «Стой, ребята, вот ваш командир» (указывая на крест) — и сам бросился пред полком к крепости; полк пошел за ним, и из числа первых взошел на стену, за что награжден был наперсным золотым крестом на георгиевской ленте*. Комендантом Измаила сделан был Михаил Ларионович Кутузов, пожалован был генерал-поручиком, и поручены были ему все войска, занимавшие местность от Килии до Берлата. Граф А.В. Суворов отправился в Петербург, по желанию императрицы видеть сего героя.

По взятии Измаила войска введены были в зимовые квартиры уже 23 декабря. Время было прекрасное. Следуя с полком в Ботушаны 24-го, при захождении солнца, сидел я на дворе в одном мундире, распахнувши камзол.

Под исход кампании принц Нассау был разбит шведскою флотилиею; на сухом пути тоже не было удачи, и, к общему сожалению, был убит

по утвердительном ответе спросил: «13 января какого святого?» Тот ему отвечал. Князь справился с святцами. «А 10 февраля?» Потом спросил по одному числу в каждом месяце. «Какая счастливая у вас память! Благодарю, что вы потрудились приехать; можете отправиться в Москву когда вам угодно».

В бытность мою у него адъютантом, в один день спросил он кофею; из бывших тут один вышел приказать; вскоре спросил опять кофею, и еще один поспешил выйти приказать о том; наконец, беспрестанно просил кофею; почти все по одному спешили приказать по его нетерпеливому желанию; но как скоро принесли кофей, то князь сказал: «Не надобно, я только хотел чего-нибудь ожидать, но и тут лишили меня сего удовольствия».

В один день князь сел за ужин, был очень весел, любезен, говорил и шутил беспрестанно, но к концу ужина стал задумываться, начал грызть ногти, что всегда было знаком неудовольствия, и наконец сказал: «Может ли человек быть счастливее меня? Все, чего я ни желал, все прихоти мои исполнялись, как будто каким очарованием: хотел чинов — имею, орденов — имею; любил играть — проигрывал суммы несчетные; любил давать праздники — давал великолепные; любил покупать имения — имею; любил строить дома — построил дворцы; любил дорогие вещи — имею столько, что ни один частный человек не имеет так много и таких редких; словом, все страсти мои в полной мере выполнялись». С сим словом ударил фарфоровою тарелкою об пол, разбил ее вдребезги, ушел в спальню и заперся. Если записывать все его таковые странности, то можно бы наполнить огромный том.

отличных дарований генерал-поручик принц Ангальт-Бернбург, родственник императрицы. В течение зимы с шведами заключен мир; обе воюющие державы остались в границах своих государств в таком положении, в каком были до начатия войны.

В начале кампании Кавказский корпус под командою генерал-поручика Бибикова, без повеления и не имея побудительной причины, сделал экспедицию под Анапу и с большим уроном возвратился. Начальство от него [Бибикова] отнято, а корпус поручен генерал-майору Герману, который разбил Батал-пашу, вредившего нам, склоняя черкес к нападению на наши границы. После взятия Килии послан туда главным командиром И.В. Гудович.

[1791]. В наступивший 1791 год, в исходе января, его светлость отправился в С.-Петербург, поруча армию, за отсутствием своим, князю Николаю Васильевичу Репнину.

В начале весны деланы были две экспедиции за Дунай: генерал-поручик М.Л. Кутузов под Исакчу и Бабадай, а генерал-поручик кн. С.Ф. Голицын под Мачин: и возвратились, имев всюду поверхность над неприятелем.

Командующий армиею кн.Репнин стянул все войска к Дунаю и расположился в лагерях по Серету. Главный корпус [стоял] при Галаце; от оного в десяти верстах корпус князя Голицына; от оного большой отряд генерал-майора Милашевича тоже в 10 верстах; от оного в таком же расстоянии при Сербаняштах корпус генерал-поручика князя Г.С. Волконского.

Визирь* собрал большую армию и расположился в крепкой позиции и укрепленном лагере при Мачине.

Князь Репнин решился атаковать его; в ночь 23 июня главный корпус стал переправляться чрез Дунай, не снимая лагеря и оставя в оном все тягости; по переправе главного корпуса переправился корпус князя Голицына, потом отряд Милашевича, а 26-го корпус кн. Волконского. Переправа всегда была делана ночью, на флотилии, которою начальствовал генерал-майор О.М. Де-Рибас. Днем за Дунаем войска скрывались в камышах, и во все время нашего пребывания не позволено было иметь огня, чтобы оставить турок в неведении о нашей переправе. Лагери оставались неснятыми на своих местах, с своими тягостями, небольшим числом офицеров и слабыми, которые не могли следовать за армиею;

также оставлено было некоторое число барабанщиков и в каждом лагере по одной пушке для выстрелов к вечерней заре.

Переправившаяся армия состояла из 33 тысяч человек, кроме иррегулярных войск, с шестидневным провиантом; такового числа войск вместе во время турецкой войны никогда не бывало.

27 числа генерал-квартермистр-лейтенант Медер с легкими войсками посылан был рекогносцировать неприятельский лагерь. По открытии им неприятельской позиции, положено было атаковать турецкую армию следующею диспозициею. Того же дня, в 7 часов пополудни, генерал-поручику Кутузову с 13 тыс., составлявшими левый фланг, выступить и должно было еще обойти цепь гор, простирающихся верст на пять параллельно по Дунаю и примыкающих к неприятельскому лагерю с левой его стороны. В 9 часов всей армии выступить двумя колоннами: правая колонна, под командою кн. С.Ф. Голицына, должна была идти близ Дуная; средняя колонна, под командою князя Волконского, взять левее и выйти на равнину обеими колоннами между Дунаем и сказанною цепью гор и выстроиться в две линии кареями, но не прежде показаться из-за камышей, как когда уже корпус Кутузова покажется на горе и на фланге турецкого лагеря.

Ночь была чрезвычайно темная, что способствовало нашему скрытному маршу; расстояние от переправы до Мачина было около 30 верст[38].

Только лишь начало рассветать, мы приблизились [к месту], где оканчивается цепь гор, при подошве которой протекает болотистая речка, впадающая в Дунай; брошены были по оной портативные мосты, по которым беспрепятственно переправились. Камыши этой речки так часты и высоки, что человек человека едва мог видать.

Корпус князя Голицына едва показался из камышей, как был атакован большим числом янычар, с их обыкновенным страшным криком «алла! алла!». Вовремя открытою картечною пальбою были они отражены; тогда они бросились на гору и заняли оную, так что мы от корпуса Кутузова были отделены, а он на горах не показывался. Наш корпус выстроился версты за три от неприятельского лагеря, откуда из больших орудий стреляли в нас ядрами; с горы анфилированы были наши войска, а с правой стороны была турецкая флотилия; в таком неприятном положении мы были три часа.

[38]Во время нашего марша на флотилии сделан был мост от Галаца на остров Концефану, а от оного на противолежащий берег.

За горою слышна была сильная канонада. Князь Репнин посылал своего адъютанта к Кутузову узнать, что там происходит и для чего он не всходит на гору? Должно было объехать всю эту цепь гор, на что требовалось много времени; а как ветер усилился и дул от нас, то казалось, что канонада отдалялась. Князь Репнин в большом беспокойстве был, тем более что перешел Дунай вопреки желанию светлейшего князя, взяв на свою собственную ответственность. Многие генералы знали то и желали сделать тому угодное; один из них говорил князю, что, ежели Кутузов принужден будет отступить и будет разбит, тогда могут отрезать нас от наших мостов, и, не имев с собой провианта как только на три дня, армия будет в худшем положении, нежели Петр Великий был при Рябой Могиле*. Уже князь и сам о том помышлял, он, который был всегда более нежели осторожен.

Наконец возвратился посланный от Кутузова, который приказал сказать, что он имеет пред собою великие силы, препятствующие ему взойти на гору. Князь хотел уже было ретироваться, как князь Волконский, его зять, уговорил его, чтобы нам самим взойти на гору. Счастливая была минута сего совета. Генерал подъехал к Свято-Николаевскому полку, бывшему у самой горы: «Господин полковник! — сказал он, — прикажите своим резервам атаковать гору». Я подскакал и сказал: «Ваше Сиятельство, удостойте приказать мне сию честь исполнить». — «С богом, друг мой», — сказал он мне. Тогда я вывел из каре резервы нашего полка, спешился и закричал: «Ребята, на штыки! Ура!» С большою храбростию за мною они бросились; вслед за мною Свято-Николаевский полк, а за ним Малороссийский гренадерский. Гора была очень крутая, обросшая терновником, однако ж ничто нас не остановило. Взошед на гору, взяли тут брошенную неприятелями пушку. Неприятели, увидя, что наши войска были уже на горе, взошли все в свое укрепление; но артиллерию трудно было взвести. Меня командировали за пушками, и кое-как людьми втащил [я] несколько, пока нашли удобное место взвести батарейную артиллерию. Тогда и Кутузов со всем своим корпусом к нам присоединился[39]. Учредя батарею, стали стрелять в турецкий ретраншамент. К счас-

[39]М.И. Кутузов мог взойти на гору без труда и показал ложно, что против его большие были силы; даже генерал-квартермистр Пистер, бывший в его корпусе, при многих дерзко его в том уличал. Думать надобно, что Кутузов, зная коротко свойство князя Репнина, что он без него, по известной его осторожности, в крепкой неприятельской позиции атаковать не осмелится и что, вероятно, стал бы ретироваться; тогда Кутузов взошел бы на гору, ударил бы неприятеля во фланг и один разбил бы визиря.

тию, гранатою зажжен был большой пороховой на батареях неприятельских магазин, которого взрыв так их устрашил, что турки побежали; тем и баталия сия выиграна. Князь Волконский послал меня к кн.Репнину поздравить с победой.

Мы взяли весь лагерь, сорок пушек, множество припасов, даже находили во многих местах варилось кушанье и кофий. На другой день принесен был благодарный молебен на месте победы, и мы возвратились за Дунай, в прежние свои лагери.

Все знакомые мои меня поздравляли, что мне удалось в виду всей армии показать готовность к службе, и уверены, что как я первый, так сказать, способствовал к одержанию победы, то и буду отлично награжден. По обыкновению, все ходили в канцелярию кн.Репнина к управляющему оною подполковнику Панкратьеву справляться и помощию его быть хорошо рекомендовану; я никогда не любил таскаться по канцеляриям и искать покровительство от управляющих оными. Знал, что главнокомандующий был очевидным свидетелем, знал, что командующий центром, рекомендуя своего дежур-майора и при нем находящихся, свидетельствовал в справедливом представлении к награждению гг. карейных командиров, а тот о мне сказал, что и как я поступал; то и не хотел более о сем заботиться, думая, что ежели мне что следует, то и без того получу, а просить о себе почитал низостью.

По возвращении нашем за Дунай, прибыл принц Виртембергский, меньшой брат тогда бывшей великой княгини Марии Федоровны; оттого ли, что спешил и очень обеспокоился, или оттого, что не успел приехать к баталии, он огорчился, опасно занемог и вскоре умер[40].

Визирь, узнавши, что мы опять перешли за Дунай, возвратился в прежний свой лагерь под Мачин. Турецкая флотилия приблизилась было к нашей. Де-Рибас послал к начальнику оной сказать, чтоб он тот же час отошел назад, или он его к тому принудит. Паша вместо ответа прислал к нему несколько арбузов и кусок льда. Де-Рибас тотчас подал сигнал сняться с якоря, построиться в боевой порядок и выступить. Однако ж паша, невзирая на гордый, затейливый ответ, не дождался приближения нашей эскадры и отплыл к Браилову. Вскоре визирь прислал к князю Репнину с предложением открыть переговоры о мире. Князь был упол-

[40]В сие время известились, что наш посол Я.И. Булгаков освобожден из Семибашенного замка по просьбе французского министра; но Булгаков не иначе хотел своего освобождения, как по уважению к российскому двору, на что Порта принуждена была согласиться.

номочен от императрицы, почему, нимало не медля, поверенные с обеих сторон в Галаце съехались, сделаны были предварительные условия и подписаны визирем и кн.Репниным; для утверждения их назначен конгресс в Яссах.

Светлейший князь приехал после сего через три дня, и очень было ему досадно, что кн.Репнин поспешил заключить мир; и выговаривал ему при многих, сказав: «Вам должно было бы узнать, в каком положении наш Черноморский флот и о экспедиции генерала Гудовича; дождавшись донесения их и узнав от оных, что вице-адмирал Ушаков разбил неприятельский флот, и уже выстрелы его были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия», что действительно справедливо. Хотя князь Репнин слыл за государственного человека и любящего свое отечество, но в сем случае предпочел личное свое любочестие, не имея [иной] побудительной причины поспешить заключить мир кроме того, чтобы его окончить до приезда светлейшего князя.

В то время принц Вюртембергский умер; светлейший князь был на похоронах, и как по окончании отпевания князь вышел из церкви, и приказано было подать его карету, вместо того подвезли гробовые дроги; князь с ужасом отступил: он был чрезвычайно мнителен. После сего он вскоре занемог, и повезли его, больного, в Яссы.

Армия, для лучшего продовольствия, разделена была на небольшие лагери; нашему полку назначено было стоять вместе с Екатеринославским и Московским гренадерским при Рябой Могиле. Там получили повеление, что все сии три полка составляют один 10-батальный полк под названием Екатеринославского; четыре кирасирские полка составляют один полк под названием Лейб-кирасирского; из трех тысяч козаков донского войска составлен один полк под названием Великой Гетманской Булавы. По тогдашнему положению в каждом батальоне было по два орудия артиллерии, в мушкатерских полках — трехфунтовые пушки, в гренадерских — осьмифунтовые единороги. В бывшем же Екатеринославском полку были двенадцатифунтовые единороги. Итак, полк сей, будучи в комплекте, состоял из 11 тыс. человек и 20 орудий артиллерии; присоединя к оному кирасирский 24-х эскадронный полк и полк Великой Булавы, вместе составляли значительный корпус. На сей счет разные делали догадки; прямой цели никто не постигал, ибо невозможно было, чтоб один только каприз князя Потемкина был тому причиною. Одни полагали, что [он] хотел быть господарем Молдавии и Валахии;

другие — что он хотел объявить себя независимым гетманом; иные думали, что он хотел быть королем польским; а более всего полагать должно было, что по окончании войны он потребует от Польши пройти чрез оную только трем полкам, которые бы составляли авангард армии; дабы разрушить сделанную в Польше конституцию, наказать ее за сделанное неудовольствие русскому послу, господину Штакельбергу, и [за то], что принудили из Польши вывести наши магазины и охраняющие оные войска. Поводом к оному мнению служит, что светлейший князь послал подполковника Бакунина в Вену, к удалившимся туда польским вельможам, недовольным тою конституциею; по приглашению его прибыли в Яссы знатнейшие паны, как-то: гетман Браницкий (с его супругою, племянницею кн[язя] Потемкина), Ржевусский и многие другие; там сделано было положение Тарговицкой конфедерации под покровительством России.

Болезнь светлейшего князя стала усиливаться, но он не хотел принимать никаких лекарств, вопреки медиков Тимона и Массота; и, будучи в жару, мочил себе голову холодною водою[41].

Генерал М.Ф. Каменский, видя, что его на службу не требуют, приехав в Петербург, просил императрицу о позволении ехать в армию для свидания с своим сыном, служившим тогда подполковником в Московском полку, которого [сам] он был шефом. Государыня ему сказала: «Это от вас зависит». Каменский, приехав в Яссы, чрез несколько дней просил светлейшего князя позволить ехать увидеть свой полк; князь его удержал один день, но в самое то время, не сказав ему ни слова, послал курьера с приказанием о сформировании большого Екатеринославского полка, как было сказано. Каменский приезжает в лагерь под Рябую Могилу, но полк его Московский не существует. Все сие служит доказательством, что служба его императрице была неугодна и каковое неуважение имел к нему светлейший князь.

[41]Светлейший князь, будучи в Петербурге, дал в присутствии императрицы великолепный праздник в Таврическом своем доме, который после его смерти взят в казну и назван Таврическим дворцом. Очаровательный сей праздник описан нашим славным поэтом Гавриилом Романовичем Державиным*. Наконец издерживаемые им суммы и роскошная его жизнь привели императрицу в неудовольствие; к тому же Зубов так усилился, что начал с ним совместничать; наконец государыня потребовала, чтобы князь ехал в армию, чего он так скоро исполнить не желал; приближенным своим тогда он говаривал: «Зуб болит; надобно его сперва выдернуть». Думать надобно, что сие была истинная причина его болезни, и напрасно думали, что ему был дан яд: для честолюбивого человека и то настоящая отрава. Заметили, что в пути своем в армию стал он задумчив и временами жаловался на боль головы.

В исходе августа армия вступила в зимовые квартиры. Четырехбатальонного старого Екатеринославского полка штаб-квартира расположена была в Яссах, а вновь присоединенных 6 батальонов — в Ботушанах. От нового моего полковника Булгакова при оных батальонах определен я [был] премьер-майором и для продовольствия всего полка артиллерийских и подъемных лошадей, которых было более тысячи; хотя и были при оных батальонах два подполковника, Мягкой и С.М. Каменский, но они в командование полка и мои распоряжения не вмешивались.

В сентябре прибыли полномочные турецкие министры трактовать о мире; но открытие конгресса отложено было до октября. Нашими министрами назначены были: г[енерал]-п[оручик] Самойлов, г[енерал]-м[айор] Де-Рибас и бриг[адир] Лашкарев.

Между тем болезнь светлейшего князя более и более усиливалась; он, чувствуя изнурение своих сил, послал курьера с повелением командующему войсками в Крыму, генералу Каховскому, чтобы он прибыл принять в заведование его армию, во время отлучки своей, намереваясь отъехать в Николаев. Пятого октября в сопровождении племянницы его, графини Браницкой, отправился он в путь. Проехав от Ясс 30 верст, князь почувствовал приближение смерти, велел остановиться и вынесть себя из кареты; лег на разостланный на дороге плащ и в объятиях своей любимой племянницы, гр.Браницкой, испустил дух. Тело его перевезли в Яссы*.

Кабинет-секретарь императрицы, генерал-майор Василий Степанович Попов, управляющий всеми делами при светлейшем князе, приехав в Яссы, явился у Каменского, объявил ему о смерти главнокомандующего, как старшему, или, лучше сказать, одному и бывшему тогда генерал-аншефу, и требовал от него приказаний. Каменский, удивясь скорой кончине светлейшего князя, потребовал тотчас от Попова отчета в делах и экстраординарных суммах. Тот отвечал, что он кабинет-секретарь ее величества, что он был не при армии, а единственно при особе светлейшего князя, почему отчета никакого и дать не может.

Каменский вышел из себя, побежал к дежурному генералу В.В. Энгельгардту, страдавшему тогда злою лихорадкою и смертью дяди и благодетеля своего сраженному. В той же комнате лежала в беспамятстве сестра его, графиня Браницкая. Каменский требовал от него по дежурству дел, тот отвечал: «Видите, ваше высокопревосходительство, в каком я положении, и прикажите явиться к себе при дежурстве находящимся штаб-офицерам: я не в силах головы поднять». Каменский бросился в

дежурство, бил [всякого], кто с ним только встречался: солдат, молдаван и жидов, как будто сумасшедший*. Отдал приказ в армию, что вступает в командование оной. Тотчас отправил в Ботушаны курьера за сыном, чтобы послать его к императрице с известием о смерти светлейшего князя. Но Попов отправил того же дня от себя донесение[42].

Как все генералы тогда были в Яссах, не имея никакого начальства, а полками распоряжалось главное дежурство, то Каменский потребовал, чтобы генералы дали о себе сведения, кто чем командует. Многие из них желали иметь его начальником, полагая, что Каховский не имел больших дарований, и те к нему и явились. А другие, зная его нрав, предпочитали более Каховского; те отозвались, под разными предлогами, что не состоят при армии, как-то Самойлов и Де-Рибас объявили, что они при конгрессе, а многие нашли другие отговорки.

После смерти светлейшего князя чрез два дня приехал и Каховский и отдал приказ, что по ордеру покойного главнокомандующего вступает в командование армией. Тут началась у них [с Каменским] брань: оба делали приказания и распоряжения, противные один другому.

Каменский, видя, что большею частью склонялись более к Каховскому, созвал на совет всех генералов и предложил им: кому из них двух командовать армиею? Артиллерии генерал-майор И.М. Толстой сказал: «Ежели бы они знали, что созваны для избрания себе командира, то, конечно бы, из них никто не приехал; ибо, быв в самодержавном правительстве, должно повиноваться властям, поставленным от императрицы, а не выбирать себе начальника». Кн. Г.С. [Волконский] сказал, что он «повинуется повелению покойного светлейшего князя, которому известна была воля государыни, ибо как ваше высокопревосходительство были лично в Яссах, то князь и мог бы поручить вам командование армиею, и не было надобности для того посылать за М.В. Каховским». Все почти приняли сторону Волконского. «Итак, — сказал Каменский, — вы отрекаетесь мне повиноваться — быть по сему».

После сего Каховский уже бесспорно сделался главнокомандующим. Ежели бы Каменский обошелся хорошо с Поповым, то наверное бы остался командиром армии.

Между тем приготовляли похороны светлейшему князю. Я потребован был для церемонии оной. Проезжая квартиры старого Екатеринославского полка, заехал на квартиру унтер-офицера, чтобы он нарядил

[42]Каменского сын чрез сутки явился к отцу; за медленное прибытие он при всех дал сыну двадцать ударов арапником и с таковым пашпортом его отправил.

7 — 2203

мне две перемены лошадей; нашел у него несколько старых гренадер, которые хотели было выйти; я их остановил и начал с ними разговаривать. Между прочим спросил: «Скажите, ребята, вы были 3-го гренадерского полка, всегда были при главной квартире славного нашего фельдмаршала [Румянцева] и были его любимым полком; потом также был полк сей при покойном светлейшем князе и также его любимым полком, в котором он был и шеф; один из них уже умер, а другой так стар, что, конечно, никогда уже не будет командовать армиею; кого из них вы более любили?» Один гренадер отвечал: «Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем уже мы иметь подобного ему командира; дай Бог ему вечную память!» Тут он прослезился, отер свои глаза; но вдруг глаза его оживились, приосанился и сказал: «А при батюшке нашем, графе Петре Александровиче, хотя и жутко нам было, но служба была веселая; молодец он был, и как он, бывало, взглянет, то как рублем подарит, и оживлял нас особым духом храбрости».

Погребение происходило 13 октября следующим порядком. По завершении духовных обрядов приготовлена была пространная зала, где долженствовало быть поставлено тело усопшего, вся обита черным сукном с флеровыми перевязями по бортам.

Впереди для катафалка сделано отделение шелковою черною занавесою, обложенною по бортам серебряным позументом, с большими посередине висящими серебряными кистями и подтянутою серебряным шнурком, а несколько подалее балюстрад, обит черным сукном и обложен сверху по краям широким серебряным позументом.

Потолок сего отделения одет был наподобие павильона черным сукном и увит крестообразно по краям белыми креповыми перевязями.

Посредине отделения поставлен был амвон, обитый красным сукном, с тремя ступенями, обложенными по краям серебряным позументом.

На середине оного сделано возвышение, покрытое богатою парчою, на коем поставлен гроб, обитый розовым бархатом, выложенный богатым золотым позументом, с серебряными скобами на серебряных подножиях, и покрытый богатым парчовым покрывалом.

Над гробом сделан был великолепный балдахин из розового бархата, обложенный по краям черным бархатом с богатым золотым позументом. Спуски оного [были] из розового бархата, обложенные золотым позументом с бахромою, поднятые шнурами с небольшими золотыми кистями.

Балдахин поставлен [был] на 10 древках, обтянутых розовым бархатом и перевитых серебряным позументом, и укреплен к земле 8-ю золотыми шнурами, на конце коих повешены большие золотые кисти. Наверху балдахина по углам и посередине укреплены страусовые черные перья; внутри оный обложен белым атласом.

В головах, на сделанном возвышении, положена была на парчовой золотой подушке княжеская корона, обведенная лаврами.

На первых от гроба ступенях, у головы, с обеих сторон [стояли] табуреты, покрытые красным сукном с золотым по краям позументом, на коих положены подушки из малинового бархата, обложенные золотым позументом с бахромою и с золотыми по углам висящими кистями; на оных с правой стороны положен фельдмаршальский жезл, а с левой венец лавровый; на сей же стороне, пониже, лежала крышка от гроба, на коей находились шпага, шляпа и шарф. На последней ступени расположены на таковых же бархатных подушках все ордена покойника, по старшинству их, все знаки власти, полученные им в награждение заслуг от милостей монарших.

По сторонам катафалка поставлены были две пирамиды из белого атласа, увешанные черного и белого крепа перевязями. На пирамиде, стоявшей с правой стороны, виден был герб его светлости, по сторонам поставлены два знамени великого гетмана, а на черной доске изображена была белыми буквами следующая надпись:

«В Бозе почивающий светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический и проч., и проч., усерднейший сын отечества, присоединитель к Российской империи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель победоносных флотов на южных морях; победитель сил турецких на суше и море, завоеватель Бессарабии, Очакова, Бендер, Аккермана, Килии, Измаила, Анапы, Сучук-Кале, Суннии, Тульчи, Исакчи, острова Березанского, Гаджибея[43] и Паланки; прославивший оружие Российской империи в Европе и Азии, приведший в трепет столицу и потрясший сердце Оттоманской империи победами на морях и положивший основание к преславному миру с оною; основатель и соорудитель многих градов; покровитель наук, художеств и торговли; муж, украшенный всеми добродетелями общественными и благочестием. Скончал преславное течение жизни своей в княжестве Молдавском, в 34 верстах от столичного города Ясс, 1791 года октября в 5-й день, на 52 году от рож-

[43]Одесса.

дения, повергнув в бездну горести не только облагодетельствованных, но и едва ведающих его».

На пирамиде, с левой стороны стоявшей, виден был герб, во всем подобный первому, а по сторонам поставлены [были: справа] — кейзерфлаг*, а слева — гетманское знамя.

Девятнадцать больших свеч на высоких подсвечниках, обложенных золотою парчою, и множество меньших, поставленных кругом гроба, освещая катафалк, представляли весьма важное и великолепное зрелище, внушающее благоговение и горесть. Одиннадцатого числа, по совершении всех вышеописанных приготовлений, тело поставлено было на катафалк, и учреждено при гробе дежурство из одного генерал-майора, двух полковников, четырех штаб-офицеров и осьми обер-офицеров, одного генерал-адъютанта и одного флигель-адъютанта. Тогда объявлено было в городе, что хотящие отдать последний долг покойному фельдмаршалу допускаемы будут к тому без изъятия.

Народ стекался толпами; горесть написана была на всех лицах, наипаче воины и молдаванские бояре проливали слезы о потере своего благодетеля и друга; в сие время поставленный у дверей офицер раздавал убогим мелкие серебряные деньги. Поклонение телу происходило сего числа пополудни от 3-х до 6-ти часов. В часы прихода для поклона телу стояли у голов по обеим сторонам штаба покойного фельдмаршала два генерал-адъютанта, у средины гроба по два гвардии офицера, два флигель-адъютанта, а несколько подалее по два офицера Екатеринославского гренадерского полка; внутри с правой стороны лейб-гвардии от бомбардирской роты, а с левой кирасирского полка князя Потемкина, а у балюстрада того же полка по два офицера в супервестах**.

Двенадцатого числа двери отворены были от 10 часов пополуночи до 2-х часов пополудни, потом от 3-х до 8 часов вечера, в которое время попрежнему была раздача убогим мелких серебряных денег. Между тем один генерал-адъютант и два флигель-адъютанта на лошадях, под препровождением одного эскадрона полка князя Потемкина, в траворном виде, с литаврами, покрытыми черным сукном, возвестили городу о времени выноса тела, которое имело быть на другой день в 8 часов пополуночи.

Тринадцатого числа полки Екатеринославский и Малороссийский гренадерские и Днепровский мушкатерский стали по обеим сторонам улиц, где долженствовало происходить шествие. Когда духовенство собралось и все было готово, то время выноса возвещено было 11-ю пушечными выстрелами и унылым колокольным звоном; пальба продолжалась

чрез каждую минуту до самого внесения тела в монастырь Голий, назначенный к свершению сего печального обряда.

Тело выносили из особливого усердия генералы, также штат его светлости и назначенные к тому штаб-офицеры; балдахин несли гвардии офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествие происходило следующим порядком:

Открывал оное эскадрон конвойных гусар покойного фельдмаршала.

За ними кирасирский полк князя Потемкина.

Дом покойного в трауре.

Верховые лошади в богатых уборах, которых каждую вели два конюха в богатой ливрее, в черных эпанчах и шляпах.

120 человек солдат с факелами, в черных епанчах и в распущенных шляпах с черным флером.

24 обер-офицера в траворном виде со свечами.

12 штаб-офицеров в траворном виде со свечами.

Бояре княжества Молдавского, князья и посланники Черкесские.

За сим должен был следовать генералитет; но генералы, как выше сказано, выносили гроб и шли подле оного до самой церкви.

Духовенство.

Знаки отличия, из которых каждый несли штаб-офицеры, имея двух обер-офицеров ассистентами:

1. Орден Св. Андрея. 2. Орден Св. Александра Невского. 3. Орден Св. Георгия 1-го класса. 4. Орден Св. Владимира 1-го класса. 5. Орден Белого Орла. 6. Орден Св. Станислава. 7. Орден Прусского Черного Орла. 8. Орден Датского Слона. 9. Орден Шведского Серафима. 10. Орден Св. Анны. 11. Камергерский ключ. 12. Гетманская булава. 13. Гетманская сабля. 14. Жалованная шпага. 15. Венец. 16. Бант от портрета императрицы. 17. Фельдмаршальский жезл. 18. Гетманское знамя. 19. Кейзер-флаг. 20. Другое знамя. 21. Княжеская корона.

Гроб на черных дрогах, запряженных 8-ю лошадьми в черных попонах, из которых каждую вел один конюх в черной епанче и шляпе.

Парадная карета, покрытая черным сукном, запряженная 8-ю лошадьми под черными покрывалами; при ней конюхи в парадной ливрее и черных епанчах.

За гробом шли родственники [князя].

Шествие замыкали: эскадрон конвойных гусар, казачий полк Булавы великого гетмана, козачий полк князя Потемкина Донской.

По свершении литургии преосвященный епископ Херсонский Амвросий вышел было сказать надгробное слово, но за рыданием не мог выговорить ни слова и вошел обратно в алтарь. По окончании отпевания, когда запели вечную память, сделано было 11 пушечных выстрелов, а войско [произвело] троекратный ружейный беглый огонь. Рыдание родственников, ближних и воинов раздалось со всех сторон.

Тело омыто горячими слезами облагодетельствованных покойником[44].

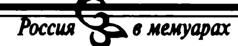
По окончании всего определены были при гробе к дежурству один адъютант, четыре офицера и караул.

Смерть светлейшего князя дала новый ход политическим сношениям между Петербургом и Константинополем. Граф Безбородко прибыл способствовать к скорейшему окончанию мирных переговоров. Долго турецкие министры не соглашались на требование России вознаграждения 24 миллионов пиастров; но когда объявили им, что ежели они на сию статью не согласятся, то и конгресс разрушен, почему они и подписали. В ту минуту Безбородко вошел и сие положение разорвал, сказав: «Государыня императрица не имеет нужды в турецких деньгах». Таковой поступок изумил мусульман. «Сие великодушие, — воскликнул реис-эфенди*, — спасает жизнь верховного визиря». Мир между Россиею и Портой подписан 25 декабря (9 января) 1792 г. в Яссах.

Главные оного статьи: Порта признает острова Крым и Тамань российским стяжанием**; река Днестр составляет границу между обеими империями; флоты российские, парусный и гребной, должны оставить владения турецкие, как скоро получат повеление, и не позже после подписания мира трех недель. Войска сухопутные оставят занятые владения турецкие в мае, возвратя завоеванные крепости в таковом положении, в каковом оные при подписании мира состоят.

[44]Можно без всякой лести сказать, что светлейший князь имел исполненную доброты душу. Во время его беспримерного могущества ни одного человека не сделал несчастным. Много было примеров, где он оказал сострадательное сердце, например: поручик артиллерии барон Плотто послан был в Воронеж для покупки под артиллерию лошадей; он всю сумму, данную ему для сей казеной надобности, проиграл, почему военным судом приговорен был к разжалованию навсегда в солдаты. Когда же поднесена была князю на подпись конфирмация, он надписал: «Разжаловать в солдаты на три месяца со дня подписания», но Попову приказал к исполнению не прежде отослать, как по истечении и сего срока.

V
ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА

[1792]. Вскоре по объявлении и торжестве мира получил я отпуск и отправился в Могилевскую губернию к отцу моему, получившему отставку, причем пожаловано было ему по смерть восемьсот душ в Белоруссии, куда он на житье и переехал.

Отец мой меня встретил некоторым для меня прискорбным выговором: «Хорошо ты пишешь реляции (ибо я ему писал о происшедшем со мной в мачинской баталии). Но в реляции, припечатанной в газетах, того нет; каждый, кто отличился, всякий именован, но ты с прочими помещен в списке, что был примером храбрости и мужества; рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами с надписью «за храбрость», а тебе с прочими назначен одобрительный лист за подписанием кн. Н.В. Репнина». Больно мне было услышать таковой выговор и несправедливость, от начальства мне оказанную; но, к счастию моему, кн. Г.С. Волконский при отъезде моем в отпуск, как он был корпусной мой командир, дал мне аттестат с прописанием всего, до меня касающего во время мачинской баталии. Показав оный отцу моему, я достаточно его удостоверил, что писал я неложно и не был самохвал.

Полк десятибатальонный Екатеринославский был раскассирован и остался по-прежнему в 4-х батальонах, как и все прочие гренадерские полки; офицеров и нижних чинов разместили по другим полкам, а штаб-офицерам велено прислать в военную коллегию прошения, кто в какой полк пожелает быть помещен. Для чего я и отправился в С.-Петербург, и так как кн.Репнин был там, то и хотел просить его утвердить своим подписом аттестат, данный мне кн.Волконским, по которому мог бы я требовать награждения.

Прибыв в С.-Петербург, увиделся я тогда с служившим при банке И.С. Захаровым, по соседству деревень отца моего сделавшимся ему коротким знакомым. Когда сказал я ему о причине моего приезда, то он говорил мне, что он хороший приятель Панкратьеву, управлявшему канцелярией князя Репнина, и просил вверить ему мой аттестат для пока-

зания и требования от него совета, как с ним поступить. Я не расчел, что Панкратьев, писав реляцию, не захочет признать свою ошибку, и без малейшего сомнения аттестат ему [Захарову] отдал.

На другой день приезжаю к Захарову, который мне сказал, что Панкратьев удивляется данному мне аттестату кн.Волконским, ибо-де он вас не рекомендовал. Несмотря на то, решился я ехать к кн.Репнину и с самим им объясниться, что на другой день и исполнил. Приехал я поутру к князю часов в десять; пред кабинетом его Панкратьев меня встретил и спросил, что мне угодно. Я ему сказал о моей претензии; но он, как и Захарову, говорил, что кн.Волконским я не рекомендован, и просил идти с ним в канцелярию. Пришед туда, показывает рапорт кн.Волконского, в котором он рекомендовал лично только при нем бывших, но что он утверждает в донесении справедливую рекомендацию карейных командиров. Тогда я сказал: «Посмотрите рапорт карейного моего командира». В котором он [Панкратьев] увидел, что рекомендация мне во всем согласна с полученным мною аттестатом. На это Панкратьев сказал, что делали представления к награждению только тех, кого корпусные командиры рекомендовали лично[45]. «А затем вы получить не можете более ничего», — прибавил он. «Как бы то ни было, — сказал я, — прошу о мне доложить его сиятельству; по известной его справедливости, он не откажет удовлетворить в моем требовании».

Панкратьев вошел в кабинет к князю [и], быв там с четверть часа, позвал меня к нему. Как скоро я вошел, то князь, не дав мне вымолвить ни слова, сказал: «Здравствуйте, мой друг; это вы, который мною в мачинской баталии посыланы были атаковать гору? вы то исполнили как храбрый офицер и добрый слуга ее величества (и выхвалял меня минут с пять). Да вы, мой друг, и награждены». — «Ваше сиятельство, я видел себя в списке награжденных одобрительным листом». — «Как, мой друг, вы этим недовольны? Разве не все равно, ордена, шпаги? — все то не что иное, как благоволение монаршее, то же, что и листы, а вы хотите быть

[45]Между некоторыми я заметил, что отлично рекомендован ротмистр Хорват и награжден орденом Св. Геогия VI класса, которого с двумя эскадронами гнали турок двадцать, и что сам князь Репнин видя, сказал, что их надобно одеть в серые кафтаны. Показав ему сие, я сказал: «Не натурально, чтобы корпусной командир, будучи занят распоряжением, мог видеть действия всех, а в пехоте невозможно никому особливо отличиться, ибо из фронта выскочить невозможно, разве только в таком случае, каков мне представился, что случается чрезвычайно редко, тем более что то было в глазах самого главнокомандующего».

вывескою вашей храбрости. Благоразумному человеку довольно, когда уже знает, что его имя и служба известны государыне; вам более ничего не надобно, и нет надобности ни в каком аттестате. Простите, мой друг, я не имею более времени быть с вами; спешу во дворец; а когда случай приведет нас быть вместе на ратном поле, зная вашу способность, мужество и ревность к службе, не примину вас употребить как отличного штаб-офицера».

Вот чем кончилось мое объяснение с человеком, слывшим так справедливым, как древний Аристид. Итак, не оставалось мне ничего более делать в Петербурге. Я определился в Козловский мушкатерский полк, которым командовал ко мне хорошо расположенный полковник И.Н. Ракосовский, и который давно просил меня перейти к нему в полк. Я спешил уехать, ибо с Польшею начиналась война[46], и Козловский полк уже пошел к границе в отряд генерал-поручика графа Мелина.

Возвратясь к отцу моему, снабдившему меня всем потребным, отправился в полк, которого уже нашел в Новогрудке, Виленской губернии, и, к сожалению моему, не поспел к неважному делу, бывшему при местечке Мир*.

Войска вступили в Польшу разными отрядами: генерал-поручик Ферзен со стороны Рогачева; генерал-поручик граф Мелин со стороны Толочина[47]. Со стороны Лифляндии и Полоцкой губернии [вступили] два отряда; все оные под главным начальством Мих<аила> Никит<ича> Кречетникова.

Вся Молдавская армия, под главным начальством генерал-аншефа Мих<аила> Вас<ильевича>Каховского, переправясь через Днестр в Могилеве, вступила в Польшу; авангардом оной командовал г<енерал>-м<айор> гр. Ираклий Ив<анович> Морков, а под ним флигель-адъютант императрицы гр. Вал<ериан> Алек<сандрович> Зубов. Таким образом, со всех сторон теснили поляков.

Авангард Молдавской армии отделился на большое расстояние от главного корпуса; как презирали поляков, то сразиться с ними было еди-

[46]Претекст сей войны подали некоторые польские вельможи, недовольные новою конституцией, просившие императрицу уничтожить оную, ибо она противна их вольности и прежним уставам, и потому, что только малая часть их участвовала в утверждении оной. Почему и составили они конфедерацию в Тарговицах.

[47]Деташемент** его состоял из полков Муромского и Козловского мушкатерских, Смоленского драгунского и одного полка донских козаков с десятью орудиями полевой артиллерии.

нодушное всех рвение, думая, что при появлении наших войск они тотчас побегут. Но известный польский генерал Костюшко, служивший волонтером в Америке Соединенных Штатов, когда они отложились от Англии, был мужественен и опытом научен в военном искусстве. Узнав, что русский авангард далеко отделился от армии, с значительными силами остановился [он] у Мурахвы. Гр. Морков, не имея достаточного сведения о силе неприятеля, атаковал оного; сражение сделалось упорно, и уже наши стали ослабевать, потеряли много людей и были в опасности быть разбитыми, как, к счастию, обоз авангарда стал показываться из-за горы в пыли. Костюшко, думая, что то идет вся армия, и не быв в силах с оною сразиться, отступил. За сию мнимую победу гр.Морков и все, с ним бывшие, осыпаны награждениями, вместо того чтобы за самовольное отдаление на большое расстояние от армии, подвергая весь авангард опасности быть истреблену, должны бы быть отданы под военный суд. Но тут был брат фаворита, молодой человек с пылким желанием отличиться, вот и вся победа. Последнее было дело той армии под Дубенкой, где Костюшко взял хорошую позицию между болотистыми дефилеями*, укрепив оные флешами**. Поляки защищались храбро; решил дело полковник Паленбах с Елисаветградским конноегерским полком; он овладел сими укреплениями, но сам был убит. После сего вся армия безостановочно шла к Варшаве. С другой стороны граф Мелин и Ферзен, имев небольшое дело под Мстивовом, дошли до Буга, где получили известие от Каховского, что с поляками война кончилась, и чтобы Кречетников с своими отрядами остановился. Вскоре войска наши заняли Варшаву, и конституция [была] уничтожена.

Действительный тайный советник Яков Ефимович Сиверс [был] сделан чрезвычайным послом в Польше на место Штакельберга. Каховский был оставлен начальником всех войск в Польше и пожалован графом за успешное окончание сей кампании.

Войска заняли всю Польшу и расположились по квартирам. Козловский полк поступил в виленский отряд под начальством генерал-майора Н.Д. Арсеньева; зима протекла покойно, хотя поляки и показывали нам свое недоброжелательство.

[1793] В 1793 году в январе прибыл командовать войсками генерал-аншеф барон Игельстром, на место графа Каховского. Новый наш командир не оставил нас ни одного месяца на одних квартирах; все войска

избили Польшу в шахматы*. В апреле взяты были кантонир-квартиры** около Варшавы, Гродно и Вильны, не далее одной мили от сих городов. В мае вступили в лагерь, где и простояли до июля, во время которого близ Варшавы производились маневры.

На один из оных [маневров] Игельстром пригласил всех дворов министров, всех знатных чужестранцев и польских магнатов. Маневры состояли в том: артиллерии г<енерал>-м<айор> Тищев с артиллериею поставлен был на горе, которую сам командующий атаковал с остальными войсками; Тищев по некотором времени ретировался; тогда войска заняли его позицию, на которой поставлены были палатки и приготовлен был обеденный стол, которым Игельстром угощал всех им приглашенных генералов и штаб-офицеров. Под кувертом самого хозяина и у многих других нашлись стихи следующего содержания: «Знаете ли, отчего генерал Игельстром так весел? Оттого, что он первую в своей жизни выиграл баталию». (И в самом деле, он не имел никогда случая не только дать баталию, но и никакого сражения [не было] под личным его предводительством.) Какое он ни прилагал старание отыскать сочинителя сего пасквиля, но не мог; сие показывает, как он всегда был нелюбим войском.

При Гродно лагерь [был] усилен, куда и Козловский полк был потребован.

В Гродно открыт был сейм; Сиверс потребовал за понесенные убытки Россией в уничтожении конституции, за разрушение вкравшейся анархии, подобной французским якобинам, губернии: Минскую, Подольскую и Волынскую. Долго поляки сопротивлялись, но когда увидели, что ревностнейшие из их патриотов из Гродно пропадали, то по продолжительном прении согласились сказанный край уступить императрице. Но так как в Гродно был и прусский министр Бухгольц и дворы наши были в тесной связи, то поляки справедливо опасались, чтобы король прусский*** не стал требовать некоторых областей, смежных с его королевством, потому что его министр Лукезини способствовал делать им конституцию 3-го мая[48]. По утверждении на сейме, как сказано, уступить край России, тогда же сделали постановление, что, ежели кто предложит трактовать с Пруссиею в уступке земель от Польши, того тут же на сейме изрубить.

*Один монарх имел требование за то, что сделал конституцию, а другой за то, что разрушил ее; и оба правы, по праву сильного.

Обряд сейма так происходил. Близ трона, на котором король всякое собрание бывал, вкруг его сидели министры. По сторонам сенаторы. Вдоль стены сделаны были места амфитеатром для депутатов, или, как они называли, послов, от каждого повета* по два человека. За ними [находились] зрители, как поляки, так и иностранцы, но последним не дозволялось быть в мундирах и с оружием. Избираем был сеймовый маршал, от которого зависело, если многие требовали голоса, говорить, кому он позволит. На сей сейм был выбран маршалом граф Белинский. Собрание сейма всегда начиналось в 3 часа пополудни; как скоро король садился на трон, то сеймовый маршал объявлял: «Сесия загосна», то есть заседание открыто. На что депутаты отвечали: «Загосна». Ежели сего не скажут, то заседание не почиталось открытым. После сего маршал предлагал, что в прошлом сейме заслушано и не окончено или о чем следует трактовать.Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршал сказывал: «Ма глас посол», например, «слонимский». Получа позволение, [тот] начинал предлагать, в чем имел нужду. Если его голос был принят собранием, то все закричат: «Сгода». И уже то почитано утвержденным и не могло ничем быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричат: «Не позволям». Ежели же иные кричат «Сгода», а другие «Не позволям», то собирали голоса подписанием каждого депутата на листе бумаги, который носили для сего особо избранные, и тогда решалось дело по большинству голосов. Иногда случалось, что делали возражения на произнесенную речь, по дозволению сеймового маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись с большим красноречием; иные говорили против короля в самых сильных выражениях, на которые и король отвечал всегда с особливым снисхождением и красноречивым убеждением. Когда же король хотел говорить, то канцлер произносил: «Яснейший пан кроль мовь». Король Станислав Август был прекрасный мущина, высокого роста и важной осанки; на сейме он всегда был в мундире народовой кавалерии.

Гр<аф> Белинский был близорук; когда многие депутаты требовали позволения говорить, то он долго рассматривал в лорнет, дабы позволить говорить тому, который согласовался с интересами дворов российского и прусского. Случалось, что ошибкой позволял говорить противным пользам оных, то тогда же те были выводимы бывшими тут русскими офицерами во фраках, для сего нарочно наряжаемыми. Один закупленный депутат Сухуржевский хотел было предложить трактовать с прусским ми-

нистром; тогда многие депутаты, обнажив сабли, бросились на него и нанесли несколько ударов так, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывести из сеймовой залы; и слуги, бывшие в сенях, крича: «Здрайца» (изменник), забросали его шапками.

Во все время шумливого сего сейма беспрестанно были праздники, балы, фейерверки; как наш посол, так и прусский угощали и веселили поляков, а равно и они угощали русских. Множество было польских самознатнейших дам, красотою и любезностью одушевляющих сии праздники; но красотою затмевала всех прочих четырнадцатилетняя княжна Четвертинская[49].

Несколько было заседаний, но трактовать с прусским министром никто более предлагать не осмеливался. Наконец в одно таковое заседание сейм был окружен 4 батальонами с пушками. Генерал-майор Раутенфельд в мундире введен был в сеймовую залу; близ трона поставлены ему кресла; 40 офицеров в мундирах также введены были в оную [залу] и размещены в разных местах, чтоб исполнять повеления его превосходительства.

Когда король вошел и сел на трон, то сеймовый маршал объявил по обыкновению: «Сессия загосна». — «Не загосна, не загосна», — со всех сторон раздался крик. И сколько раз маршал ни начинал объявлять, то таковым же криком ответствовали, что происходило до трех часов утра. К дверям залы поставлен был караул, чтобы никого не выпускать; король изнемог, но ему приносили несколько раз бульону и вина. В течение того времени один из депутатов сказал: «Императрица именует патриотов якобинами; я думаю, что якобины противятся законному монархическому правлению и власти королевской, а мы, напротив, защищаем трон и права нашего отечества. Но вот якобин (указав на генерала Раутенфельда), который только что не сидит на троне; вот якобины, которые вопреки нашим законам с оружием введены в сеймовую залу для угнетения наших прав; вот якобины, которые стоят с примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовые разрушить трон и нашу вольность». По произнесении сей смелой речи он тотчас был выведен. Другой сказал: «Я думаю, что нас называют якобинами, потому что у нас российский посол — Якоб Сиверс!» И того вывели.

[49]Которая была после замужем за Д.Л. Нарышкиным и была в фаворе у императора Александра.

Наконец в три часа утра, без обыкновенного предложения, что «сессия загосна», Белинский, подошед к трону, доложил, что получена от российского посла нота. Король приказал прочесть. В ноте требовалось сделать легацию или отделить несколько депутатов трактовать с прусским министром. Когда требовалось, чтобы каждый подписал, согласен на то или нет, то никто не осмеливался подать противный голос, страшась быть отправленным в Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными те, которые уже были наперед назначены и готовы подписать все, что будет им приказано. Так кончилось сие насильственное заседание*.

Уполномоченные уступили Пруссии великое герцогство Познанское, что утверждено сеймом, и сейм[50] в сентябре распущен. Король и все министры возвратились в Варшаву, а полки вступили в квартиры. Козловский полк расположился в Слониме.

Поляки, которые были забираемы на сейме, как было сказано, и о которых думали, что отправлены в Сибирь, на другой же день по окончании сейма явились в Гродно, где они содержались хорошо, но тайно.

[1794]. Так как я сделал некоторый долг, о котором нужно мне было объясниться лично с моим отцом, то и хотел проситься в отпуск, но полковник упросил меня остаться до его возвращения — ибо дела его самого требовали в Лифляндию, обещав мне непременно приехать в январе. Вместо того возвратился уже в марте, когда получено было повеление ни в отставку, ни в отпуск не принимать прошений. Чтобы меня удовлетворить, полковник позволил мне сказаться больным и ехать в Могилевскую губернию под именем капрала Семенова, которого дал мне в сопровождение, с тем чтобы я приехал перед выступлением в лагерь, то есть в первых числах мая.

Во время зимних квартир видно было брожение польских умов. Я, будучи в коротком обхождении со многими слонимскими жителями и в окружности оного [города], где квартировал полк, видел, что между ними происходили какие-то неприязненные к нам замыслы, но, не имев никакого предписания, оставил без большого внимания все их речи, которых я был свидетель, почитая их пустым самохвальством и думая, что ежели бы что между ними затевалось, то, конечно, генерал Игельстром, сделавшись на место Сиверса чрезвычайным послом, был бы о их расположении известен и сделал бы по сему случаю начальникам войск пред-

[50]Оный сейм был последний в прежней Польше.

писание. Но он был усыплен новою Далилою*, его любовницею, графинею Залуцкою, как и многие генералы, подражая [в этом] главному начальнику. [Он] пренебрег тогдашние обстоятельства, а иначе заговор, поляками сделанный, заранее был бы открыт военночиновниками, квартирующими в Польше.

Пробыв у отца моего до 20-го апреля, [я] отправился в полк на своих лошадях, не имея ни малейшего понятия о происходившем в Польше. Приехав в Минск и остановясь в корчме, пошел я к вице-губернатору Михайлову, который был женат на сестре сверхкомплектного майора Арсеньева Козловского полка; увидел хозяйку и всех, с нею живущих, в слезах; от них узнал я, что в Польше сделалась революция; что в Вильне генерал-майор Арсеньев захвачен поляками в полон, а войска наши истреблены и что поляки в больших силах идут к Минску. Притом [я узнал], что полковник Ракосовский подал просьбу в отставку, отпущен в отпуск и проехал уже чрез Минск, а полк Козловский выступил из Слонима к Бресту Литовскому и что мне в полк проехать никак невозможно, ибо всех русских поляки на пути режут. Чрезвычайное уведомление сие меня изумило и привело в большое затруднение; не быв отпущен начальством, а только партикулярно полковником, подвергал [я] себя военному суду или, объявя, что получил от полковника позволение, подвергал его той же ответственности, чем оказал бы ему неблагодарность, почему я решился, несмотря ни на какую опасность, ехать в полк. Едва только возвратился я в корчму, где оставил свой экипаж, как от губернатора Н.И. Неплюева** ординарец пришел требовать меня к нему, ибо он был извещен о моем приезде от г. Михайлова. Нечего было делать; я должен был надеть мундир и к нему явиться. После очень вежливого мне приема [Неплюев] сказал: «Я очень рад вашему прибытию; мое здесь самое критическое положение; уведомился я, что поляки с несколькими войсками и большим числом посполитого рушения*** идут к Минску; здешние жители также ненадежны. Здесь оставлено: две роты Смоленского пехотного полка, несколько выздоровевших из гошпиталя, две полковые пушки и пришедших три партии рекрут, каждая по сто человек, но ни одного нет штаб-офицера; почему извольте принять все то в свою команду, сделать свое распоряжение и изготовиться сделать отпор». Я ему представил мое положение, что я не под своим именем, что подвергаю себя военному суду, и скоро убедил его моими резонами и просьбою, что он согласился меня отпустить, но с тем, чтобы я не в Слоним ехал, ибо

проезду никакого тут не было, но в Несвиж, где находился генерал-губернатор новозабранного от Польши края Тимофей Иванович Тутолмин и военный начальник той части, генерал-майор Б.Ф. Кнорринг, прибавивши, что им известно, где Козловский полк, и там я узнаю, где безопаснее к нему проехать.

Получа сие позволение, я без малейшего промедления отправился и на другой день под вечер приехал в Несвиж. Оставя свой экипаж в корчме, пошел я к артиллерии майору Н.И. Богданову; он удивился, меня увидев, и спросил, как я туда попал, а как я рассказал ему о моих обстоятельствах: «Братец, — сказал он мне, — уезжай как можно скорее отсюда; наш генерал Кнорринг самый грубый человек; он тебе сделает тьму неприятностей; поезжай в Пинск; эта дорога безопасна, потому что по ней идет сюда три батальона егерей, а в Пинске начальником Н.С. Ланской; ты знаешь, он самый добродушный человек; Брест оттуда недалеко, и тебе можно будет свободно доехать в полк».

Я, простясь с ним, тотчас пошел в корчму, чтобы в ту же минуту уехать; но капрал мой, встретив меня с печальным видом, сказал, что он только что пришел от генерала, который, потребовав его к себе, спросил: с кем он едет? А как он донес, что с экипажем и людьми Козловского полка майора Энгельгардта, то и приказал ему пожитки и повозки отдать под сохранение в комиссариатский цейхгауз, лошадей в козачий табун, а самому с людьми явиться к подполковнику Сакену (что ныне фельдмаршал), принять на всех солдатскую амуницию и ружья и состоять у него в команде. Услышав сие огорчительное повествование, пошел я опять к Богданову, который, погоревав со мною, сказал, чтобы я к Кноррингу на другой день не прежде явился, пока он с ним обо мне не переговорит, ибо-де он со мной [с Богдановым] только одним по приятельски обходится; в противном случае он [мне] наговорит столько грубостей, что я потеряю терпение.

На другой день, пока не известил меня Богданов, видел я большую суматоху, ибо и там [в Несвиже] получено известие, что поляки идут атаковать Несвиж. В замке поправляли брустверы, ставили на валкенг пушки. Там было тогда три роты артиллерии, три эскадрона Украинского легкоконного полка, две сотни козаков; пришло пять партий рекрут, и из Пинска шло три батальона егерей. Генерал долго занимался отправлением курьеров и партий в разные направления, уже около полудня Богданов мог переговорить с ним обо мне; «Ну, — сказал он, — ступай

теперь; я упредил его о тебе, хотя несколько умягчил его угрюмость, но не вовсе уломал сего медведя».

Являюсь к генералу в кабинет, и вот наш разговор. Он спросил меня самым худым выговором по-русски: «Кто вы таков?» — «Козловского полка премьер-майор Энгельгардт». — «Когда приехал?» — «Вчера». — «Неправда, я не имел о вас записка, а приехал с экипажем майора Энгельгардта капрал Семенов». — «Это я, ваше превосходительство; я отпущен был от полковника партикулярно». — «А, это другой дел, явитесь в команду к подполковнику Сакену; я велю ему дать вам сотни две рекрут, и мы будем вместе драться с поляками». — «Ваше превосходительство, я бы за честь поставил себе во всякое другое время быть в вашей команде, но судите о моих обстоятельствах: я должен ответствовать перед военным судом за самовольную отлучку или показать себя неблагодарным моему полковнику, сделавшему мне одолжение; а притом его в полку нет, и я не знаю, как обо мне полк показывает». — «А, вы не кочите быть зо мной; вам в ваш полк не можно доехать». — «Я решусь на всякую опасность, только чтобы быть в полку». — «Нет, г<осподин> майор, вы не кочите з нами умирал и вы боитесь поляков». — «Я никогда не имел чести служить с В<ашим> П<ревосходительством>, и вы меня не знаете; но ото всех моих командиров я имел счастие заслужить лучшее о себе мнение, а быв так дурно предупрежден вашим превосходительством, почту за несчастие остаться здесь, почему, сделайте милость, отпустите меня». — «Вы тумал, что без вас обойтись не можно, изволь ехать хоть к шорту». Я не ожидал ничего более, будучи очень доволен любезным его приемом, а еще более милостивым его отпуском; вышел, запряг лошадей и погонял не оглядываясь, [пока не] прибыл благополучно в Пинск.

Николай Сергеевич Ланской принял меня самым добродушным образом, уведомил меня, что Козловский полк давно выступил из Бреста и пошел за Вислу в Сендомирское воеводство присоединиться к войскам, вышедшим из Варшавы, и что к полку мне проехать невозможно. Он советовал мне, чтоб я свой экипаж оставил у него, а сам бы отправился курьером к графу И.П. Салтыкову в Лабун, командующему всеми войсками в новозабранном краю, откуда уже можно будет чрез австрийскую Галицию пробраться в Сендомирское воеводство; но чтоб я дождался отряда полковника Чесменского из Бреста и узнал бы от него про тог-

дашние обстоятельства. Оный отряд послан был в Брест останавливать идущие разные малые команды к полкам остававшихся за болезнию в зимовых квартирах и препроводить их в Пинск. Почему и я имел случай показывать себя за болезнию оставшимся в Слониме. Итак, дождавшись через день того деташемента, отправился я Волынской губернии в местечко Лабун с несколькими тысячами червонцев, которые должен был Ланской переслать к графу Салтыкову.

Приехав в Лабун, у въезда заставили меня подписать реверс*, чтобы ни под каким видом я не сказывал никому, откуда приехал, и ничего бы не говорил, что мне известно о польских обстоятельствах.

Явясь к его сиятельству и отдав казначею привезенную мною сумму, исправно лгал я о моем приключении. Граф еще повторил мне строгое приказание, объявленное мне при въезде, и обещал, по просьбе моей, при случае отправить меня к полку.

Смешно было, что на вопрос многих моих знакомых: «Откуда?» — [я] отвечал: «Не знаю?» — «Зачем приехал?» — «Не знаю». Тщетная предосторожность тогда, когда уже все знали о случившейся в Польше революции! Поляки распустили о ней слухи с прибавлением о своих геройских подвигах.

Через несколько дней прибыл из корпуса генерал-поручика Ферзена (получившего начальство вместо барона Игельстрома) Углицкого полка поручик Трейден, с которым я был знаком и знал, что Углицкий полк был в том корпусе. Я атаковал его, но и ему велено было говорить: «Не знаю». Однако ж он объявил мне, что корпус в Сендомирском воеводстве и что все бывшие наши войска там собрались и ожидают соединения прусского корпуса под личным начальством самого короля Фридриха Вильгельма для наступательного действия противу поляков. Я дал ему слово говорить, что он мне ничего не рассказывал. Но как зная Трейдена лично и что он служил в Углицком полку, который был в том корпусе, я просил графа [Салтыкова] с ним меня отправить. Его сиятельство разгневался и сказал мне, чтоб я впредь не осмеливался просить, дабы тем не подать повод отгадать о происшедшем в Польше[51].

Некогда его сиятельство сказал при всех, что генерал-поручик Загряжский с корпусом двинулся к Владимиру Волынской губернии. Я, вопреки запрещения, просил графа, чтоб отправил меня в оный корпус, что

[51]Такими скрытными мелочами познается человек, и служит сему доказательством, что когда нужно было благоразумное распоряжение, то он отозван, а на место его поступил кн. Н.В. Репнин.

он мне и позволил, предписав тому генералу употребить меня на службу до соединения моего с Козловским полком.

Я уже нашел корпус генерал-поручика Загряжского при Буге; авангард его под командою полковника Рарока [находился] у самого местечка Дубенки. Его превосходительство принял меня благосклонно, оставя при себе, а по некотором времени я был им употреблен за обер-квартермистра. Полковник Рарок, как смольянин, снабдил меня для рыцарских подвигов подъемною лошадью из-под казенного ящика и дал мне в услуги одного солдата.

До начатия [описания] военных действий уведомлю о революции, в Польше воспоследовавшей.

Генерал барон Игельстром, видя буйство в Польше, требовал приведения в то положение польских войск, которое должно быть по силе последнего сейма. Полк Дзелинского, расположенный в Варшаве, прислал только 16 человек для определения в русские полки, представя, что затем осталось у него в полку комплектное положенное число. Бригада Мадалинского, расположенная между Бугом и Наревом, собрав свои эскадроны у Остроленки, явно отреклась распустить свои войска.

Барон Игельстром послал против сих мятежников с полком карабинер бригадира Багреева, при приближении которого Мадалинский пошел к прусской границе, а оттуда в Сендомирское воеводство с такой поспешностию, что Багреев не мог его настичь.

Игельстром собрал весь корпус в Варшаву, расположенный по квартирам около оной; полки Сибирский и Киевский гренадерские, Харьковский и Ахтырский легкоконные, полк донских козаков и 20 орудий полевой артиллерии.

Приказал из Бреста отрядить генерал-майора Хрущова с 6-ю батальонами, десятью эскадронами, 6-ю орудиями полевой артиллерии, одним полком козаков; генералу-майору Рахманову из Дублина с отрядом 3-х батальонов, 4-х эскадронов, полком донских козаков и 10-ю орудиями перейти Вислу против Пулавы. Присоединиться же к сим отрядам велено генерал-майору Денисову с 10-ю эскадронами, 2-мя ротами пехоты, полком донских козаков и 5-ю орудиями полевой артиллерии. Тоже присоединиться к оным приказано из Кракова из разным полков небольшим отрядам, коих было около тысячи человек пехоты и конницы.

Генерал-майору Тормасову [Игельстром] приказал с одним батальоном, двумя ротами егерей, 6-ю эскадронами, полком донских козаков и 4-мя орудиями полевой артиллерии преследовать Мадалинского.

Как скоро Мадалинский вощел в Сендомирское воеводство, все польские войска, расположенные там, с ним соединились.

18 марта перешедшие Вислу отряды соединились у Апотова, и принял над всеми сими войсками команду, как старший, генерал-майор Денисов.

Денисов продолжал путь к Кракову и прибыл 22 марта в Скальмирц, где Тормасов, преследуя Мадалинского, остановился.

Костюшко тогда уже прибыл в Краков, подписал акт восстания и издал свою прокламацию, учредив революционное правительство, и выступил против корпуса г<енерал>-м<айора> Денисова. Войска, собранные им в Кракове и бывшие в Сендомирском воеводстве, с присоединением Мадалинского с 5-ю или 6-ю тысячами регулярных войск и несколько горных крестьян, называемых гарабс и мазуров*.

Денисов, уведомившись 23 марта, что неприятель шел к Сломнику, в 3-х милях от Скальмирца, отрядил туда того же вечера Тормасова с двумя батальонами, двумя ротами, 6-ю эскадронами, одним полком козаков и 8-ю полевыми орудиями.

В ночи с 23-го на 24-е число Денисов узнал, что неприятельская колонна тянется вдоль Вислы к Костюшке, в 3-х милях от Скальмирца, где стоял подполковник Фризель с 4-мя эскадронами гусар, [почему и] отрядил туда подполковника Лыкошина с одним батальоном.

На другой день г<енерал>-м<айор> Тормасов встретил неприятеля при деревни Раславичи, в двух милях от Скальмирца. Крутой и глубокий овраг отделял наших от неприятеля. Тормасов донес тотчас о том Денисову, который дал ему знать, что вскоре с ним соединится, и тотчас отправил своих козаков, но сам остался прохлаждаться. Генерал-майоры Рахманов и Хрущов не очень охотно повиновались донскому генералу, уговорили его пообедать, потом напиться кофию и так проволочили время, что уже почти прибыли к Тормасову к вечеру, но тогда уже было поздно.

Тормасов, увидя из-за лесу козаков, думал, что весь корпус за оными следует, [почему] решился, не дождавшись, атаковать неприятеля в превосходных силах и пошел вдоль буерака искать места для удобнейшего перехода через оный. Неприятель тоже пошел по другой стороне оврага. Как скоро можно было перейти оный, Тормасов атаковал Костюшку; начало обещало успех; кавалерия неприятельская не могла выдержать действия нашей артиллерии и отступила за пехоту. Тормасов бросился на оную, но [за] превосходством сил неприятеля и крепкой его позиции

Тормасов совершенно был разбит, потерял все пушки и с малым числом едва сам спасся.

Денисов, видя, что после разбития Тормасова весь его отряд стал уже слабее неприятельского, ретировался к Казимиру. На другой день, то есть 26, прибыл к Денисову полковник Чичерин с 5-ю эскадронами, 2-мя ротами егерей, одним козачьим полкоми и 5-ю орудиями; получив сие подкрепление, [Денисов] пошел опять к Скальмирцу.

Как скоро поляки в Варшаве узнали об одержанной победе Костюшкою, и объявлена была его прокламация, то оная была в ту же ночь прибита ко всем домам, и революция вспыхнула.

С давнего времени в варшавском арсенале работали день и ночь, заготовляя снаряды и патроны. Барону Игельстрому не приходило и на мысль узнать, что там делается. Поляки уверили генерала, что войска польские готовы вместе с русскими защищать город от революции; Игельстром слепо им поверил. Польские войска в Варшаве были следующие: 2 батальона коронной гвардии; 2 батальона полка Дзелинского; рота венгерской гвардии; 3 роты канонеров; 2 роты артиллерийских фузилеров; 80 человек минеров и саперов; 3 роты охранной казны; 4 эскадрона конной гвардии; 2 эскадрона народовой кавалерии; 3 эскадрона Королевских улан.

Расположение польских войск, сделанное им генералом Чиховским, по согласию г<енерал>-м<айора> Апраксина, занимавшего должность дежурного генерала, было таково: в арсенале 1 батальон гвардии, 2 роты артиллерийских фузилеров и одна рота канонер; у порохового магазина 1 батальон гвардии, 2 роты канонер, полк королевских улан. Прочие польские войска должны были оставаться в своих казармах. Сие расположение было изменническое, под видом, чтобы сии пункты защищать от черни народной, но настоящая была цель, чтобы удобнее противу нас действовать.

За откомандированием в разные места русских войск, в самом городе было 9 батальонов, 6 эскадронов, 300 козаков и 18 орудий полевой артиллерии, кроме полковых пушек. Расположение войск было таково: кроме караула при главной квартире, две роты расположены на квартирах близ оной; прочие войска поставлены были на квартирах в разных частях города, по одному батальону с 2 орудиями; между ними, небольшими частями, кавалерия, для совокупного сношения и подания помощи одной части войск с другою. Поляки, чтобы узнать сие расположе-

ние, неоднократно делали фальшивые тревоги, а по оному взяли свои меры, чтобы прервать сие сцепление. Егерский батальон Клугена поставлен был на месте, называемом «Три кроля», чтобы не пропускать Дзелинского из казарм. Бригада генерал-майора Милашевича расположена близ оного.

Барон Игельстром созвал военный совет [и] требовал мнения: остаться ли в Варшаве или со всеми войсками идти разбить Костюшку и тем при самом начале задушить революцию?

Причины не оставлять Варшаву [были] следующие:

1) Как единственно из варшавского арсенала могут польские войска быть снабжаемы, без чего Костюшка, не имея потребных снарядов, должен вскоре разными русскими и прусскими отрядами быть истреблен. 2) Ежели оставить Варшаву, все польские войска, соединясь, присовокупя к тому вольницу варшавской буйной черни, составят значительный корпус. 3) В Варшаве есть главное место непременного правления, преклонного к нам, которое, как и приверженных к России, подвергнем опасности, предав их в руки неприязненной партии. 4) Король не может остаться без нас в Варшаве, а пожелает ли он выехать с нашими войсками? Ежели он поедет, то какая будет тягость за собою возить и оберегать его?

Совет, вняв сии обстоятельства, решительно положил: остаться в Варшаве.

За несколько дней до 6 апреля, казалось, все успокоилось. Однако ж была молва, что накануне вечером из арсенала в окошки выброшено было для черни до 50 000 патронов.

Шестого, в четыре часа утра небольшой отряд конной польской гвардии выступил из казарм и напал на наш караул, поставленный между сими казармами и железными воротами Саксонского сада. Караул выстрелил два раза из пушек, принужден [был] оставить их и отступить, а польский тот отряд, подрубив у лафетов колеса, возвратился в казармы. После сего вся конная гвардия выступила; часть отправилась к арсеналу, а другая к пороховому магазину. Сею атакою началось неприятельское действие. Вскоре сигнальными пушечными выстрелами из арсенала давали знать: польским войскам быть на назначенных местах, а черни собираться.

Из арсенала выдавали черни ружья и сабли; во всем городе было слышно: «До брони! Ратуйте отчизну!»*

Народ занял дома, близ которых расположены были наши войска; из окошек стали по ним стрелять, бросать каменья и все чем ни попало.

Многие офицеры не могли прибыть к своим командам; сношение наших войск [было] прервано; редкие генеральские приказания доходили, к кому посланы. Полк Дзелинского обошел пост батальона Клугена другою улицей и атаковал г<енерал>-м<айор> Милашевича, который при самом начале был ранен. Полковник князь Гагарин был ранен и потом народом убит. Войска наши не скоро собрались на назначенные места, и расстройство сделалось общее. Квартира барона Игельстрома была атакована со всех сторон. Хотя неоднократно возмутители были отражаемы, но число их беспрестанно умножалось. Один только батальон майора Вимпфена прибыл к генералу, да под вечер пробился с батальоном майор Титов. При главной квартире находились: г<енерал>-п<оручик> Апраксин, г<енерал>-м<айор> гр. Н. Зубов, г<енерал>-квартирмейстер Пистер.

В начале сражение происходило на Сенаторской улице и у дома, занимаемого главнокомандующим; по многим атакам и отражениям наши войска заняли дома комиссии. От короля прислан был генерал Бишевский с предложением, что в Варшаве будет усмирено, ежели Игельстром с войском выступит. С ответом генерал послал своего племянника, подполковника Игельстрома, который и поехал вместе с Бишевским, но народ его умертвил. После чего король опять прислал [сказать], что ежели Игельстром желает выступить из Варшавы, то он без оружия может выйти, и назначено ему будет, по каким улицам проходить; на сие предложение не дано было ответа. Весь тот день сражение продолжалось.

На другой день поутру сражение опять возобновилось, но неприятель везде был отражен. После полудня снова начались нападения; беспрепятственно, с небольшою потерей, можно было бы, оставя Варшаву, соединиться со всеми войсками, но Игельстром никак не хотел оставить ни города, ни дома, в котором он жил. Прочие наши войска в разных частях города, не получая никакого приказания, претерпевали поражение. Генерал-майор Новицкий вывел некоторые батальоны в Иерусалимские ворота к парку нашей артиллерии, стоявшей у Воли; многие батальоны сами собою к оной присоединились, оставя генерала в самом критическом положении. Генерал-[майор] артиллерии Тищев был убит. Прусский генерал Волки, начальствующий войсками близ Варшавы, прибыл к оной, имея с собою не более тысячи человек, и расположился у кладбища, по правую сторону порохового магазина.

В ночи на 8-е число сожгли все бумаги, находящиеся в канцеляриях генерала. Лишь толко стало рассветать, поляки начали атаку. Посему

[наши] принуждены были, оставя дом генерала, занять двор комиссии. Все окружные улицы наполнены были неприятельской артиллерией, войсками и чернию. Макрановский прислал парламентера и требовал, чтобы генерал, положа оружие, сдался на дискрецию*. Оставалось наших войск не более четырехсот человек и при оных четыре полковые пушки. Итак, решили пробиваться.

Майор Батурин, видя еще некоторое в решимости колебание, сказал: «Извольте идти за мной». Пустя две пушки вперед, пошли по улицам: Свентоярской, Сакротинской и Фаворитке к заставе Повонской. Пушки впереди очищали нашим путь, а задние две пушки прикрывали отступление; но на всяком шагу должны были выдерживать сильный пушечный и ружейный огонь, особливо из домов; итак, соединились с прусскими войсками. Отдохнув в деревне Бабич до четырех часов пополудни, отошли в Модзин, к Висле, с милю от Варшавы, где и ночевали. Сабурову, прикрывавшему госпиталь, приказано идти к Новигроду, на устье Наревы, где ему и переправиться. Туда прибыли еще три роты Петербургского полка. Девятого числа наши прибыли в деревню Счерск; там только Игельстром узнал, что с Новицким вышедшие чрез Карчев в Ловичах, Сендомирского воеводства, присоединились к прочим нашим войскам.

Барон Игельстром получил повеление ехать в свои деревни в Лифляндию, а войска поручены в командование генерал-поручику Ивану Астафьевичу Ферзену.

В самый день революции в Варшаве поляки отправили прокламацию Костюшки во всю Польшу и Литву, а равно уведомление о происшедших обстоятельствах.

В Вильне заранее гетман Косаковский предуведомлял г<енерал>-м<айора> Арсеньева, что готовится революция, чтоб он был осторожен и взял свои меры; но тот был в интриге с панею Володковичевою, как к ней, так и ко всем полякам имел слепую доверенность, смеялся со всеми ими о страхе Косаковского, который, наконец, писал к нему, что 5-й и 7-й Литовские полки идут в Вильну и что он насилу мог от них уехать и будет сам с приверженными в Вильну часа через два. Случилось сие вечером, когда у Арсеньева были все мнимые его друзья-поляки. Он показал им записку Косаковского; те уверили его, что то была совершенная ложь, но когда разъехались, Косаковский приехал ночью в Вильно и тотчас послал за Арсеньевым, но было уже поздно. Ударили в набат; по-

ляки бросились на гауптвахту и на сонные квартировавшие наши войска. Полки Нарвский и Псковский большею частью захватили в плен, а сопротивлявшихся умерщвляли без всякой пощады. Самого генерала Арсеньева взяли на чердаке, спрятавшегося за трубу; в числе пленных взят был полковник Языков. Косаковского взяли на квартире, но он защищался храбро до тех пор, пока выстрелил все бывшие с ним заряженные пистолеты, и многих нападавших на него убил и ранил. На другой день его повесили[52].

Артиллерии капитан Сергей Алексеевич Тучков, к счастью, по первому удару в набат вскоре ушел к своим двум ротам артиллерии, стоявшим на Погулянке, и нашел там всю свою команду готовую у орудий. К нему мало-помалу стали прибегать от сказанных полков некоторые офицеры и нижние чины, и собралось их до 700 человек. Он подступил к городу и стал оный канонировать*; поляки хотели было его атаковать, но, видя устройство [его войск], опасались. Поляки потребовали от Арсеньева, чтобы он приказал Тучкову остановить канонаду, но тот отказался, а принудили полковника Языкова, чтобы он от имени генерала послал таковое приказание. Тучков, получа сие предписание, отвечал, что пока генерала лично не увидит, то приказа не послушает, и требовал, чтоб его ему выдали. Но как начало рассветать, и увидя, что польские полки собрались и вывезли из своего арсенала артиллерию, и видя малое число своих войск, ретировался [он] к Гродно и прибыл туда благополучно без малейшей потери, хотя при начале жарко был преследуем.

В Гродно командовал генерал-майор кн.Пав<ел> Дмитр<иевич> Цицианов. Как человек разумный и с воинскими особливыми дарованиями, [он] был осторожен и содержал войска в должном порядке и потому тотчас по дошедшей молве принял свои меры и, дождавшись Тучкова, взял с Гродно контрибуцию, занял крепкую позицию и оставался там до времени.

Между тем поляки предались совершенно духу французской революции; многие знатные поляки были перевешаны, в числе которых: князь Масальский, бискуп Виленский, Ожаровский и Четвертинский**. Коллон-

[52]Когда Косаковский поспешал к Вильне, на небольшой речке подломился под ним лед, и он едва не утонул. По сему случаю надписали на виселице его: «Co ma wisiec ne utonie», то есть: «Кому быть повешену, тот не утонет». Должно сказать, что поляки имели справедливую причину его ненавидеть; действительно, он был изменник своему отечеству, а притом ни один человек из русских не сделал столь много озлобления полякам, как он.

тай играл роль Робеспьера, хотел было всех русских перерезать, но Костюшко, завременно прибыв в Варшаву, до злодейства сего не допустил. После, когда уже Прага, предместье Варшавы, русскими была взята, и перед занятием самой Варшавы, Коллонтай ушел с большой суммой денег.

Костюшко наименован [был] главным начальником с неограниченною властью. Наскоро формировал войска, умножая регулярные полки вольницею, так что в каждом полку был тройной комплект. Кавалерию паны снабдили хорошими лошадьми, отдали всех своих охотников, которые были искусные стрелки, усилив войска «посполитым рушением», то есть все шляхтичи, живущие наподобие однодворцев, в Польше их многое множество, должны были вооружиться; сверх того набраны крестьяне: не имея достаточного оружия, [они] вооружены были косами наподобие пик. С главнейшими силами Костюшко пошел против Ферзена, к которому король прусский присоединился с значительным корпусом. Зайончек назначен был противиться со стороны Красной России. В Литве начальствовали: Вавржецкий, Гедройч и Беляк, командующий татарскими полками; сии татары поселены [были] в Виленском воеводстве и отчасти в Гродненском и снабжали 16 эскадронов. Но все сии генералы ни теоретической, ни практической войны не знали; после Костюшки считался у них лучшим Домбровский, служивший в саксонской службе полковником.

Описав польскую революцию, приступаю к описанию военных действий.

Полковник Рарок, командующий авангардом отряда г<енерал>-п<оручика> Загряжского, донес, что поляки поутру, в четыре часа, в числе осьми тысяч и более, заняли от Дубенки верстах в двух ту самую позицию, которую занимал Костюшко против армии Каховского, и что уже с его козаками начал перестрелку. Весь наш отряд состоял из 10 батальонов, 12-ти эскадронов, 1 полка донских козаков и 10-ти орудий полевой артиллерии.

Не снимая лагеря, весь отряд выступил к Дубенке; пока оный приближался, поляки выслали эскадрона четыре на шармицель*, но как скоро усмотрели, что два батальона обходят их позицию, а отряд шел прямо к ним в лицо, то они и ретировались в лесу, а потом и совсем ушли к Хелму. Пленные показали, что то была рекогносцировка, но польские войска у Хелма были в бо́льшом числе под командою генерала Зайончека.

Через день после незначащего сего дела прибыл с корпусом генерал-поручик Дерфельден; так как он был старее в чине Загряжского, то он [Загряжский] и поступил к нему в команду. Авангард поручен был г[енерал]-м[айору] гр.Валериану Зубову; он составлен был из 4-х батальонов, 6-ти эскадронов, полка донских козаков и 4-х орудий полевой артиллерии; весь корпус состоял более 15 тыс. человек.

На другой день пошли атаковать Зайончека, бывшего при Хелме, расстоянием от нас верстах в тридцати, двумя колоннами, а для облегчения марша — разными дорогами. Я командовал авангардом колонны генерала Загряжского; дорога через лес была чрезвычайно дурна и расстоянием далее той, по которой пошел Дерфельден. Мы пришли спустя час, когда началось дело. Лишь только вступили [мы] в линию и открыли канонаду против построенного редута с артиллериею и прикрытого косинерами*, поляки, оставя редут, побежали, но орудия успели увезти; одно только увязло в болоте, которое взял нечаянно Низовского полка адъютант Гололобов. Стоявшим на правом фланге легкоконным двум полкам велено было атаковать народовую кавалерию, прикрывавшую бегущих косинеров. Положение места было болотистое, к нам клином сузившееся, а к неприятелям шире; за сим болотом был ложемент, в котором помещен был неприятельский батальон. Лишь только наши полки пошли в атаку, как болото заставило их тесниться к флангам, почему и расстроились, из ложемента открыт был по ним ружейный огонь, народовая кавалерия ударила на оба фланга и обратила наших в бегство; Дерфельден велел сделать несколько выстрелов ядрами по неприятелям и своим, что заставило наших остановиться, а неприятеля ретироваться. Тем дело и кончилось с небольшою нашею потерею. У неприятеля убито было более трехсот человек, в том числе один полковник, занимавший редут; много взято в плен косинеров, которые, как неохотно сражавшиеся, отпущены по домам.

Случилось мне с подполковником Мейером проезжать мимо базилианского монастыря в Хелм, от места сражения верстах в трех. У сего монастыря поставлены были маленькие чугунные 4 пушки, из которых стреляли во время церковных праздников, и каковые у всех почти польских костелов бывают, и которые после положены были на мужицкую телегу и с лафетами. Он [Мейер] сказал мне: «Поедем поскорее, чтоб не подумали, что мы хотим присвоить себе честь взятия сей страшной батареи». Но представьте мое удивление, когда я увидел в реляции, что сию

батарею взял майор Шепелев, за что дан ему был георгиевский крест. Как поносно начальству делать таковое злоупотребление и бесчестить сей почтенный орден! Но к несчастию, не один сей был таковой пример; люди достойные и действительно заслуживавшие бывали без всякого награждения, потому что не хотели подличать, а самохвалы и подлые льстецы были осыпаемы почестями.

На другой день пошли вслед Зайончека в Красностав, но он так скоро бежал, что не могли его настичь, и он переправился чрез Вислу при Пулаве, имении князя Чарторижского, который много способствовал к поощрению революции, снабжая Костюшку деньгами. Не доходя до оной десять верст, корпус остановился. Дерфельден имел повеление имений Чарторижских не щадить, для чего Пулава была разграблена до основания; сады и парки не уступали расположением и красотою Царскому Селу; богато украшенный огромный дом разорен, картины порваны, библиотека, состоявшая из 40 тыс. волюмов*, вся истреблена, так что никто ни одним полным сочинением не воспользовался, кроме подполковника С.Н. Щербачева, которому удалось, видно, приготовленные для отправления два ящика с лучшими изданиями французских книг себе присвоить. Натуральный кабинет весь разбит, а превосходное собрание окаменелостей все было раздроблено.

Тут получили от прусского короля уведомление, что он, соединив свою армию, состоявшую из 30 тыс. человек, с корпусом Ферзена, разбил Костюшку под Песочным, преследует его и приглашает Дерфельдена перейти Вислу и преградить отступление Костюшки к Варшаве. Мы с восхищением готовы были уже сие исполнить, как получили повеление от князя Репнина, коему поручено было главное начальство над войсками: поспешить к Несвижу, несмотря ни на какие обстоятельства, ибо граница России угрожается сильными мятежными войсками. Почему Дерфельден принужден был, во исполнение того ордера, на другой день выступить.

Не доходя до местечка Брестович, узнали, что генерал Макрановский расположен был с корпусом в 10-ти милях от нашего пути. По сему известию граф Зубов выпросил позволения со своим авангардом атаковать его, но, приблизясь к нему мили за четыре, узнал, что он нарочито силен, то и просил подкрепления, для чего Загряжский с своим отрядом был послан. Как гр.Зубов был генерал-майор, то и хотел, чтобы Загряжский принял начальство, а тот от того отговаривался [тем], что он пос-

лан только его подкрепить. Итак, не согласясь в том между собою, оба возвратились в корпус и продолжали марш до Слонима.

Пробыв там несколько дней, кн.Репнин приказал оставить для прикрытия российских границ г[енерала]-м[айора] Лассия с 4-мя батальонами и 6-ю эскадронами, а всему корпусу идти к Вильне, ибо г[енерал]-м[айор] Кнорринг безуспешно атаковал оную и поляки сильно ему противились. Но едва дошли к реке Неману при местечке Белиц, получили донесение от Лассия, что он атакован Сираковским с коронным войском, татарскими полками Беляка и посполитым рушением, всего до 18 тыс. человек. Почему г[енерал]-п[оручик] Загряжский командирован с своим отрядом идти форсированным маршем на сикурс. От Белиц до Слонима около 12 немецких миль; мы шли почти без роздыху и через 22 часа под Слонимом соединились с Лассием. Поляки хотели переправиться через реку Щару по плотине, простирающейся на версту и на которой устроена была большая мельница, нашими тогда сожженная. Невзирая на несоразмерные силы и храбрый напор поляков в продолжение 8-ми часов, храбрая защита плотины полковником Коновницыным[53] со своим Старооскольским полком сделала покушения их тщетными. С другой стороны Щары неприятельскою устроенною из 20 орудий батареей много убито у нас людей, одних канонеров в Старооскольском полку убито три комплекта. Неприятель, видя безуспешное усилие переправиться, к вечеру уже прекратил канонаду и отступил версты на две от реки. Лассий тоже отступил на недальнее расстояние к опушке леса; посылал [своих людей] небольшими частями показываться в разных местах из-за леса, чем заставил поляков думать, что он получил подкрепление.

По соединении корпуса положено было в совете, чтобы в ту же ночь перейти Щару у Жировицкого базилианского монастыря, вверх от Слонима в 5-ти верстах, и зайти неприятелю в тыл; для чего, как я был за обер-квартирмейстера, позвали меня для должного распоряжения и приготовить охотников. Я, квартируя в Слониме зиму и будучи псовый охотник, все местоположения мне были известны, знал и то, что от Слонима по правой стороне к Журавичам были непроходимые зыби, и, чтоб оные обойти, надо было окружить, по крайней мере, верст 40. Господа генералы усомнились; приказано было, по обыкновению, представить жидов,

[53]Который был потом генералом от инфантерии и дежурным генералом главного штаба императора и в том звании умер.

чтоб от них о том разведать, которые мое показание утвердили, почему план был сей оставлен. Мне приказано было построить портативный мост; Щара была тут шириною саженей 14, глубиною аршин около 3-х, а в некоторых местах и глубже. Через два дня мост был готов, положен на воловые фуры, и определен к оному Херсонского полка корнет, казалось, человек исправный.

Дерфельден и сам с корпусом возвратился и уведомил, что он намерен сделать обход, зайдя неприятелю с тыла, и что когда даст знать, тогда Загряжский, переправясь по приготовленному мосту, атаковал бы его в лицо, в ожидании же того предупредительного повеления корпус был бы в ежеминутной готовности.

Вместо того чтобы Дерфельден шел в тылу и заранее дал бы нам знать, он шел по другой стороне Щары от Деретчина, и мы, не быв извещены, увидели уже его аванпостных козаков, вступивших с неприятелем в перестрелку. Корпус выстроился, но мост замедлил двинуться к назначенному месту переправы. Я приказал сказанному определенному к мосту офицеру, чтобы повозщиков никуда не отпускал и волов кормил бы у самых фур, но он в точности того не исполнил, в чем, без всякого оправдания, была моя оплошность, [ибо], положась на подчиненного, сам над ним не надсматривал. Однако ж, наконец, мост был поставлен; я первый с двумя гренадерскими ротами и двумя орудиями по оному переправился, а за мной и весь отряд; но Дерфельдена корпус нас опередил. Впрочем, ежели бы моею оплошностию и не промешкали, все бы не успели атаковать неприятеля прежде Дерфельдена и помешать ретираде Сираковского, который, видя превосходящие его силы, наступающие на его фланг, ретировался за дефилеи к Кобрину.

Дерфельден жаловался кн.Репнину на Загряжского, что он причиною того, что неприятеля упустили, а как тот расположен был лучше к Дерфельдену, нежели к Загряжскому, [то], не разобрав обстоятельства, делал последнему строгие и несправедливые выговоры, почему тот отпросился и поехал в Россию. По короткому обхождению бывшего моего командира с гр.Зубовым, он упросил его, чтобы позволил мне быть при нем волонтером, на что он с большою ко мне благосклонностию согласился. Итак, я стал волонтером против воли.

При графе Зубове было нас, волонтеров, одних штаб-офицеров человек с сорок; мне было тогда 27 лет, а летами я был всех старее. В числе оных был граф П.Х. Витгенштейн и А.П. Ермолов. Мне было приятно

то, что я жил во все продолжение кампании у полковника Рарока, бывшего с полком в авангарде у графа; как я не имел своего экипажа, то до сего во всем нуждался, а тогда я уже был как бы у себя и во всем [имел] изобилие.

Князь Репнин предписал Дерфельдену, чтобы он в Слониме остался, и находящегося за дефилеями, расположенного у Кобрина, Сираковского атаковать не осмеливался. Тут предстал случай, чрез который кн.Багратион приобрел славу, искав смерти. Как заслуги его были столь велики и столь известны, то я о сем умолчу, но впоследствии кампании он с эскадроном бросался в преследование Гедройча и Вавржецкого с такою отчаянною храбростию, что один раз в преследовании неприятельского арьергарда под вечер заехал в неприятельский лагерь и навел ужас; несколько раз бросался на пехотные колонны, за что в одну кампанию справедливо получил владимирский орден и чин.

Между тем как князь Николай Васильевич [Репнин], будучи в Несвиже, боялся, чтобы поляки не вторглись в российские границы, подал к таковому мнению [повод] Грабовский с небольшою партией, [который] прокрался через Минскую губернию к Белоруссии, думая, что там недовольные российским правительством возмутятся, а как войска оттоле все были выведены, то сим отважным предприятием отвлечет русские силы из Польши, в чем он очень ошибся. Кн.Цицианов, сведав о том, с своим небольшим отрядом истребил его, не допустив до Рогачева.

Граф Суворов по поручению графа Петра Александровича [Румянцева], увидевшего худые успехи русских в Польше, собрал корпус тысяч в двенадцать близ Веркович, внезапно при Кобрине разбил Сираковского, который отступил к Крупчицам на крепкую позицию и получил сильное подкрепление, но и там вторично был истреблен. После сего, не давая нимало отдыха, Суворов истребил сильный корпус, бывший у Бреста Литовского под командою Макрановского. Во всех оных делах 25 тысяч поляков с их артиллериею как будто не бывало[54]; [он] прошел в три недели около пятисот верст.

О всех оных действиях мы узнали вдруг. Костюшко, уведомившись о сильном поражении его войск графом Суворовым, предписал всем быв-

[54]При Бресте польские войска стояли за рекою и городом, ожидая неприятеля с большой дороги, но Суворов, оставя пехоту с артиллериею в виду поляков, сам с конницею ночью переправившись через Буг, обошел и ударил неприятеля в тыл; поляки, изумленные, все были истреблены.

шим польским войскам в Литве, оставя оную, соединиться с ним. Князь Николай Васильевич перестал страшиться, приказал Дерфельдену теснить отступающие литовские войска. Скоро мы настигли оные, и до самого Белостока ежедневно происходили арьергардные дела, подавшие случай к счастию, как я выше сказал, кн.Багратиона.

В продолжение наших действий король прусский с соединенною армией, безуспешно держав Варшаву в блокаде, отступил к своим границам. Польский генерал Домбровский преследовал прусские войска с постоянными выгодами. Ферзен потянулся вверх по Висле.

Князь Репнин хотел тем окончить кампанию, и мы получили от него повеление вступить в квартиры. Но вдруг граф Суворов прислал ордер к Дерфельдену, извещая, что Ферзен, переправясь через Вислу, под Мацевичами разбил Костюшку и взял его самого в плен, что хотя Дерфельден с корпусом и не состоит у него в команде, но чтобы сим воспользоваться и одним ударом поразить гидру мятежа, [Суворов] именем ее величества повелевает форсированным маршем гнать ретирующиеся литовские войска и с ним соединиться, а князю Репнину о том от себя сообщить. Дерфельден колебался в том повиноваться, но граф Зубов настоял, и мы тотчас выступили. На пути прибыли в корпус 700 козаков-черноморцев, которые поступили в авангард; кошевой Чапега с своим полковником, обвешанным крестами, явился в команду к графу и, проходя одно местечко, увидев поросят, сказал своему полковнику: «Алексей Семенович*, видишь, какие гладкие поросята, чего глядишь?» Тот сейчас соскочил с лошади, несколько их поймал, заколол и положил к себе в торбу. Вот какие войска!

Мы уже настигли арьергард Гедройча при переправе его через Буг**, близ деревни Поповки, и как черноморцы донесли, что поляки, переправившись, ломают мост, а по той стороне в лесу засели их егери с пушкою и не допускают черноморцев тому воспрепятствовать. Граф Валериан Александрович [Зубов] был с Софийским карабинерным полком и всеми при нем бывшими волонтерами, а полковник Рарок, посадив своего полка гренадер на лошадей из фрунтового обоза, прискакал к графу. Подъехав к берегу, чтобы узнать, в котором месте был тот мост, Рарок сказал: «Господа, разъезжайтесь, неприятель, увидя генерала, окруженного столь многочисленною свитой, будет по нему стрелять». Мы только что от него отъехали, и я был от графа шагах в 10-ти, как вдруг роковое ядро фунта в полтора оторвало у графа левую ногу, а у Рарока правую, и

то был от них последний выстрел. Графа отнесли в лощину; со всех сторон собрались медики и занялись отнятием его ноги, а Рарок оставался без малейшей помощи. Я велел его полка гренадерам положить его на плащ и отнести его в Поповку, в господский дом, тут находившийся, куда после операции и графа перенесли. Так как не скоро сделана была операция и много вытекло крови, то Рарок на другой день и умер.

При графе оставлен был батальон егерей, а войска и все волонтеры выступили и на другой же день под Кобылкою присоединились к армии графа Суворова, в соединении бывшего корпуса Ферзена, где я имел чрезвычайное удовольствие прибыть к своему полку, который был под начальством прикомандированного подполковника Бибикова.

Нельзя умолчать случая, который послужить может примером не бояться смерти, и что она находит свою жертву не там, где ее ожидают. Один лифляндский 4-й егерский батальон командуем был подполковником Шпарманом, человеком пожилым, небогатым, женатым и обремененным большою семьей. Во время нашего похода он говорил, что как он пойдет после кампании в отставку, то и не желает рисковать своею жизнию, что ежели бы кто захотел принять его батальон снисходительно, то он рад бы его был сдать, а самому выпроситься в отпуск впредь до отставки. Граф Зубов был ко мне благосклонен и обещал мне доставить тот батальон, и у нас с Шпарманом почти сделано было условие. Но так как он с сим батальоном оставался при графе и не подвергался опасности, то он мне и отказал в сдаче. Я был на прагском штурме, остался здоров, а он занемог горячкою и через несколько дней умер.

22-го октября подошли [мы] к предместию Праге, укрепленному крепким ретраншаментом, занятым 30 тыс. человек польского войска; но [он] был так обширен, [что] чтобы хорошо оный защитить, по крайней мере, надобно было быть сильнее втрое. В ту же ночь заложено было несколько батарей и для прикрытия оных ложемент. 23-го числа канонировали ретраншамент, на что и нам отвечали, без большого вреда с обеих сторон.

Слабая сторона ретраншамента правого фланга была со стороны Вислы, для чего между сею рекою и болотом, поросшим мелким лесом, был отдельный, крепко укрепленный ретраншамент, верстах в двух от главного, под начальством полковника Яблоновского. К вечеру того дня г<енерал>-м<айор> Денисов, с 7-ю колонной, назначенною для штурма, получил повеление обойти то болото и остановиться далее пушечного

выстрела, и чтоб он по общим сигналам для прочих 6-ти колонн штурмовал отдельное то укрепление.

Мы подошли в сумерки и остановились в колонне. Во время нашего марша с другой стороны Вислы по нас стреляли из пушек без малейшего вреда.

Со мною был странный случай, подавший [повод] к разным догадкам. Ночь была холодная и небольшой мороз; легли мы несколько соснуть и прикрылись соломою, которую нашли вблиз находящемся хуторе. Поляки, усмотря нас, во всю ночь стреляли светлыми ядрами, чтобы не быть врасплох атакованными. Лишь только я задремал, как вдруг почувствовал, что кто-то меня ударил по ляшке; я думал, что со мною хотел пошутить майор Арсеньев, и я ему сказал: «Полно, брат, шалить, я было заснул». Он говорит: «Лежи смирно, возле тебя упала бомба». А как несколько времени прошло, бомба не разразилась и от трубки солома не загорелась, то я к ляшке протянул руку и ощупал каркас. Надобно было думать, что уже он, вовсе потеряв силу, подкатился ко мне и остановился; но вероятнее, что глыба земли, в которую он ударился, отбрызгнула и ударила меня.

По сделанной диспозиции, по первой сигнальной ракете войска должны были сформироваться в колонны, по второй идти к назначенным пунктам и остановиться на пушечный выстрел, по третьей штурмовать. Первый сигнал, видимо, мы просмотрели; по второму встали, а по третьему тронулись, но уже услышали крик штурма и открывшийся огонь; почему в ретраншаменте противу нас поляки, будучи предупреждены, встретили нас из всех дефензий* сильным ружейным и картечным огнем, так что голова колонны остановилась на несколько минут. Но Денисов велел принять влево по болоту, и мы по пояс в воде вошли в ретраншамент, поражая бегущих к Праге, куда мы уже вошли в порядке. Там мы нашли всех в разброде и на грабеже. Вскоре поставлены были батареи по берегу Вислы и открыли канонаду по Варшаве; мост поляки успели разобрать.

Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончании оного, надобно было быть очевидным свидетелем. До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин и ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятся таковым позорищем. Во время сражения человек не только [не]

приходит в сожаление, но остервеняется, а после убийство делается отвратительно.

Ввечеру, оставя часть войска охранять Прагу, прочие возвратились в лагерь. Поляки потеряли на валах 13 тыс. человек, из которых третья часть была цвет юношества варшавского; более 2 тыс. утонуло в Висле; около 800 человек из гарнизона уцелело, перешедши на другую сторону; 14 680 взяты в плен, из числа которых восемь тысяч на другой день отпущены в домы; умерщвленных жителей было несчетно. Русские потеряли 580 человек убитыми и 960 раненых; пушек и мортир взято в ретраншаменте 104.

Двадцать пятого октября присланы были из Варшавы депутаты с письмом от короля, которые представлены были графу Суворову. Победитель сидел в палатке, разбитой на поверженном ретраншаменте, деревянный обрубок был вместо стула, а другой, повыше, вместо стола. Граф, как скоро увидел их, бросил свою саблю и сказал: «Мир, тишина и спокойствие». Обнял послов, послы обнимали его колена и спрашивали: на каких будет угодно пунктах графу предписать капитуляцию польской столицы, повергающейся к освященным стопам российской монархини? Победитель отвечал: «Жизнь, собственность, забвение прошедшего, и моя государыня дарует мир и спокойствие». Послы, изумившись, возвратились в Варшаву, ожидавшую их с трепетом. Они, еще не доезжая берега, кричали: «Покой! Покой!» Народ в восхищении бросился в воду и вынес их на руках; в радостных криках провожали их в Раду. «Виват императрица! Виват Суворов!» — по всей Варшаве слышны были клики.

В сию ночь в Варшаве произошло волнение; мятежники намеревались вслед выступившим польским войскам насильно увезти короля и всех российских военнопленных; но народ до того не допустил. Коллонтай, похитя казну, в ту же ночь скрылся.

Граф Суворов, известясь, что польские войска не хотели сдаться и выступили к Кракову, велел Денисову с его колонною идти вверх по Висле, переправиться через оную у Гуры вброд и преследовать оные. О походе оном сказано будет после, а теперь скажу о вступлении наших войск в Варшаву.

Генерал-майору Буксгевдену приказано починить мост.

Двадцать седьмого октября прибыл польский подполковник Гофман с прошением осьмидневного срока на размышление. Суворов отвечал: «Ни минуты!» Через час присланы Потоцкий и граф Мостовский с письмом

от короля, уполномачивавшего делать переговоры о мире. Победитель сказал: «С Польшею у нас войны нет, я не министр, но военачальник: сокрушаю толпы мятежников». Того же дня с донесением императрице о взятии Варшавы послан был подполковник Бибиков.

Двадцать девятого в девять часов утра войска наши вступили в Варшаву с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою; граф Суворов ехал в простом мундире. Как скоро победитель съехал с мосту, на самом берегу встречен был магистратом, купечеством и мещанами с хлебом и солью, и поднесли городские ключи. Граф Суворов принял их, поцеловал и сказал: «Хорошо, что они дешевле достались, нежели те», показав на Прагу. Улицы, по которым проходили победители, усыпаны были народом, восклицавшим: «Виват Екатерина!», «Виват Суворов!».

У назначенной для графа Суворова квартиры ожидали российские пленные, г<енерал>-м<айор> Милашевич и г<енерал>-м<айор> Арсеньев (которого потом наименовал он дежурным генералом); 1 376 человека нижних чинов, 500 пруссаков и 80 австрийцев.

На другой день граф Суворов посетил короля, а через два дня польское величество назначил, что приедет к нему. Граф приказал дежурному генералу написать церемониал, в котором сказано было: «Графские адъютанты встретят его у кареты, дежурный генерал у лестницы, а графу должно встретить перед приемною комнатой». Но лишь только сказали, что король едет, граф Суворов без шпаги и шляпы бросился встречать к карете и стал было короля принимать под руки, но, остановясь, сказал: «Погодите, погодите; ведь, Николай Дмитрич, по церемониалу не тут я должен принять его величество; простите меня; я так почитаю освященную особу вашего величества, что и забылся». Оставя короля, побежал в дом и принял его уже перед приемною.

Преследование поляков, ушедших из Варшавы, более похоже было на триумфальное шествие, чем на поход; войска были во всем изобилии; вначале они встречали толпами поляков, не хотевших следовать главному их начальнику Вавржецкому; потом целые эскадроны и батальоны клали оружие, и [мы] находили оставленные пушки. В местечке Опочне козаки нашли 22 пушки с их зарядными фурами и около 3 т<ысячи> ружей и, донеся о том генералу, отправились преследовать далее, а как был прямейший тракт догнать бегущих, то Денисов отправился по оному, а взять сказанную артиллерию в Опочне Денисов отрядил полковни-

ка Вольфа с Елисаветградским конноегерским и Козловским пехотным полками и батальоном егерей. Пришед туда, нашли там прусского майора Кроха с отрядом в 800 человек, приставившего караул к сказанным орудиям. Он, бывши на недальнем расстоянии, узнал чрез своих лазутчиков, что поляки оставили в Опочне упомянутые орудия и, пришед туда, когда козаков там уже не было, оные присвоил себе. Полковник Вольф, прибыв с своим отрядом в Опочню, требовал от прусского майора, чтоб он те орудия отдал нам, как взятые нашими козаками. Майор Крох отвечал, что, когда он прибыл в Опочню, ни одного козака там не нашел, и по военному праву, взяв оные орудия в свое ведение, рапортовал о том королю, а затем отдать их уже не может. Вольф донес о том Денисову, который прислал ордер: «Взять». Вольф показывает своего генерала ордер майору Кроху, но тот сказал, что отряд его малосилен, «а русских более вчетверо, следственно, вы можете взять, но только вооруженную рукою и как неприятель, но добровольно вам не отдам». Вольф опять донес о сем ответе и что он взять силою не осмеливается без точного на то повеления. Денисов, думая, что Каменский, подполковник егерского батальона, скорее исполнит его волю, поручил ему исполнить то, а Вольфа с конноегерским полком потребовал к себе. Крох к Каменскому идти не захотел, а тот употребил меня, чтобы уговорить упрямого прусского майора. Хотя я на свое красноречие не надеялся, но должен был исполнить приказание. Крох мне сказал: «Посудите сами: если бы вы были на моем месте и отрапортовали начальству, то могли ли бы отдать без повеления оного?» Возразить было нечего, и тогда он мне показал письмо, полученное им от Денисова, сочиненное по-французски известным Копьевым, таким вздором наполненное, что мне было стыдно, которое он в оригинале отправил к королю, между прочим было в оном написано, что «видно, пруссакам в диковинку брать пушки, а русским не в диковинку, даже ими и не уважают» и проч<ее>.

Спор о сих пушках доходил до короля и графа Суворова, и уже гораздо после о том решено. Когда сия распря о пушках происходила, в местечке Вартах Вавржецкий был окружен и принужден был сдаться со всеми генералами и войсками, которых тотчас обезоружили. После чего вся армия заняла зимовые квартиры; Козловскому полку назначены они были за 18 миль от Варшавы, по правую сторону Вислы.

За взятие Варшавы граф Суворов пожалован фельдмаршалом, и прислан был ему повелительный жезл; многие награждены были орденами,

золотыми шпагами за храбрость, в числе которых и я удостоился получить шпагу; многие произведены в следующие чины, в том числе и я, по рекомендации, за многие дела, в которых я был во время польской экспедиции, пожалован подполковником после семилетней моей службы в премьер-майорском чине; все штаб- и обер-офицеры [награждены] золотыми крестами на георгиевской ленте в петлицу, с надписью на одной стороне: «За труды и храбрость», а с другой: «Прага взята 1794 года 24 октября»; солдаты медалями.

Козловский полк получил повеление идти в Варшаву и помещен был в казармах близ Лазенок, загородного королевского дворца.

Впервые мне случилось быть под начальством великого полководца графа Суворова. Он был тонкий политик и, под видом добродушия, был придворный человек; пред всеми показывал себя странным оригиналом, чтобы не иметь завистников; когда с кем надобно было объясниться наедине, то сказывали, что он говорил с убедительным красноречием; суждения его были основательны, а предприятия чрезвычайно дальновидны, да то и опыт доказал. Вырвалось у него сказанное моему приятелю слово, показывающее правило, которого он держался: «Pour parvenir, mon ami, il fait avoir la patience d'un cocu» («Чтобы достигнуть, надобно быть терпеливу, как рогоносец»). Но как скоро был втроем, то и принимал на себя блажь. Совершенно знал языки: французский, немецкий, латинский, греческий и турецкий. В угождение ему надобно было к его странностям привыкнуть, не говорить: «не могу знать», «не могу доложить», даже и «не знаю». О всех таковых он говаривал: «Боже упаси от немогузнаек; от них беда; надобно все знать». Например, спросит кого: «Что султан делает?» — надобно соврать что хочешь, только не говорить: «не знаю»; [или], например: «Далеко ли от Варшавы до Праги?» — скажи: «250 верст, 13 сажен и 1 аршин», то он и доволен и говорит: «Вот настоящий человек; все знает».

Военные его действия всегда располагаемы были так, чтобы действовали на мораль людей, как на своих, так и на неприятелей. Визирь шел атаковать принца Кобургского и верные имел известия, что Суворов был еще накануне в Берлате, верстах около ста от принца. Как вдруг, вместо цесарцев, увидел себя, атакуемого русскими; изумление было более причиною победы, чем самая храбрость. Равно и разбитие трех польских корпусов; поляки о самомалейших наших движениях имели скорые и верные известия; о Суворове же и эхо не касалось их слуха; ожидали от

русских нападения с лица, вдруг Суворов как с неба упал, поразил их при Кобрине и, не дав им образумиться, при Бресте и Крупице. Хотя много оставил за собою усталых, которые приходили на другой день или на третий, даже и позднее, но скорыми своими маршами и внезапностию всегда побеждал. Генералы и военные с дарованием люди долго думали и приписывали все дела его счастию; но уже в итальянскую кампанию увидели в нем гения в военном искусстве, и что все баталии, им выигранные и ни одна не проигранная, были обдуманы человеком, которого никто постигнуть не мог.

Суворов окружал себя людьми простыми, которые бы менее всех могли отгадать его; однако ж от них зависела участь служащих под начальством графа Суворова. Чтобы получить какое награждение за настоящую службу, надобно было с низостию искать тех покровительства; таковы были при нем Курис, Мандрыкин и прочие... Кто в них не снискал, тот не только не успевал по службе, но иногда обращал на себя неудовольствие графа, и сам он своею странностию иногда унижал людей достойных. Во время прагского штурма он закричал: «И я возьму ружье со штыком». — «Нет, ваше сиятельство, не пустим вас», — говорили знавшие его; кто хватал за узду его лошади, кто хватал его за руку и полы платья, когда он и шагу не намерен был сделать; но он делал вид, будто вырывался, и кричал: «Трусы, трусы, пустите меня!» Только что выпущенный из кадетского корпуса поручик Оленин как-то попался к нему в свиту и по простоте своей, думая сделать ему угодное, сказал: «Извольте, ваше сиятельство, я вас проведу на возвышенное место, откуда вы изволите усмотреть весь штурм». Граф его расцеловал: «Вот один только герой, а вы все трусы», — сказал он; однако ж и затем его не пустили. Что же? Все те, которые не пускали, были награждены, а Оленин остался без ничего и отпущен в полк. Во время сражения [Суворов] всегда бывал на козачьей лошади и в козачьем седле, делал вид, что скакал в пыл сражения, но как скоро замечал, что никто его не удерживает, останавливался, слезал с лошади и переправлял свою обувь, говоря: «Ох, онуча жмет ногу». (Он вместо чулок обертывал ноги тонким полотном наподобие онуч.)

Спал всегда на сене, покрытом простынею; другой постели во всю жизнь не имел; всякий день обливался холодною водою, несмотря ни на какую погоду; стол был его простой, но сытный; в постные дни никогда не ел скоромного; никогда не заботился, что будет есть; этим занимался Курис. Час его обеда, когда захотел; иногда в 8 часов утра, но не позже

11-ти. Говорили, что он любит пить, но это неправда; перед обедом он выпивал большую рюмку водки, а за столом рюмки две вина; если же иногда наливал третью, то Тимченко, его камердинер, ему запрещал, равно если бы, сверх обыкновения, хотел съесть лишнее; «Ну, Тимченко не велит, — говорил он, — надобно слушаться».

По прибытии моем в Варшаву я должен был явиться к нему с рапортом. Чтобы сделать ему угодное, понаслышке изготовился я отвечать на все странные его требования, но вместо того обратил на себя его негодование, за что, не знаю, и получил за столом чувствительный афронт*. Думаю, что подал к тому [повод] следующий случай: сержант гвардии перед обедом разносил водку по старшинству чинов; ежели кто был в одних чинах, то тот сержант спрашивал, с которого года и месяца состоят в оных; почему и меня спросил, как человека нового и впервые бывшего у графа. Я сказал, что уже 6 лет, 3 месяца и 12 дней в сем чине, и усмехнулся. Казалось, что граф сего не мог приметить, но другой причины к неудовольствию не было. Сели за стол; мне пришлось сесть наискось против графа. Вдруг он вскочил и закричал: «Воняет!» — и ушел в другую комнату. Адъютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что дурной запах прошел. «Нет, — кричал он, — за столом вонючка». Они стали обходить всех сидящих и начали обнюхивать; один ко мне подошел, сказал: «Верно, у вас сапоги не чисты, извольте выйти, граф не войдет, пока вы не встанете и не прикажете себе сапоги вычистить; тогда опять можете сесть за стол». Представьте мое смущение; однако ж делать было нечего. Я встал, сказал тому адъютанту: «Доложите графу: я вижу, что моя физиономия ему не понравилась; как бы мне приятно ни было обратить на себя благосклонное его внимание, но я к нему более не явлюсь» — и вышел. Посудите, приятно ли было служить при нем человеку с благородным чувством; признаюсь, что, несмотря на его великий гений и служа под ним в его славных победах, получая чины и ордена, трудно перенесть подобные оскорбления, которые не с одним со мною случались, но и с некоторыми генералами.

Варшава для меня была фатальна. Прибыл я с полком 15 декабря и привез с собою экономического провианта почти на месяц, но от казны удовольствован был по 17-е число. Тогда случилось, что подполковник Ржевский, командир одного егерского батальона, не имел более провианта, да и в магазинах также его не было. Для сего батальона от разных полков собирали провиант для ежедневного продовольствия. Генерал-

поручик Ферзен, командующий войсками, расположенными в Варшаве, отдал приказ, что ежели полковые и батальонные командиры узнают, что в магазинах провианта нет, то заранее бы доносили, по которое время провиант у них кончится, в противном случае таковые нерадивые начальники будут отвечать перед военным судом. И как тот день был уже 17-е число, то я рапортовал, что Козловский полк провианта не имеет, да и в магазине, по справке моей, не имеется. Рапорт, отправленный мною того же дня к бригадному командиру, г<енерал>-м<айору> Буксгевдену, пролежал у него в канцелярии более суток, почему Ферзен получил оный уже чрез два дня. Он тотчас поехал к фельдмаршалу графу Суворову доложить, что обер-провиантмейстер Слепушкин ложно уверил графа, что все полки удовольствованы по 22-е число, а полк Козловский уже два дни без провианта. Граф сказал: «Помилуй бог, нехорошо, Слепушкин за ложь будет солдат». Все сие происшествие узнал я уже после.

Я лег спать, как ночью слышу, что меня будят; просыпаюсь и вижу у моей постели на коленях стоящего штаб-офицера. Я удивился, спрашиваю, кто он и чего от меня хочет? «Я обер-провиантмейстер Слепушкин; от вас зависит, чтоб я завтра же был содат или остался в своем звании». — «Как это?» — «Вы рапортовали, что полк снабжен провиантом только по 17-е число, и фельдмаршал мне объявил, что ежели я ему от полка не представлю промеморию*, что он удовольствован по 22-е число, то поклялся, что он никогда еще никого не сделал несчастным, но меня разжалует в солдаты». — «Что же мне делать?» — «Я привез провиант; прикажите принять и дать мне в приеме квитанцию». Как должен я был поступить? Ежели я ему в том откажу, я буду причиной несчастия человека; ежели исполню его просьбу, то сделаю чувствительнейшее неудовольствие генералу Ферзену, всеми уважаемому, и которого я душевно почитал. Однако ж я решился огорчить Ферзена и не сделать несчастным человека, мне незнакомого, и которого по репутации знал даже за человека, не имеющего честных правил.

Я велел разбудить квартермистра и ротных приемщиков, приказал принять провиант по 22-е число и раздать в роты, что и было исполнено. Написал рапорт, что после поданного от 17-го числа моего рапорта полк удовольствован провиантом по 22-е число, поставя на рапорте 19-е число, и отправил тот же час в бригадное дежурство, а тем же числом Слепушкину дал в приеме квитанцию; на спрос же его бумагою, по которое число удовольствован полк провиантом, дал промеморию уже 20 числом.

Слепушкин, как скоро был допущен к фельдмаршалу, то представил данную мною ему промеморию. Граф послал дежурного генерала Арсеньева показать оную Ферзену и сказать: «Нехорошо обижать немцам русских». Ферзен, до которого последний мой рапорт еще не дошел, чрезвычайно мною был раздражен; тотчас написал к фельдмаршалу рапорт с требованием, чтобы я был предан военному суду за ложное донесение.

К счастию моему, того же числа наряжен я был считать экстраординарную сумму с двумя другими штаб-офицерами. Я явился в канцелярию в 11 часов; правитель канцелярии, г<осподи>н Мандрыкин, вручая мне книгу и ордера, сказал: «Извольте поспешить счетом и представить сегодня в 9 часов вечера; графу нужно сего же дня отчет отправить». Сумма была с лишком 50 тысяч червонцев; я говорил, что в такое короткое время счесть невозможно, но Мандрыкин с грозным видом сказал: «Я не знаю, можно ли или не можно, но я вам объявляю графское приказание, впрочем, это ваше дело; как вы хотите, только знайте, что уже и курьер к отправлению готов, а граф отговорок не любит».

Нечего было делать; с собравшимися моими товарищами принялись считать; суммы выдаваемы были большим числом, большею частью шпионам; два ордера были не подписаны, на 150 червонцев; я показал их Мандрыкину, сказав, что счетная комиссия принять их не может. Мандрыкин сказал: «Граф их после подпишет, извольте считать». Я предложил своим товарищам, которые не хотели брать на свою ответственность, но я их уверил, что ежели будет взыскание, то я за сию сумму отвечаю, на что они и согласились. Итак, мы успели сделать счеты, подвести итоги и сделать счетную выписку, [которую], при рапорте графу, принес я к Мандрыкину в назначенный срок, который просил меня подождать, пошел к его сиятельству и, вынеся от него, показал мне подписанные те ордера, которые даны были мне без подписи.

Мандрыкин предложил мне свои услуги, а как я благодарил за его ко мне доброхотство, сказав, что на сей раз я не имею никакой нужды, он возразил: «Полно, не могу ли теперь же я вам услужить?» И тогда показал мне рапорт Ферзена, требовавшего меня судить военным судом. Хотя я перед судом и был бы оправдан, ибо действительно полк удовольствован был по 22-е число и рапорт мой о том послан был еще 19-го числа, дошедши до рук Ферзена чрез два дня после, но не менее того больно бы было быть под судом, что по обыкновению, вносилось в послужной список. Итак, я чрезвычайно сим огорчился. Он [Мандрыкин], видя мое

смущение, сказал: «Не беспокойтесь, граф никогда этот рапорт не увидит, и мы его ускрамим» (слово, употребляемое графом), и тогда же его разодрал.

Ежели с таким известным и заслуженным генералом могли так поступать управляющие канцеляриею, то какой справедливости должны ожидать низшие классы подчиненных? Потом [Мандрыкин меня] спросил: «Кажется, вы просились в отпуск? Скоро ли вы хотите ехать?» — «Я бы в тот же час уехал, как скоро получу пашпорт». — «Погодите немного». Пошел в кабинет фельдмаршала и вынес от него мой отпуск. Получа оный, приехал в казармы (сдавать мне было нечего, ибо полком командовал [я] по наружности, потому, что полковник мой, за отсутствием моим, сдал полк, по полковничьей инструкции, майору Арсеньеву) [и], собравшись, уехал.

[1795]. Дорогою объехал я короля Станислава Августа, которого везли в Гродно, где ожидал его кн. Н.В. Репнин. Итак, императрица возвела его на престол польский, и она же лишила его короны.

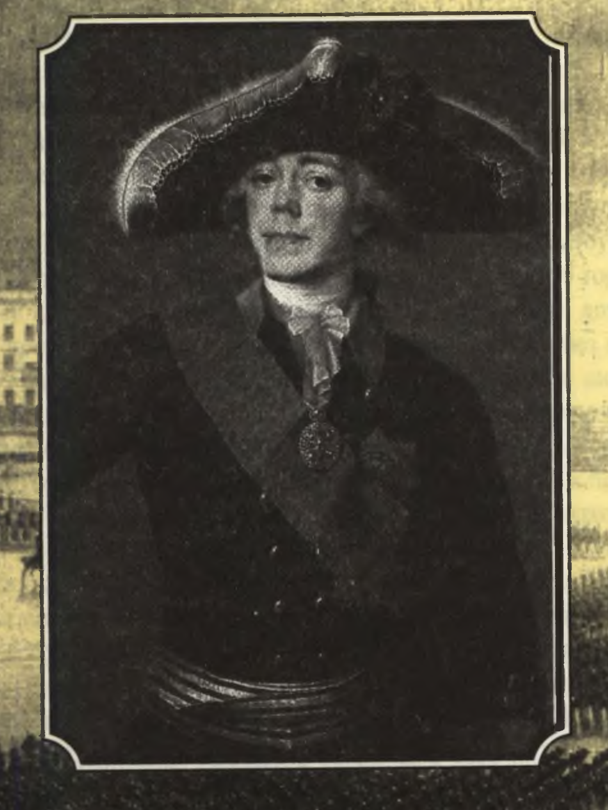
После сего Польша была разделена: Россия получила всю Литву по Неман и Западный Буг, а через несколько месяцев Курляндское герцогство поддалось добровольно. Пруссия присвоила Варшаву и все земли, смежные с ее владением, с крепостями Данцигом и Торунью. Австрия получила земли, смежные с ее Галициею, по Западный Буг с Величкою до Кракова, который сделан вольным городом.

Прибыв к отцу моему, узнал, что зять мой С.К. Вязмитинов сделан был генерал-губернатором Уфимской и Симбирской губерний и командиром Оренбургского корпуса. Он уговорил меня перейти под его начальство, чтобы быть вместе с моею сестрой. Почему в 1795 году дан был мне третий Оренбургский полевой батальон, и так я переместился в столь отдаленный край.

В сем году открылась Персидская война, продолжавшаяся до восшествия на престол государя императора Павла I под успешным начальством генерал-поручика графа В.А. Зубова. Успехом сей войны было взятие Дербента.

[1796]. В 1796 году в августе было избрание и утверждение вместо умершего нового киргизской Меньшой орды хана. Обряд происходил следующим образом: между Оренбурга и менового двора, за Уралом по-

строенного в трех верстах от крепости на киргизской степи, киргизы собрались в несколько тысяч кибиток разных их родов, управляемых своими султанами. Когда за Уралом поставлены были собранные войска Оренбургского корпуса, тогда генерал-губернатор послал тому народу сказать, чтобы он приступил, по обычаю своему, к избранию хана, уже заблаговременно назначенного нашим правительством. По некотором прении избрание кончилось. Хана нарядили в богатую парчовую черно-бурых лисиц шубу и такую же шапку, присланную в дар от двора; киргизы, посадя его на кошму, подняли на руки и начали качать с превеликим криком, на что ответствовано было в честь его пальбою из крепости и состоявшей при полках артиллерии и ружейным беглым огнем. После чего хан был угощаем с султанами обеденным столом у генерал-губернатора, а все прочие киргизы — в степи близ наших войск, которых угощение состояло во множестве изготовленного их кушанья, называемого биш-бармак, то есть изрубленной мелко баранины с луком и бараньим салом, пловом и кумысом. Киргизы хватали [кушанье], как голодные волки; у каждого был приготовлен кожаный мешок, висевший на шее; одни, выжав рукою жир и жижу в рот, оставшееся в руке в запас клали в сии кожаные мешки. Тем кончился весь праздник; на другой же день киргизы откочевали вовнутрь степи*.

VI
ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

Внезапная смерть императрицы Екатерины II Алексеевны облекла Россию в сердечный траур, которая воспоследовала в 1796 году, 6 ноября, на шестьдесят седьмом году, шестом месяце и четвертом дне ее рождения; царство же ее 34 года, 3 месяца и 27 дней. Смерть ее поразила вообще всех, и каждый думал, что лишился в ней нежной матери.

В ее славное царствование Россия была славна и счастлива, подданные ее наслаждались спокойствием, каждый гражданин уверен был в безопасной личности и обладании своей собственности. Она отказалась от наименования, подносимого ей сенатом: Великой и премудрой матери отечества. Но все то помня, сыны отечества сохранят навсегда в сердцах своих сию дань справедливого титла. Она сделала многие учреждения к управлению России, способствовавшие к утверждению благоустройства и скорому течению дел; она основала и приобрела до 250 городов, торговля в ее царствование распространилась по всем морям, доходы государства, прежде бывшие не свыше 35 миллионов рублей, без наложения новых податей знатно умножены; морская и сухопутная силы России в ее время приводили в ужас всю Европу. В награждение за военные подвиги учредила орден Св. Георгия, а для гражданских чинов орден Св. Володимира. Покровительствовала науки и художества и привела к концу то, что Великий Петр предпринимал. О всех ее делах вкратце сказать нет возможности. Конец ее царствования был слабее, дав много воли графам Зубовым. Сколь ни славно царствование Екатерины Великой, но спокойствие не раз было нарушаемо: 1-е. Возмущение Мировича*, желавшего освободить императора Иоанна Антоновича[55], содержимого в Шлиссельбургской крепости под крепкой стражей со времени вступления на престол блаженной памяти Елисаветы Петровны. К нему

[55]Сын принцессы Мекленбургской, племянницы императрицы Анны Иоанновны, и Антона Ульриха, по завещанию которой провозглашен был императором, а по малолетству его правительницей мать его.

приставлены были заслуженные два штаб-офицера, которым дано повеление: ни в каком случае живого его не выдавать. Сказанный поручик Мирович во время путешествия императрицы в Ригу подговорил солдат своей роты и с оными вломился в темницу несчастного Иоанна; помянутые два штаб-офицера, видя, что уже не осталось им никакого средства сберечь своего узника, закололи его. Таким образом Иоанн 24-х лет окончил несчастную жизнь свою. Мирович, вошед в ту камеру, где он содержался, и увидя его мертвым, сам представил себя правительству как мятежника. Сенат и первенствующие государственные чины присудили на эшафоте отрубить ему голову, что и исполнено. 2-е. О бунте Пугачева сказано было в I главе. 3-е. Смертоносная язва во время турецкой войны вкралась в государство, сильно свирепствовала, а особливо в Москве*; с жестокою зимою и предохранительными средствами она прекратилась. Во время оной архиепископ московский Амвросий, увидя, что народ прикладывался к образу Боголюбской Богоматери, что у Варварских ворот, и что от него чернь заражалась, приказал тот образ снять. Народ взволновался, вломился в Кремль, ударил в набат в новгородский вечевой колокол; архиерей оттоль уехал в Донской монастырь, и там спрятавшегося его в алтаре вытащили и убили**. Главнокомандующий в Москве, граф Петр Семенович Салтыков, видя мятеж, уехал из города, и с ним вместе бывший тогда обер-полицмейстер Н.И. Бахметьев. Но отставной генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин усмирил чернь и прекратил возмущение. Сказанный колокол государыня приказала снять, в который до того при пробитии вечерней зари ударяли три раза.

Смерть императрицы приключилась в 5-е число ноября; занимаясь делами в своем кабинете, пошла в потаенную комнату, и там роковой удар ее поразил; прибежавшие ее камер-фрау и камер-медхены нашли ее лежащею на полу без чувств; на другой день она скончалась[56].

[56]Многие полагают, и, вероятно, по замечанию, что уже в здоровье императрицы сделалась чувствительная перемена по случаю неудачного ее предприятия. Ей хотелось внучку свою, великую княжну Александру Павловну, выдать замуж за шведского короля Густава Адольфа; почему поручила министру своему при стокгольмском дворе вступить по сему предмету в переговоры. Король и его двор, казалось, с восхищением к тому приступили; в июле король, в сопровождении дяди своего, принца Зюндерманландского, прибыл в Петербург. Великолепные праздники по сему происшествию следовали один за другим; король, сдавалось, был влюблен в прекрасную великую княжну, и он был красивый мужчина; с великим удовольствием смотрели на сию будущую чету. Наконец, переговоры доведены были до конца; во всем было соглашено. Назначен уже был день помолвки и при дворе бал; все знатные особы обоего пола были повещены; императрица со всем своим

С печальным сим известием отправлен граф Ник<олай> Алек<сандрович> Зубов к императору Павлу I, законному наследнику российского престола, находящемуся тогда в Гатчине. Государь надел на него Андреевский орден и поехал тот же час в Петербург, приказав за собою следовать гатчинским своим войскам. Весь двор, сенат и генералитет в Зимнем дворце его ожидали, где тотчас ему и присягнули.

Говорят, что императрица сделала духовную, чтобы наследник был отчужден от престола, а по ней бы принял скипетр внук ее, Александр, и что сие хранилось у графа Безбородки. По приезде государя в С.-Петербург, он отдал ему оную лично; правда ли то, неизвестно, но многие, бывшие тогда при дворе, меня в том уверяли.

Император приказал приготовить печальную церемонию; сам перенес прах родителя своего, императора Петра III, из Александро-Невского монастыря, [где], под предлогом, что он был не коронован, там был погребен. На одном катафалке поставил с покойною императрицей, и вместе погребены в соборной церкви Петра и Павла, где прах покоится всех императоров и императриц.

На другой же день указал, чтобы отдаваемые им при пароле приказы признаваемы были за именные повеления, и того же дня пожаловал в фельдмаршалы кн.Ник<олая> Вас<ильевича> Репнина, графом и фельдмаршалом Михаила Федотовича Каменского, графа Вал<ентина> Платон<овича> Мусина-Пушкина, графа Ивана Петровича Салтыкова*.

Зять мой Сергей Кузьмич Вязмитинов пожалован военным губернатором в Каменец-Подольский. На другой день прибыл новый курьер, что вместо того он назначен в Чернигов, и куда он отправился в самой скорости; и только что там пробыл дня два, пожалован был комендантом в Петропавловскую крепость.

августейшим домом прибыла в залу, ожидали только жениха, чтобы объявить всенародно о радостной для обоих дворов сей помолвке. Проходило много времени, но король не ехал; между тем бал не открывался, послано было узнать о причине; посланный воротился и доложил государыне что-то тайно, которая послала по дипломатической части находившегося при ней в доверенности гр.Аркадия Ивановича Моркова. Наконец, по долгом ожидании, он возвратился с ответом, что король не может согласиться, чтобы королева, супруга его, осталась в православной греко-кафолической вере, на что уже было явлено его согласие. Императрица так была сим поражена, что приближенные ее заметили, едва ли не имела она легкого удара, и с тех пор стала в духе и телом ослабевать. С чрезвычайным усилием приняла на себя вид твердый. Объявлено было, что король занемог и для того на бале не будет. Можно судить, каково самолюбию ее было, когда все чужестранные министры под рукою были предварены, и вдруг король отказался от женитьбы. Бал был открыт на короткое время, и вскоре императрица отбыла во внутренние покои**.

Гатчинские войска и всех их офицеров государь сравнял в чинах [со] старою гвардией, многим из них дал государственные места, как-то: Обольянинова пожаловал провиантмейстером, а потом генерал-прокурором; Аракчеева комендантом петербургским; по времени, Кутайсова, своего брадобрея из полоненных турок, — графом и обер-гофшталмейстером двора, то был его первый любимец, дав им великие имения. Дико было видеть гатчинских офицеров вместе со старыми гвардейскими: эти были из лучшего русского дворянства, более придворные, нежели фрунтовые офицеры; а те, кроме фрунта, ничего не знали, без малейшего воспитания, и были почти оборвыши из армии; ибо как они не могли быть употреблены в войне и, кроме переходов из Гатчины в Павловск и из Павловска в Гатчину, никуда не перемещались, а потому мало и было охотников служить в гатчинских войсках. Однако ж несколько было из них и благонравных людей, хотя без особливого воспитания, но имеющих здравый рассудок и к добру склонное расположение, а потом, приобыкши к важнейшим должностям, служили с пользою государству.

Все генералы, начиная от фельдмаршала, сделаны были шефами полков, а в недостающие полки генералов произведены полковники в генерал-майоры. Такое вдруг множество явилось генералов, и такое скорое производство потеряло уважение к оным, равно как и к орденам; ибо император не раздавал, а разметывал их.

Переменил мундиры, одел всю армию на манер прусский, прошлого века; тоже и самый прусский старый военный устав издал к исполнению, введя совсем новый род службы, так что старые генералы не более знали новую службу, как и вновь произведенные прапорщики; старым людям, сделавшим навык к прежнему обряду, трудно было не только исправлять ее, но даже и понять. За то ежедневно одни отставлялись, другие исключались, многие генералы с дарованиями принуждены были оставить службу; а зато производство шло с непостижимою скоростию, так что, едва получа один чин, уже и в другой производились. Служащим в отдаленных корпусах еще несколько было полегче, а тем, которые были ближе, несравненно было труднее. Сам гр<аф> Алек<сандр> Васил<ьевич> Суворов пострадал; сказывали, что он перед разводом показывал свою блажность, говоря: «Пукли не пушка, коса не тесак, а я не пруссак: я фельдмаршал в поле, а не при пароле». Удивительно, что сей тонкий человек говорил такие речи, которые не сходствовали с его умом. Государю о том

донесли, и [он] послал за ним фельдъегеря, с которым он приехал и явился на другой день на вахтпарад.

Вскоре он сослан был в свои деревни, в Владимирской губернии находящиеся, где и проживал под надсмотром земской полиции* до назначения его командовать российско-австрийскою армией в Италии противу французов.

Строгость касательно военных была до черезмерности. За безделицу исключались из службы, заточались в крепость и ссылались в Сибирь; аресты считались за ничто; бывало по нескольку генералов вдруг арестованных на гауптвахте. Гражданским чиновникам и частным лицам было не легче. Вместе же с сим изливались великие милости. Если в гневе его [государь] сколько-нибудь продлит наказанием, то те же самые люди не только приходили в милость, но осыпались благодеяниями. Можно сказать, что он совсем был не злопамятен; бывали времена, и нередко, он показывал благородную душу и к добру расположенное сердце. Думать надобно, что ежли бы он не претерпел столько неудовольствиев [в] продолжительное царствование Екатерины II, характер его не был бы так раздражен и царствование его было бы счастливо для России, ибо он помышлял о благе оной; но или он не имел способности к тому, или не мог переломить крутой свой нрав и принять благоразумнейшие меры. Словом, царствование его для всех было чрезвычайно тяжело, особливо для привыкших благодетельствовать под кротким правлением обожаемой монархини. Конечно, и при ней были несправедливости, но они были чрезвычайно редки, и претерпевали их частные лица, но не все целое; совершенства во всем мире нет.

По вступлении на престол [государь] тотчас прекратил Персидскую войну, приказал полкам выступить из персидских пределов каждому по себе и с шахом утвердил мир.

Чтобы привязать к себе духовенство, стал жаловать оное орденами.

[1797]. В конце марта 1797 года государь прибыл в Москву, а в апреле короновался. Щедроты свои, по обыкновению, расточал, жаловал чинами, орденами и раздавал казенное имущество и деревни. После чего через Смоленск отправился в Петербург.

Бывшие шесть Оренбургских полевых батальонов, соединя по два, [государь] назвал полками; третий батальон, которым я командовал, поступил со вторым в Уфимский полк, шефом коего сделан генерал-майор

А.Ф. Ланжерон. Инспектором войск, находившихся в Уфимской, Казанской и Пермской губерниях, тож Оренбургским военным губернатором и шефом Рыльского пехотного полка [назначен] генерал от инфантерии Игельстром[57], которого из деревень его государь вызвал, но скоро уже к нему оказал неблаговоление. Причиной сего было: чрез несколько времени по назначении его на сие место, спросил его император, много ли ему лет? Тот ему отвечал, что ему сто лет. «Как?» — спросил государь. Игельстром отвечал: «Шестьдесят лет от роду и сорок лет службы». Император счел, что сей немецкий каламбур означал, что он не хочет служить, и, обернувшись, сказал тут бывшим: «Я его вытащил из навозной кучи, а он уже отговаривается дряхлостию».

Игельстром чуть было меня не сделал несчастливым, и вот в каком случае. Был полковник кн. П.В. Мещерский[58] сверх комплекта в Оренбургском драгунском полку; он выпросил от корпусного своего командира С.К. Вязмитинова ордер, чтобы пребывать в Москве, как не имеющий никакого дела в полку. Зять мой, по его просьбе, дал ему повеление, чтобы всех нижних чинов, бывших при комиссариате Оренбургского корпуса, как скоро в них не будет надобности, собирал и отправлял бы их к своим полкам и батальонам. Таким образом он отправил шесть человек в мой батальон при своем сообщении, но ко мне явилось только пятеро, а одного [Мещерский] оставил при себе. На трехлетнее избирание новых предводителей и судей в Симбирске зять мой поехал и меня взял с собою, куда и Мещерский из Москвы прибыв, просил меня, чтоб им оставленного моего солдата оставил при нем. Но как я сам собою того сделать не осмелился, то и спросил на то повеления моего зятя, на что он словесно и приказал. Мещерский из Симбирска отправился опять в Москву, и с тех пор я не имел никакого известия, где он. Игельстром, рассмотрев отлучную ведомость бывшего моего батальона, заметил, что сказанный солдат числится при полковнике кн. Мещерском, и требовал

[57]Генерал-аншефы названы генералами от инфантерии и генералами от кавалерии; генерал-поручики генерал-лейтенантами.

[58]Он был потом генерал-майором и шефом С.-Петербургского драгунского полка. Вошел в донос, что будто делается против императора заговор в его полку и дворянством Смоленской губернии, где тот полк квартировал; поводом сего было: несколько молодых шалунов [говорили] насчет странных мундиров и многого, бывшего смешного, что, конечно, предосудительно, но о заговоре никакого помышления не было; однако ж многие пострадали. Сим доносом Мещерский вошел в милость императора, был гофмаршалом двора по самый конец жизни государя и директором театра.

от меня, по какому повелению он у него находится. Я донес, что по словесному повелению бывшего корпусного командира Вязмитинова; на это он приказал мне сказать, что словесного приказания он не принимает и дает мне сроку две недели отыскать того солдата, а по окончании того сроку, если тот солдат не будет отыскан, представить государю императору. Где был тогда Мещерский и как отыскать его в такое короткое время? Ожидал [я] понести строгое наказание и, может быть, даже быть разжалованным. Но, к счастию моему, получено отношение от смоленского военного губернатора Философова, что сказанный солдат по болезни определен в смоленский гарнизонный полк, чем это и кончилось. Однако ж Игельстром долго был ко мне худо расположен, что можно будет увидеть впоследствии.

Шеф наш, граф Ланжерон, прибыл в полк, и мы с ним сделались друзьями, каковыми остались навсегда. Граф хотел видеться со своим инспектором и просил его позволения приехать к нему в Оренбург; но как от своего места никому без особливого позволения государя отлучаться не позволялось, то Игельстром уведомил его, что сам хочет его видеть, но позволить приехать в Оренбург не смеет, а [чтобы Ланжерон] выехал к нему инкогнито в Бугульму, когда он поедет по инспекции. Граф, будучи им извещен, туда ездил и по возвращении своем спросил меня: не сделал ли я какого неудовольствия Игельстрому? Я почти ему был неизвестен, и никогда не было к тому случая. Граф мне признался, что Игельстром предостерегал его, чтобы был со мной осторожным, как человеком беспокойным и большим интриганом, но граф меня довольно коротко узнал и после в дружбе своей ко мне не раскаивался.

Император послал во все инспекции гатчинских генералов и штаб-офицеров, учить обряду, порядку и фрунтовой службе. В нашу инспекцию и Сибирскую послан был майор Эртель. Он приехал в Оренбург в то время, когда Игельстром объезжал инспекцию; штаб-офицеры Рыльского полка были состарившиеся в прежней службе, а потому, что он им показывал и толковал, ничего не поняли. Оттуда Эртель поехал по линии и в Сибирь. Уже на возвратном пути приехал он в Уфу, где квартировал наш полк. Мы не удовольствовались его словесными толкованиями, а, сформировав батальон, потребовали, чтобы он показал все сказанное в уставе, что должен замечать батальонный командир во всяком обороте, то же и офицеры, и порядок каждого движения. Похвалюсь, что я был хороший фрунтовой офицер; эволюции были просты, требовались

только одна точность и мелочи удобопонятные, почему Уфимский полк был выучен как нельзя лучше по новому уставу, но Рыльский полк учился по старому обряду.

За отдалением, кроме общих анекдотов, касающихся двора и всего происходившего, мало доходило до моего сведения.

В конце года скончался знаменитый наш полководец, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский*; государь на всю армию наложил трехдневный траур.

[1798]. Император принял титул магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, почему хотел иметь остров Мальту в своем владении; уже назначены туда были губернатор и военный комендант. С турками и англичанами сделал союз против французов; послана была эскадра в Средиземное море, и вместе с турецкою действовали; капитан флота 2-го ранга Белли с небольшим числом войска занял Неаполь; государь, получа о том донесение, сказал: «Он меня удивил, да и я его удивлю». Послал ему орден Св. Анны 1-й степени. Кроме Белли, в полковничьем чине никто никогда такового не имел.

В 1798 году я пожалован в полковники, а в феврале полк получил повеление идти на ревю** в Казань, где все пехотные полки той инспекции должны быть собраны, куда и государь намеревался прибыть.

Игельстром предписал, чтобы полки, идя на ревю, соображались с уставом. Как еще в том краю в сие время бывает сильная зима, по дороге селения разного рода татар, малые и редкие, то он и приказал Уфимскому полку, чтобы за шефским батальоном чрез день следовал полковничий батальон, а за оным чрез день гренадерские роты с артиллерией, при полку находившеюся, и гошпиталь.

Взошед я с батальоном на большую оренбургскую дорогу, остановился на ночлег Казанской губернии в деревне Ерыклы, принадлежавшей помещику Рыбушкину, где он сам и проживал. Адъютант Игельстрома, приехав, сказал мне, что генерал просит меня приказать приготовить ему квартиру в сей деревне для ночлега. Я выпросил у помещика для генерала в его доме две комнаты, а мне занята была квартира неподалеку: изба, которая одна и была только с трубой, а прочие все избы были черные. Я поставил к квартире его высокопревосходительства двух часовых, как сказано в уставе, кроме знаменного караула при въезде и выезде, при ефрейторе по три человека. Изготовя рапорт, со всеми офицерами в шарфах, ожидал [я] инспектора.

Чтобы видеть проходящие войска, съехались из окольных деревень родные и знакомые помещика Рыбушкина, в числе коих много было дам, которые с хозяйкой вышли встретить украшенного сединами генерала.

Как скоро вышел он из кареты, я подал ему рапорт; вдруг спросил он меня, указывая на дам: «Это кто?» — «Это хозяйка сего дома, — сказал я, — в котором приготовлена квартира для вашего высокопревосходительства». — «Как, вы хотите надо мною, над стариком, шутить, г-н полковник? Время мое волочиться уже прошло; я вам это уступаю; вы можете занять мою квартиру, а я пойду в вашу». — «Моя квартира очень дурна, и даже неопрятна». — «Я солдат; в течение моей службы имел разные квартиры, ведите меня туда». Только что вошли мы в оную, как он меня спросил: «Где ваша гауптвахта и ваши пикеты?» — «В главах устава, когда идут полки на ревю, сказано иметь только один знаменный караул». — «Как, г-н полковник, вы хотите меня учить?» — «Я докладываю вашему высокопревосходительству свое оправдание». — «Нет, г-н полковник, в уставе сказано: надобно иметь гауптвахту из целой роты и пикеты при каждом въезде, при двух офицерах, по 60 рядовых». — «Ваше превосходительство, то сказано о кантонир-квартирах». — «А это разве не кантонир-квартиры?» — «Я думал, что кантонир-квартиры бывают в военное время и когда неприятель угрожает нападением, или для иных политических видов, где надобно брать предосторожности». — «Вы меня опять начали учить?» — «Как мне осмелиться?» — «Для чего же вы не исполняете по уставу и моему предписанию?» — «Я докладывал, что исполнял, как сказано в главе, когда полки идут на ревю». — «Вы меня учить хотите, так как и вашего шефа, и, верно, по научению вашему, он идет тем же порядком». — «Я сообразжался и исполнял его приказания». Этот разговор, или, лучше сказать, его выговоры, продолжались часа два; наконец он насилу меня отпустил и на другой день поутру рано уехал.

Я поместил сию ничтожную сцену единственно показать, к чему я должен был готовиться, когда мы предстанем пред императора Павла, перед которым все трепетало. Дурное расположение ко мне инспектора, который, почти меня не зная, готов был при малейшем случае меня погубить, я не могу понять. Какой злой дух мог так его вооружить против меня?

Наконец наш полк соединился в селе Алексеевском, отстоящем от Казани во ста верстах, по левой стороне Камы, принадлежавшем помещику Сахарову, и в котором считается около трех тысяч душ. Туда че-

рез несколько времени и Рыльский полк прибыл; тут мы простояли всю весну, отдыхали и учились, чтобы предстать во всей исправности пред императора.

На другой день прибытия моего в Алексеевское мой батальон наряжен был в караул, и при вахтпараде смешное случилось происшествие. Командовал вахтпарадом майор Зенкевич, хорошо знающий фрунт прежней и новой службы. Игельстром приказал формировать из середины полдивизионную колонну, чего в павловском уставе не было, почему офицеры и забыли. Майор спросил: «Как прикажете? По-старому?» — «Как по-старому? Велите формировать колонну». Майор опять спросил: «Как прикажете?» Тут Игельстром вышел из себя, стал сам командовать старым и охриплым голосом; никто его не понимал; он выводил взводы и, наконец, приведя все в беспорядок, кричал: «Я несчастный! Государь исключит меня из службы, и этим я обязан буду этому полку». Подходил к Ланжерону и сказывал, как было в саксонской службе, где он был во время его служения там капитаном до вступления его в российскую службу, а тот отвечал, как бывало во французской службе. Кончилось на мне, что всему я виноват.

После несчастного сего вахтпарада пошли мы к нему на квартиру; тут меня он атаковал, чему мы учились? Я отвечал: «Всему тому, что сказано в уставе и как нам показал Эртель». — «Эртель ничему не учил, — сказал он, — кроме порядка вахтпарада». Тогда я ему объяснил, что когда Эртель приехал к нам в Уфу и что по требованию нашему он нам показал все эволюции батальонного учения. Тогда он [Игельстром] увидел, что его полк не имеет понятия по новому уставу, а мы, напротив, хорошо приготовлены. [Он] просил меня, что, когда полк его придет, я бы показал его офицерам, и я уже, можно сказать, сделался его любимцем, и [он] говорил графу Ланжерону, что сожалеет, что имел обо мне невыгодное мнение; но что теперь, узнав свою ошибку, почитает себя предо мною виноватым.

Зато он полк свой измучил беспрестанным учением и ученьем парикмахеров; ибо, чтобы более угодить государю, полк его был причесан в две букли. Он беспрестанно твердил Ланжерону: «Боюсь за вас; накладные букли из шляп государь не любит, и вы увидите, что за то вам будет беда». Но если б было и так, выучить в три недели парикмахеров было невозможно, да и без того полки были в страхе, знав, что, когда государь бы-

вает в дурном расположении (что случалось нередко), как бы который полк ни был исправен, все было не в угоду.

В исходе мая мы выступили из Алексеевского, и расположилась вся инспекция в 10 верстах около Казани по разным дорогам.

Государь прибыл в Казань с великими князьями Александром и Константином Павловичами 3-го июня и прогневался на Игельстрома, что войска до прибытия его еще не вступили, приказав ему распорядиться, чтобы каждый полк вступил на другой день поутру в разные часы, так чтобы он каждый мог видеть особо.

В семь часов утра вошел Екатеринбургский полк в Сибирскую заставу; шеф оного был из гатчинских, генерал-майор Певцов. В восемь часов должен был войти Уфимский полк. Все шли с трепетом; я более ужасался, чем идя на штурм Праги.

Государь был у самой заставы. Передо мной шел батальон шефский, который переменил ногу; я тотчас переменил также свою, чтобы маршировать согласно с предыдущим батальоном. За мной шел сверхкомплектный подполковник кн.Ураков, который пооробел и, не заметив, что я переменил ногу, шел по-прежнему, какою ногою шел весь мой батальон. Государь сказал: «Господа штаб-офицеры, не в ногу идете». Я, видя, что иду в ногу шефского батальона верно, то тем же шагом продолжал. Тогда государь гневно закричал: «Полковник Энгельгардт не в ногу идет». Увидевши ошибку моего подполковника, оправдываться было не время. Когда весь полк прошел, ударили под знамена; я скомандовал: «С поля». Надобно объяснить, что делалось то на марше по трем флигельманам* в четырнадцать приемов, которое и оканчивалось [тем, что] ружья обертывались вниз дулом, а прикладами вверх, что было чрезвычайно трудно. Император увидел, что батальон исправно сие сделал.

После сего император поехал смотреть Рыльский полк, но он уже вошел, и полковника того полка Баркова за болезнию не было; все сие причтено в вину Игельстрому. Надобно было сперва войти полку Рыльскому, потом Игельстрому быть при государе при входе всех полков его инспекции. В приказе государь объявил спасибо за вход Екатеринбургскому и Уфимскому полкам.

Ввечеру того дня дворянство давало бал, который удостоил своим присутствием император с великими князьями**; также дворянство пригласило на бал пришедших полков штаб-офицеров. Государь танцевал польский со многими дамами. Увидя военного губернатора Лассия в баш-

маках и с тростью, подошед к нему, он сказал: «Как? Лассий в башмаках и с тростью?» — «А как же?» — «Ты бы спросил у петербургских». — «Я их не знаю». — «Видно, ты не любишь петербургских; так я тебе скажу: когда ты в сапогах, знак, что готов к должности, и тогда надобно иметь трость; а когда в башмаках — знак, что хочешь куртизировать дам, тогда трость не нужна». — «Comment, votre majeste, voulez vous, qu'a mon age je sache toutes ces misere?» («Как, вы хотите, ваше величество, чтобы в мои лета я мог знать все эти мелочи?») Государь рассмеялся сему ирландскому ответу, ибо Лассий был ирландец. Государь, пробыв часа с два, отправился в дом отставного генерал-майора Лецкого, где он имел свое пребывание*.

Пятого числа был специальный смотр на Арском поле (на том самом, где Михельсон разбил Пугачева). Когда полки выстроились по уставу, то подскакал ко мне бывший при государе бригад-майор Н.И. Лавров, с которым мы были коротко знакомы во время Турецкой войны в Молдавии**, и сказал мне: «Не так у тебя стоят подпрапорщики» (ибо, за некоторое время до вступления полков в Казань, переменены штаты, и подпрапорщики названы уже были вторыми после фельдфебелей). Видя, что [это] уже исправлено в шефском батальоне, который за суетой меня не уведомил, я переменил в первых двух ротах, а в трех ротах еще не успел, как уже государь подъезжал к моему батальону на фланг. Я побежал стать на свое место; он проехал мимо меня с суровым видом. Теперь-то я пропал, думал я; однако ж, видно, император сего не заметил. После чего [мы] проходили мимо него церемониальным маршем. В приказе объявлена была всем полкам благодарность.

Шестого числа было ученье, где мы стреляли, на месте и маршируя, плутонгами***, полудивизионами и дивизионами. Когда стали стрелять батальонами, как в первой линии было пять батальонов и мой батальон был на левом фланге, то мне должно было, изготовясь, не прежде выстрелить, как когда 2-й батальон Рыльского полка, выстрелив, возьмет ружья на плечо, а как сей батальон очень мешкал, то великий князь Александр Павлович, подъехав ко мне, сказал: «Стреляй!» Но я доложил ему, что батальон, после которого мне должно стрелять, еще не зарядил ружья; хотя он мне повторил сие приказание раза четыре, но я не спешил, выждал и выстрелил в свое время, когда было должно; залп был удачный. Государь заметил, что я не торопился исполнить приказание Его Высочества Наследника, ибо он был почти у моего батальона на фланге, [и] был доволен моею исправностью.

По окончании ученья в комнате государя и при нем военный губернатор Лассий отдавал пароль и приказ; я в тот день был дежурным и был в кругу с прочими, принимавшими приказание. Государь подошел ко мне сзади, положил руку ко мне на плечо и, пожимая, сказал: «Скажи, где ты выпекся? Только ты мастер своего дела». Я руку его, лежавшую у меня на плече, целовал, как у любовницы, ибо в первые два дня я потерял бодрость и ожидал не только обратить на себя его внимание, но думал, что буду исключен из службы.

Тот день приказано было мне быть к столу. Как скоро государь вышел из внутренних комнат, то прямо подошел ко мне и спросил: «Из каких ты Энгельгардтов, лифляндских или смоленских?» — «Смоленских, ваше величество». — «Знаю ли я кого из твоих родных?» — «Когда ваше величество в 1781 году изволили проезжать через Могилев, отец мой тогда был там губернатором». — «А, помню, у тебя, кажется, была сестра Варвара; где она теперь?» — «Она замужем за Наврозовым». — «Давно ли она вышла замуж?» — «В нынешнем году» (тогда ей было тридцать три года). — «Не молодою же она вышла отроковицей; а ты где начал служить?» — «В гвардии». — «То есть по обыкновению вас всех, тунеядцев-дворян; а там как?» Я было хотел пропустить, что был адъютантом у светлейшего князя, сказал: «А потом в армии». — «Да как?» — «Взят был в адъютанты к князю Потемкину». — «Тьфу, в какие ты попал знатные люди; да как ты не сделался негодяем, как все при нем бывшие? Видно, много в тебе доброго, что уцелел и сделался мне хорошим слугою». Вскоре после того пошли за стол.

Седьмое. Были маневры; государь разгневался на Рыльский полк за худую стрельбу, а Уфимским был доволен, особливо моим батальоном. Когда я прошел мимо его церемониальным маршем и, отсалютовав, взял эспантон* в правую руку и подошел к нему, император сказал: «Становись на колени — видишь, как ты вырос велик: иначе не могу тебя обнять». Когда я встал на колени, он поцеловал меня в обе щеки.

Восьмое. Тоже был маневр, по окончании которого и по отдании приказа [государь] пожаловал гр.Ланжерону орден Св.Анны 2-й степени, который ему сказал: «Государь, доставляют мне вашу милость труды моего полковника; смею уверить вас, ваше императорское величество, что, ежели полк мой имел счастие быть вам угоден, он им до того доведен». — «Знаю, — сказал государь, — у меня и для него есть подарок, а после дам ему и более». После того подозвал меня к себе, приказал стать на коле-

но, вынул из ножен шпагу, дал мне три удара по плечам и пожаловал шпагу с аннинским крестом.

Во все время пребывания государя в Казани всякий день, в шесть часов пополудни, государь выходил в сад дома Лецкого, и было объявлено, что он желает видеть в оном саду ежедневно казанских жителей; со многими дамами и тамошними дворянами он говорил. Когда встречался он с офицерами Уфимского полка, то говорил им: «Спасибо, господа; вы меня забавляли; я вами очень доволен». И во всяком приказе Уфимскому полку была похвала.

После обеда, пред выходом государя в сад, был военный губернатор Ласский, генерал-адъютант Нелидов и граф Ланжерон. Государь, вышед из спальни, подошел к графу Ланжерону и сказал: «Ланжерон, ты должен принять инспекцию от сумасбродного старика Игельстрома». — «Государь, — сказал граф, — я не могу». — «Как! ты отказываешься от моей милости». — «Тысяча резонов заставляют меня отказаться от оной; первое, я еще не силен в русском языке». Государь с большим гневом отошел от него на другой конец комнаты и, подозвав Нелидова, сказал ему: «Поди спроси Ланжерона, какие остальные резоны заставляют его отказаться от инспекции?» Граф Ланжерон отвечал: «Первый и последний: Игельстром мне благодетельствовал, и я не хочу, чтобы моим лицом человеку, состарившемуся на службе его императорскому величеству, было сделано таковое чувствительное огорчение». Не успел он вымолвить, как государь подбежал к нему с фурией, топнул ногой, пыхнул и скорыми большими шагами ушел в спальню.

Бывшие тут не смели тронуться с места; Ласский сказал: «Ланжерон, что ты сделал? Ты пропал». — «Что делать! Слова воротить не можно; ожидаю всякого несчастья, но не раскаиваюсь; я Игельстрома чрезвычайно почитаю: он не раз мне делал добро».

Через полчаса времени государь, вышед из спальни, подошед к графу и ударя его по плечу, сказал: «Langeron, vous etes un bon enfant, toujours je me souviendrai de votre genereux procede» («Ланжерон, вы добрый малый; всегда я буду помнить твой благородный поступок»). Я всегда за удовольствие поставлял себе то рассказывать. Сколько приносит сие чести гр.Ланжерону, еще более императору Павлу I; оно показывает, что он умел иногда себя переработать и чувствовать благородство души. Если б он окружен был лучше, говорили бы ему правду и не льстили бы ему

из подлой корысти, приводя его на гнев, он был бы добрый государь. Но когда истина была, есть и будет при дворе?

В тот день многие получили ордена, в том числе и гражданский губернатор Козинский*, ближний родственник князя Зубова.

Девятое. В день своего отъезда [государь], отдавая приказ Лассию, сказал: «Ты знаешь, что пока при пароле приказ не будет отдан, то никто не должен его знать; а этот должен быть отдан после моего отъезда». Погодя немного, он присовокупил: «Ну, Лассий, скажи правду, ты рад, что я еду?» — «Очень». — «Как?» — «До сих пор вы думаете, что у нас очень хорошо, а мы и очень несовершенны; так я хочу, чтобы вы уехали, будучи в таком о нас лестном мнении; а ежели бы остались долее, тогда бы увидели большие наши недостатки». — «Правда, правда твоя», — сказал государь.

В девять часов государь поехал в Казанский девичий монастырь, отслушал литургию, которую совершал казанский архиепископ Амвросий; по окончании оной, приложившись к чудотворному образу Казанской Богоматери, [он] заложил соборную церковь в оном монастыре, на которую пожаловал 25 тысяч рублей; заходил в келью к игуменье (бывшей из дому князей Волховских**, казанских дворян) и отправился в путь.

По отъезде государя был вахтпарад, на котором Игельстром [с] торжествующим видом строгого инспектора делал некоторые взыскания и замечания; но после, когда отдан был при пароле приказ (адъютант ему его оный принес), что вместо его инспектором, военным Оренбургским губернатором и шефом Рыльского полка [назначен] пожалованный из полковников в генерал-майоры Н.Н. Бахметьев, а ему ведать только пограничную часть, то он, прочтя сей приказ, так изменился в лице, что, я думал, сделался ему удар. Полкам, бывшим на ревю, на другой день [приказано] выступить в свои квартиры.

По прибытии императора в С.-Петербург П.В. Лопухин пожалован светлейшим князем, а дочь его камер-фрейлиной; она пользовалась особливою милостию государя, а потом выдана была замуж за князя Гагарина.

В исходе сего года император решился послать свои войска противу французов, для чего генерал Розенберг выступил из России с корпусом войск к соединению с австрийцами в Италию; генерал Корсаков в Швейцарию; генерал-лейтенант Герман в следующую весну назначен был с флотом сделать высадку в Голландию, с англичанами под командою герцога Йоркского.

[1799]. Я отпросился в отпуск, и в наступившем 1799 году Бог благословил меня супружеством, блаженство коего продолжалось 22 года и 6 месяцев. В том же году пожалован я генерал-майором и шефом того же [Уфимского] полка, а графу Ланжерону дан полк Ряжский. В мае государь пожаловал мне командорство ордена Св.Иоанна Иерусалимского с тысячью рублей годового дохода. Служа в Турецкую войну и противу поляков усердно и ревностно, был я в нескольких сражениях, лица от неприятеля не отворачивал и ничего не получил. А за шаржирование* на Арском поле и удачные батальонные выстрелы получил два ордена. Сего же года, в исходе ноября, по просьбе моей, [я] отставлен с мундиром, что при государе императоре Павле считалось большой милостью.

Император в минуту своего гнева был ужасен, но был не злопамятен. Чувствуя уважение к герою, графу Суворову, бывшему в опале, и, зная, какую славу российское оружие им может приобресть, начальствуя австро-российскою армиею против всюду торжествующих французов, [он] вызвал славолюбивого старца из ссылки и столь убедительным рескриптом[59], что тот забыл все огорчения и через час по получении того рескрипта выехал из своего заточения. Когда он явился к императору, государь в ту же минуту надел на него орден Св.Иоанна Иерусалимского; он [Суворов] пал к ногам его, сказав: «Господи, спаси царя». А Павел, обняв его, сказал: «А ты поезжай спасать царей».

Суворов, вскоре пожалованный в звание генералиссимуса, отправился к армии, а вслед за ним и великий князь Константин Павлович. История наполнена его победами; все иностранные писатели и самые французы не умолчали об оных. Я довольствуюсь сказать, что он лучших французских генералов во всех местах в нарядных баталиях разбил; все крепости, занимаемые французами, были взяты, и очистил всю Италию менее, нежели в одну кампанию, которую французы завоевали в три. Король Сардинский, получив обратно Пиемонт, наименовал его своим cousin, «родственником»**, а государь император Павел пожаловал его князем Италийским. Уже намеревался он перенести свое оружие внутрь

[59]«Граф Александр Васильевич.

Теперь не время рассчитываться, виноватого бог простит, Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии в Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствие вас увидеть. Пребываю вам благосклонный.

Павел».

Франции; но по интригам австрийцев принужден был идти в Швейцарию для соединения с Корсаковым, но тот уже был разбит Массеною*. Лишенный всех способов, которыми обещали австрийцы снабдить его, проходил он с своею армией, поражая французов, через те горы, где путешественники с опасностию в малом числе проезжают. Государь, в справедливом негодовании на австрийцев, отозвал свои войска в Россию.

Герман в Голландии, не дождавшись высадки великобританских войск, от безрассудной запальчивости был совершенно разбит.

Генералиссимус князь Италийский, cousin короля Сардинского, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, прибыв в С.-Петербург, занемог, и чрез несколько времени смерть прервала преславную жизнь его; государь почтил память его трехдневным трауром всей армии.

Бонапарте, прибывший из Египта и сделавшийся консулом, собрал русских пленных, обмундировал в русские мундиры и препроводил их императору Павлу. Император тем был так восхищен, что с Францией сделал мир. Под конец своего бурного царствования сделал [он] с Наполеоном союз, объявил войну Англии и намеревался через Киргизскую степь и Бухарию послать войска в Индию. (Но цель была завоевать Хиву.) Уже корпус войск назначен был выступить из Оренбурга, 20 тыс. донских козаков были уже близ Волги, как внезапная смерть Павла I прекратила таковое гибельное предприятие.

Смерть ему приключилась от апоплексического удара в Михайловском замке 11 марта 1801 года, около полуночи**. Царствование его продолжалось четыре года и четыре месяца, от роду же ему было сорок шесть лет, пять месяцев и двадцать дней[60].

[60]В Соловецком монастыре был монах Авель, предсказавший смерть императрице Екатерине и потом императору Павлу со всеми обстоятельствами краткого его царствования. За год до смерти императрицы Екатерины сей Авель, пришед к настоятелю того монастыря, требовал, чтобы донести до сведения ее, что он слышал вдохновенный глас, который должен он был ей объявить лично. По многим отлагательствам и затруднениям, наконец, донесено было ей, и приказано было его представить: тогда он ей объявил, что слышал он глас, повелевший ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить в Петропавловскую крепость. По кончине государыни император повелел, освободя его, представить к нему; когда он ему предсказал, сколько продолжится его царствие, государь в ту же минуту приказал его опять заточить в крепость. Смерть, однако ж, исполнилась в назначенный срок. По вступлении на престол Александра I он был освобожден. За год до нападения французов Авель предстал пред императором и предсказал, что французы вступят в Россию, возьмут Москву и сожгут. Государь приказал его опять посадить в крепость. По изгнании неприятелей он был выпущен. Сей Авель после

Великие земли! И вы подвержены той же участи, как и все смертные; берегитесь быть злыми, заставьте себя любить ваших подданных, тогда вы будете жить как отцы в своих семействах и избавитесь от таковых подобных апоплексических ударов.

того был долго в Троицко-Сергиевой Лавре и Москве; многие из моих знакомых его видели и с ним говорили: он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый; многие барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей; он им отвечал, что он не провидец и что он тогда только предсказывал, когда вдохновенно было велено ему, что говорить. С 1820 года уже более никто не видал его, и неизвестно, куда он девался.

VII
ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

VII
ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

1801 года 12 марта император Александр I Павлович вступил на престол. Более всего обрадовало Россию, что в манифесте о восшествии своем он возвестил, что будет царствовать по сердцу бабки своей, великой Екатерины.

Я с женой в начале сего месяца поехал из Москвы в приданые ее казанские деревни*, но за распутицей принужден был завесновать** в Нижнем Новгороде. Случилось мне быть у кн.Грузинского***, как ввечеру, часов в девять, вбегает почтмейстер**** в расстроенном виде, вызывает хозяина в кабинет; пробыв там с минуту, он с поспешностию отправился обратно. Князь отвел меня к стороне и сказал, что проехал курьер в казанскую адмиралтейскую контору с манифестом императора Александра о вступлении его на престол, что подорожная у того курьера печатная по приказу императора Александра I. Время было критическое. «Отчего же нет с манифестом курьера в Нижний?» — сказал я князю. «Пожалуйста, никому не говорите: из того могут произойти ужасные последствия». На другой день поутру нижегородский купец Костромин, пришед ко мне, сказал, что он уже дня три ожидал сего интересного и приятного известия. Несмотря на скрытность, весь город знал о проезде того курьера, и все были в ужасном недоумении. Уже на третий день в полночь услышан был заунывный звон соборного колокола. Губернатор***** прислал ко мне объявить о получении манифеста, предлагая мне прибыть в собор к присяге: тогда только отлегло на сердце. Причина замедления сенатского курьера была та, что он с сим манифестом послан был по пути сперва в Ярославль и Кострому, а потом уже прибыл в Нижний и отправился в дальнейшие губернии.

Радость на другой день была общая: друг друга поздравляли и обнимали, как будто Россия была угрожаема нашествием варвар и освободилась.

Император Александр I начал тем, что тотчас заключил мир с Англией******, которой флот под командой Нельсона подступал к Ревелю. Послал повеление донским козакам, следовавшим к Волге, в Симбирской гу-

бернии, возвратиться на Дон; в прошлом царствии всех сосланных в Сибирь и содержащихся в крепостях повелел освободить; возобновил совестные суды, уничтоженные Павлом.

Рассказывал мне Александр Дмитриевич Балашев, в то время был он генерал-майором, в Ревеле военным губернатором и командующим сорокатысячным корпусом прибрежного войска, что когда английский флот подошел к Ревелю, а наш, за льдом, не мог выйти на рейд, то произошла такая тревога, что не знали, что и делать. Адмирал Нельсон прислал к Балашеву просить позволения наливаться водой. На это Балашев отвечал, что не только он не может то позволить, но, ежли бы можно было, он бы лишил его той воды, которую его флот имеет. Нельсон прислал вторительно сказать, что он удивляется таковому отказу, когда мир заключен между обеими державами, в удостоверение чего приедет к нему в крепость без оружия со всеми флагманами и капитанами кораблей. Балашев просил сделать ему сию честь, а сам с донесением отправил курьера к императору, который разъехался с посланным от государя к Балашеву [с известием] о заключении мира.

Нельсон на шлюпках, со всеми им объявленными, прибыл в Ревель и Балашеву рекомендовал своих подчиненных: такой-то — первый атаковал при Абукире французский флот*, такой-то — первый прошел через Зунд** и т.д. Балашев угостил гостей как можно лучше, после чего они отправились на свой флот, и как скоро оный налился водой, то и отправился обратно с положенною с обеих сторон пушечной салютацией.

В августе государь император прибыл в Москву короноваться. Народ встретил его с превеличайшим восхищением, но народ когда не радуется? кричит всем «ура!»: кричал «ура Павлу!», кричал «ура Александру!» и кричал «ура Николаю!». Истинная любовь познается после кончины государей, а не по вступлении на престол.

Торжество коронации было великолепно: Александр, молодой, прекрасный мущина, в короне и мантии, был идеал монарха, обещавшего быть образцом всех государей и отцом своих подданных. После священнодействия коронации к престарелому иерарху, митрополиту Платону, подошед, князь Зубов сказал: «Я думаю, ваше высокопреосвященство устали». — «Очень устал, — отвечал митрополит, — однако ж я думаю, что вы не заставите меня еще так уставать». — «Не беспокойтесь, — возразил ему князь; этот не ваш воспитанник»; ибо Платон был законоучителем Павла I.

В царствование императора Александра многие изданы благотворительные узаконения: уничтожена вовсе тайная канцелярия[61], учреждение министерств*, университеты в Казани, Дерпте, Харькове, Вильне, Абове, С.-Петербурге, а Московский университет преобразован по особому новому плану**; в Москве учреждена медико-хирургическая академия, в Царском Селе лицей, в Петербурге Императорская Публичная библиотека***; восстановлено свободное рыболовство по Каспийскому морю, позволено всякому званию людям приобретать земли, а помещикам целыми селениями отпускать крестьян, именуя их вольными хлебопашца-

[61]Тайный приказ начало свое возымел при царе Иоанне Васильевиче Грозном. Он возник вместе с введением опричников; по временам уничтожался и снова был восстановлен при царе Борисе и продолжался по причине бунтов и заговоров против государей, также умножения раскольников в знатных домах, приверженцев к старым обычаям, преобразования России при государе императоре Петре I и возникаемого вольнодумства касательно веры и правительства. Тайная канцелярия при царе Алексее Михайловиче известна была под словом «слово и дело». Кто на кого сказал «слово и дело», несмотря ни на какое лицо, тот сам лично должен был представить доносчика в ближайшее присутственное место, которое обязано было обоих с поспешностию проводить в тайную канцелярию, которая не менее была ужасна испанской инквизиции. Прежде всего, если в извете кто не признавался и известного был доброго поведения, пытали доносчика (почему и пословица была: «Доносчику первый кнут»). Ежели же он утверждал в доносимом им, то пытали и мучительски истязали, на кого доносили; случалось, что слуга, злобствуя на господина, или подчиненный на своего начальника напрасно доносили, однако ж пытка производилась. Первому, которому поручен был тайный приказ, был дьяк Федор Михайлов и Данила Полянской. При Петре I главным начальником был неумолимый государь Ромодановский, сильно действовала тайная канцелярия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Петр III положил основу Екатерине II ослабить. В ее царствование тайною канцелярией под руководством заведывал Шишков****, разными способами, без больших жестокостей, по доносам выведовал касательно умыслов противу правительства и оскорбление Величества. Ежели что открывалось важное, то докладывали императрице, и уже от нее зависело решение; но ежели только были дерзкие речи, наглые поступки, то тогда он таковых секал розгами и брал подписки, чтоб никому о том не объявлять, да и кто скажет, понеся такое оскорбительное наказание. Иногда императрица узнавала вредные речи против правительства, в избежание судебного порядка, чрез которое могли бы пострадать многие, посылала его произвесть подобное тайное взыскание, равно и за шалости, развращающие нравственность, как-то: в Москве был «Евин Клоб», составленный из знатных дам, как сказывали, что в оном происходило неслыханное похабство. Зато как скоро Шишков приезживал в Москву, то знали, что приезд его недаром, и так его боялись, что к кому в дом приезжал, хотя по личному знакомству или по родству, дамы падали в обморок. Конечно, скажут, что это было варварство, но если тайным малым телесным наказанием заменяет по законам лишение чинов и дворянства и ссылки, то, конечно, извинительно такого рода самовластие; там более что во время Екатерины понапрасну никто не пострадал и довольно свободно судили о Дворе и о ней; кто за оную черту переходил, то, вспомня о Шишкове, останавливался.

ми*; учреждено управление водяных и сухопутных сообщений; учрежден для дворян 24-летний банк; учреждены военные поселения** (которые, дай бог, чтобы для России по времени не были пагубны).

Грузия покорилась добровольно под Российскую державу***.

Россия пользовалась миром и благоденствием под кротким скипетром государя Александра I до 1805 г.

Император сделал наступательный союз с Австриею****, чтобы сделать оплот против колоссального могущества Франции. Отправил корпус из 60 т. войск под командою генерала М.Л. Кутузова к соединению с австрийскою армиею в Баварии. Кутузов, прошед Вену, приближался уже к реке Энсу, как узнал, что австрийский генерал Мак в Ульме сдался со всею армиею. Кутузов остановился в Брунау; не оставалось ничего более делать, как ретироваться, но славная сия и примерная ретирада может уподобиться ретираде Ксенофонтовой*****, ибо атакован был всею торжествующею французскою армиею, угрожавшей отрезать все пути к отступлению; но российская армия не только что-либо потеряла, но всегда с большою выгодою сражалась. При Кремсе кн.Багратион поразил маршала Мортье, который на рыбачьей лодке спасся чрез Дунай, и, оставлен будучи прикрывать отступающую армию с 6 000 человек, быв окружен тридцатитысячным корпусом Мюрата, пробился и через два дни у Вишау соединился с главною нашею армиею.

Император Александр из С.-Петербурга 9-го сентября отправился к армии; вся гвардия была уже в походе, и разные корпусы сосредотачивались в Моравии.

14 ноября государь прибыл в главную квартиру армии Кутузова, который был усилен знатным числом войск присоединившихся к нему пришедших из России и австрийским корпусом, состоявшим близ 25 т. под командою принца Лихтенштейна, из-под Ульма****** ускользнувшего.

Кутузов представлял государю, что как Наполеонова армия еще не вся собралась и гораздо слабее австро-российской, то и должно воспользоваться и атаковать немедленно, но государь сказал, что он дал слово гвардии без нее не сражаться; когда же гвардия присоединилась, то уже армия Наполеона была в превосходных силах; почему Кутузов представлял, чтобы ретироваться к подходящим корпусам Эссена и Беннингсена и, соединившись с ними, тогда дать баталию. Государь сказал ему: «Видно, это не бегущих турок и поляков поражать, а здесь ваше мужество притупляется». — «Государь, — сказал Кутузов, — извольте сами располагать

атакою, а что я не трус, вы сами изволите усмотреть, что я буду сражаться как солдат, а как генерал я отказываюсь».

На другой день прибытия государя Наполеон прислал поздравить его с прибытием к армии и просил личного свидания, но государь послал вместо себя своего генерал-адъютанта кн.Долгорукого; Наполеон предлагал сделать мир с Австриею на выгодных для нее условиях; но князь Д<олгорукий>, как молодой человек, отверг оный и в запальчивости много наговорил неприятного Наполеону, который сказал: «Скажите Его Величеству, что с соболезнованием принужден продолжать войну».

20 ноября была несчастная и постыдная Аустерлицкая баталия*, где наши войска претерпели столь сильное поражение, что надолго потеряли тот дух, который их делал непобедимыми. Можно приписать одной только политике Наполеона, что он не разбил русских наголову и дал свободу отступать.

23-го в местечке Галиче отдан был следующий приказ:

«Истощенные силы венского двора, несчастия, постигшие оный, как же недостаток продовольствия, невзирая на сильное и храброе подкрепление российских войск, заставили римского императора на сих днях заключить с Франциею конвенцию, за которой должен вскоре последовать мир**. Его императорское величество, пришед на помощь своего союзника, не имел иной цели, как собственную оного защиту и отвращение опасности, угрожающей державе его; видя в настоящих обстоятельствах [пребывание] своих войск в австрийских пределах ненужное, [повелеваю], оставив оные, возвратиться в Россию».

Государь требовал от Кутузова рапорта о баталии Аустерлицкой, но тот отвечал: «Вы сами распоряжались войсками, я не имел ни малейшего в том участия; я завишу от воли Вашего Величества, но честь моя дороже жизни». Государь никогда ему того не простил[62]. Сего же года отправлен был вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин с эскадрою к прежним нашим силам, защищавшим Ионическую республику, и сделан он главнокомандующим над всеми там находившимися морскими и сухопутными силами, коих было около 15 т. Прибыл он туда, приобрел уважение всех тамошних народов, а особливо черногорцев; занял крепостцу Боко-ди-катаро, по своему местоположению неприступную; вопре-

[62]Но после, уже в 1806 году, 14 января, написана реляция, которая помещена была в «Ведомостях».

ки перемирия нашего с Франциею и повеления сдать оную французам, удержал за собою. Во многих сражениях с ними под начальством маршала Мармонта герцога Рагузского всегда одерживал поверхность, но уже после несчастного Тильзитского мира* Боко-ди-катаро сдана французам. В течении сей кампании два раза одерживал победу в Архипелаге над турецким флотом.

По утверждении мира с Франциею, началась война с Англиею**. Сенявин получил повеление возвратиться в Россию; претерпев ужасную бурю, принужден был для исправления кораблей войти в Лиссабонскую гавань, и где он, атакован и заперт превосходными силами англичан, принужденным нашелся сделать с ними конвецию, делающую ему честь, состоящую в том, чтобы [англичане] русские корабли хранили в своих гаванях до заключения мира и тогда бы отдали в таком положении, в каковом им сданы; а всех, как начальствующих флотом, так всех офицеров и матросов доставили бы в Ревельский и Кронштадский порты. По прибытии Сенявина в Петербург государь, быв противу него предупрежден, лишил его милости во все продолжение его царствования. Но Сенявин заслужил к себе не только от всех морских уважение и любовь, но и всех русских, знающих цену достойности людей, и верных сынов России. Уже при государе императоре Николае I употреблен был по своему званию.

Аустерлицкая баталия сделала великое влияние над характером Александра, и можно назвать эпохою его правления. До того он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, коварен, строг [до] безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду; к одному гр.Аракчееву имел полную доверенность, который по жестокости его свойства приводил государя на гнев и тем отвлек от него людей, искренно любящих его и Россию.

Наполеон, окончa войну с Австрией, сделал прежде открытия оной с Пруссией секретное постановление, дабы отвлечь ее от союза, по которому Пруссия заняла Ганновер. Но тогда, имея руки развязанные, объявил Пруссии войну***. Император Александр армии своей приказал двинуться к Висле.

В одну кампанию после Йенской баталии прусские войска истреблены, столица занята и все почти крепости и королевство Прусское как бы было уничтожено. В таком грозном виде Наполеон, подошед к российским границам, объявил войну.

[1806]. Государь издал манифест о сей войне, учредил милицию*, разделя Россию на семь областей; дал власть главнокомандующим оными наравне с главнокомандующими за границею. Я был избран казанским дворянством губернским начальником. Конечно, милиция сама собой не могла действовать: 1-е, не было оружия, хотя дворянство и всякого звания люди жертвовали ружьями и саблями (а притом знатные суммы денег); но оного было столько мало, что в казанской милиции на 8 т. человек ружьев не было 500. Притом еще они были разнокалиберные, охотничьи, без штыков, для чего вооружены были пиками, наподобие штыков. 2-е, дворянство, вступившее в милицию поголовно, давно уже отставшее от военной службы; иные состарились, другие обленились, а много таких, которые почти никогда не служили в военной службе, а только по гражданской. Однако ж ратники отчасти научены были строиться без вытяжки, маршируя равняться; собранные ружья отданы были по частям, и люди научены были заряжать и стрелять в цель. Ежели бы милицию подвигали частями к действующей армии, и замещая ратниками убыль, в сражениях последовавшую, вместе с прочими, размещенными по полкам, то армия всегда была бы в комплекте. В таковом виде милиция большую могла бы принести пользу, а особливо в своих границах.

Когда уездные начальники принимали ратников, то я предписал, чтобы они отмечали в списках тех, которые были по промыслу стрелки, то есть: в Казанской губернии, в Царевококшайском и Козмодемьянском уездах черемисы промышляют стрелять дичь, и закупщики из Москвы покупают оную по заморозам в большом числе. Также сии черемисы бьют дробовиками белок и, чтобы не испортить шкурку, метят ее в нос; охотники сии ходят поодиночке на медведей с одним ружьем и рогатиною. Когда я представил списки набранным ратникам объезжавшему VII область** главнокомандующему, князю Юрию Владимировичу Долгорукому, то, увидя он отметку «по промыслу стрелок», спросил меня, что это значит? Как я ему пояснил, то он сказал, что это будут егеря лучше тех, которые в армии. По поводу чего представил императору, чтобы из каждой губернии его области сформировать из таковых по батальону стрелков и отправить в армию, на что государь и изволил указать. Я сформировал тот батальон стрелков и отправил в Смоленск; там его обмундировали, дали негодные ружья и начали учить стрелять, прикладываясь по принятому образцу регулярных войск, вместо того чтобы оставить их

целить, как они привыкли, и стрелять без промаха; а потому они не могли уже оказать ту пользу, какой я от них ожидал.

Главное начальство над армиею поручено было фельдмаршалу графу Каменскому, который к оной прибыл тогда, когда уже французы начали военные действия; по каким причинам он скоро оставил армию, верно никто не знал. Вместо него принял начальство армии генерал Беннингсен*.

О действии наших войск я скажу только поверхностно: баталии наши, выигранные по реляциям: под Пултуском, Прейсиш-Эйлау и прочие, — оканчивались всегда ретирадою, что не очень всех русских радовало, привыкши слышать в царствование Екатерины и при Павле [о] славной кампании Суворова в Италии, действовавшего всегда наступательно. Тогда, когда часть французской армии занята была осадою Данцига, тогда наша армия была совершенно без действия, когда же Данциг сдался и французская армия соединилась, тогда Беннингсен предпринял разные неудачные атаки; подобные ошибки и несообразные предприятия ощутительно показывают худой успех кампании. В мае государь прибыл в Тильзит. Претерпенное поражение под Фридландом принудило нашу армию ретироваться к своим границам и занять позицию за Неманом. В Тильзите заключен мир. Государь и король Прусский** имели с Наполеоном свидание на плоту, утвержденном посреди Немана, где положено основание мира между воюющими государями: русские границы остались неприкосновенно те же с присовокуплением Тарнопольской области. Прусское королевство приведено в ничтожное положение. Из земель по левую сторону Эльбы составлено Вестфальское королевство, которого королем сделан был брат Наполеона Иероним. Курфюрст Саксонский*** возведен в достоинство короля и получил герцогство Варшавское, составленное из всех отторгнутых от Польши владений королями Прусскими. Все крепости прусские, взятые Наполеоном, остались занятыми французами.

При возвращении государя в С.-Петербург чрез Ригу спросил [он] тогда бывшего военного губернатора А.А. Беклешова: «Что же не поздравляешь меня с миром?» Тот ему отвечал: «Государь, мы не привыкли радоваться таковым невыгодным мирам».

Милицию велено распустить, с позволением помещикам и казенным поселянам взять обратно тех ратников, коих пожелают, а которых пожелают оставить на службе, тем дать зачетные рекрутские квитанции; ос-

тавшимся на службе сделать разбор: рослых и лучших людей в гвардию, потом в армию, потом в гарнизоны, потом в крепостную работу, а уже совсем неспособных — в пожарную команду. Всем служившим в милиции дворянам даны золотые медали на владимирской ленте и позволено им носить милиционные мундиры с отличием, какие места они занимали; многие награждены орденами, в числе которых и я получил орден Св.Анны 2-ой степни, украшенный алмазами.

Из Казанской милиции поступило в армию, гвардию и гарнизоны более 4 тысяч человек, в оружейный Ижевский завод Вятской губернии, учреждавшийся г<осподино>м Дерябиным, 2 тысячи человек. Назначенных в армию и гарнизоны приказано было отправить на подводах в Кавказский корпус, разделяя по 500 человек в партию, и каждую при двух начальниках из дворян, служивших в милиции, и с обещанием, которые довезут исправно, наградить их следующими чинами.

По сдаче отчета в людях, суммах и провианте, отправился я в Москву. Отправленные мною команды на Кавказ не скоро доставили мне квитанции в доставлении ратников, ибо задержаны были при возвращении в карантине, по случаю бывшей там заразы; между тем военный министр граф Аракчеев в «Ведомостях» обеих столиц* объявил благодарность чиновникам, отводившим ратников, что они исправно доставили их, почти всех здоровых, и ни одного из них не бежало.

Когда я получил от бывших тех дворян, под моим начальством находившихся, рапорты и квитанции, тогда рапортом донес бывшему главнокомандующему VII областью кн. Ю.В. Долгорукому, рекомендуя их [к] обещанному награждению; он от меня рапорта не принял, сказав, что милиция кончилась. Я написал о том к министру внутренних дел кн.Куракину, который мне отвечал, что без рекомендации главнокомандующего он представить государю не может. Поэтому я решился утрудить самого государя следующим прошением:

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ,

Когда ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было высочайше повелеть учредить земское войско, я имел счастье от дворянства избран быть начальником его в Казанской губернии и, наконец, вместе с отличными в представлении от главнокомандующего VII областью удостоился МОНАРШИХ щедрот, всемилостивейше пожалованных нам в чинах и отличиях. Из сего войска некоторые отряжены были для

отвода ратников в Георгиевскую крепость и на Закамские оружейные заводы и при тогдашней распутице чрез столь великое расстояние более 4000 человек довели сохранно, лишась только бежавшими 14 человек, умершими 30-ти и оставя в лазаретах по дороге с небольшим 200 человек, что с похвалою засвидетельствовано г.Военным Министром в «Ведомостях» обеих столиц. Те из чиновников, кои находились в Георгиевске, удержаны были на долгое время по причине предосторожностей, там определенных, и как они, так и бывшие на Закамских заводах вместе с своими собратьями не получили ВЫСОКОМОНАРШЕЙ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА милости, хотя трудами своими и истощением собственных доходов справедливое заслужили награждение.

Благодарность к сословию дворян, ввергнувших мне себя в начальство, и верноподданнический долг к службе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА побудили меня испрашивать от главнокомандующего VII областью особливого о них представления, но он не принял сего на себя единственно потому, что комитет о милиции уже кончился, и позволил мне донести о не получивших награждение господину министру внутренних дел; сие исполня, принял я недавно уведомление его сиятельства, что оные чиновники в общем представлении главнокомандующего не внесены, то и не может уже о них сделать особого доклада.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР! С чувством величия и снисхождения примите ревность верноподданного и ходатайство его пред освященным престолом ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о моих собратьях, столь отлично исполнивших, по долгу своему, высочайшую волю, коих список, себя и представление мое повергаю к стопам ВАШИМ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ, не находя уже других средств сделать их известными пред моим МОНАРХОМ.

На что от г.Молчанова, при приеме прошений находившегося, получил, что государь приказал мне дать знать, что все уже награждения по милиции кончились. По крайней мере, я не упустил ничего к изъявлению моей благодарности дворянству Казанской губернии, удостоившему меня быть начальником его, засвидетельствовать пред монархом о их ревностной и усердной службе.

1807 года Порта нарушила мир. Генерал Михельсон занял Молдавию и Валахию, покоря Хотин*. Спустя 8 месяцев при посредничестве Франции опять мир восстановлен в Слободзее 24 августа. Российские войска должны были оставить Молдавию и Валахию; но турки не прежде могли занять оные, как по размене трактатов. Переговоры, открытые в Яссах в 1809 году, не достигли мира, и война в том году опять возгорелась.

Возникшие споры со Швециею о границах причиною были войны, которая была так славна и выгодна для России. Всюду шведы были поражаемы, в Финляндии все крепости взяты и неприступный Гельсингфорс; наконец, зимою по замерзшему Ботническому заливу российская армия двумя колоннами, 1-ая, чрез Аландские острова, а 2-ая выше, прямо вошла в Швецию, приведя в трепет Стокгольм. Причиною** сего было отречение короля Густава IV от шведского престола. Герцог Зюдермаландский, дядя короля, вступил на престол под именем Карла XIII, сделал с Россиею мир с уступкою навсегда всей Финляндии до реки Торнео, приняв в наследники себе французского маршала Бернадота, принца Понтекорво***.

В 1810 году государь ездил в Эрфурт для свидания с Наполеоном и заключения иудейской**** их обоюдной дружбы, при чем был и несчастный ощипанный король Прусский. Следствием чего был заключен союз с Франциею, с тем чтобы запереть все гавани англицкой коммерции, как и вообще во всей Европе*****. Цель Континентальной сей системы Наполеона была: подорвать торговлю Англии и тем заставить их умерить тиранство на морях над всеми державами.

Наполеон снова объявил войну Австрии******. Россия должна была послать вспомогательный корпус для сделания в пользу его диверсии; корпус сей поручен был генералу кн.Сер<гею> Фед<оровичу> Голицыну, который имел тайное повеление делать сколько можно менее вреда бывшим нашим союзникам; что он и исполнял, хотя Наполеон приносил беспрестанно за бездействие его жалобы.

В некотором деле австрийцы имели поверхность над Наполеоновыми войсками; кн.Лихтенштейн уведомил генерала кн. А.И. Горчакова, командующего войсками на австрийской границе; тот отвечал письмом, поздравляя его с победою, и что сердце всех русских радуется поражению французов. Сие письмо было перехвачено поляками и доставлено Напо-

леону, потребовавшему удовлетворения; кн.Горчаков был отставлен, и велено ему жить в своих деревнях и не въезжать в столицы.

Война сия кончилась тем: императору* титуловаться не Римским, а Австрийским, и принужден был отдать дочь свою, Марию-Луизу, замуж за Наполеона. Сделан Рейнский союз, которого протектором объявил себя Наполеон**.

В сем же году война с турками возобновилась, командование армиею поручено было генералу кн. Багратиону. Он переправился через Дунай, одержал многие победы, но не получил успехов, ожидаемых государем, почему принял командование армиею генерал гр.Ник<олай> Мих<айлович> Каменский, который не много приобрел лучших выгод противу своего предместника, штурм Рущука был для русских несчастлив, потеряв много войска, принуждены были отступить. По некотором времени, к сожалению, он умер. На место его уже в исходе 1811 года принял армию Кутузов, окончивший сию войну славным образом. [Он дал] свободу визирю перейти Дунай на левый берег, где запер его в лагере и принудил сдаться. После чего заключил мир в самое нужное для России время, в 1812 году***. Наполеон, узнав о сем мире, чрезвычайно был озлоблен против турок, и если бы, по намерению его, удалось ему победить Россию, то, конечно бы, турки за сие дорого заплатили.

[1812]. Между тем скоплялась туча, которая готовилась разразиться над Россиею; Наполеон с грозными силами приготовлялся напасть на наше государство, которое только одно еще на твердой земле не вовсе от него зависело.

Александр был не обманут; он видел, что сильное вооружение Наполеона было целью завоевание России, с своей стороны усиливал войска, формируя новые полки, а старые комплектовал большим набором рекрут. Однако ж с обеих сторон изъявляли дружеское один к другому расположение. Посланник Коленкур представлял гордое лицо и пользовался, казалось, слепою доверенностию императора. В начале 1812 года, незабвенного для русских, и, можно сказать, для всего света, армия сближалась с прусскими и австрийскими границами, равно и вся гвардия выступила из Петербурга. Учреждены были две армии, первая поручена генералу Барклаю-де-Толли, главная квартира в Вильно. Вторая поручена была кн.Багратиону, главная квартира в Бресте. Корпус в Волыни поручен был генералу графу Тормасову. В феврале французские войска

перешли Эльбу и Одер, направляя движение к Висле. В конце апреля уже все неприятельские силы собрались.

По известиям, Наполеон прибыл в Дрезден*, где имел свидание с императором Австрийским, с королем Пруссии и, как хозяином, королем Саксонским. В его свите были: король Вестфальский Иероним, Неаполитанский Иоахим Мюрат, вице-король Итальянский принц Евгений Богарне и известные французские маршалы.

Армия его состояла из 600 т. человек французских и союзных войск, как-то: австрийских, прусских, вестфальских, голландских, итальянских, неаполитанских, баварских, виртембергских, частью из шпанских и многих княжеств Рейнского союза.

Император Александр с великим князем Константином Павловичем прибыл в главную квартиру армии, Вильну, и сделал нужное распоряжение.

Двенадцатого июля неприятельские корпусы под начальством маршалов Нея, Даву, Удинота, Макдональда, Понятовского вошли в российские пределы, перешед Неман почти в одно время в Юрбурге, Ковно, Олитте и Мерече.

Государь издал манифест, в котором, между прочим, известил, что «не прежде положит оружие, пока ни единого неприятеля не останется в земле русской, и что на начинающего Бог». Приказал армии ретироваться к Дриссе на Двине, в приготовленный заранее укрепленный лагерь; Багратиону послал повеление соединиться с первою армиею; сам отправился в Москву, где имел счастие получить известие о заключении Кутузовым с турками мира.

Повелел учредить военное ополчение во всех губерниях для усиления армии и еще рекрутский набор с 500 душ по 10 чел. К командованию в Молдавии армиею послал адмирала Чичагова, а Кутузова отослал в Петербург, где он был выбран там губернским начальником ополчения.

Государь, по прибытии в Петербург, ездил в Финляндию, город Абов, там имел свидание с наследным принцем Шведским, бывшим принцем Понтекорво.

Тут я опять останавливаюсь описывать подробно военные действия, кроме важнейших происшествий и последствий оных.

Обе армии не могли прежде соединиться, как только под Смоленском. Ретирада обеих их могла бы назваться победами, если бы от необъятной, сверх всякого размера силы не были подавляемы превосходною силою:

ни в которой армии порядок не был расстроен, ни один шаг без оспаривания не был отступаем, со значительною потерею неприятеля.

Я был в Казани, как в «Московских ведомостях» увидел о взятии Смоленска*. Отец мой там был в своих деревнях; неизвестность, что с ним случилось, чрезвычайно меня тревожила. Между тем поехал я с моим семейством в Симбирскую губернию к свояченице моей Л.П. Чирковой, жившей от Симбирска в ста верстах, где получены были еще ведомости о славной Бородинской баталии, одержанной М.Л. Кутузовым, посланым принять начальство над всею армией настоянием императрицы Марии, матери государя, и всех там бывших, преданных к любезному нашему отечеству[63]. Удачная его баталия, а более еще, что он командовал армией, оживила всех русских. Ожидали, что Наполеон, принужден будучи в первый раз в своей жизни отступить к прежней своей позиции, оставя поле сражения, будет ретироваться. Тем более обнадежены были, что Кутузов в реляции сказал, что на другой день пойдет атаковать французов.

Если бы сие и случилось, то самое отступление Наполеона могло бы быть пагубно для России, ибо отступя к Смоленску, подкрепя себя резервом, заняв все полуденные губернии, снабдив армию обильно провиантом и всем потребным, а притом мог сформировать сильные войска польских и литовских губерний, которые при самом его вступлении уже душою ему предались. Но Господь Бог в неисповедимом своем совете хотел показать перст своего гнева, низвергнув кичливого врага вселенной, и милосердие к России, возвеличив ее пред всею Европою.

Послан был от нас за почтою в Симбирск [нарочный], которого ожидали с нетерпением; но целые сутки человек не приезжал и приехал уже через день, сказав, что почта не приходила; тогда поняли мы, что случилось важное несчастье. Я уговорил свояченицу ехать с нами в Казань, где скорее можно получать известия и по оным предпринять нужные вообще меры. Надобно было проезжать деревню на большой Московской дороге, бывшую Р.Е. Татищева, у которого мы имели ночлег. Тут мы уведомились, что сенат и многие места правления из Москвы выпровождены, частные люди, которые могли, выехали, и тут же увидели из Москвы проезжающую в свои деревни графиню Орлову со многими с нею бывшими.

На другой день хозяин наш получил письмо от Волкова, бывшего в Москве полицмейстером, повергшее нас в неизъяснимую горесть: он в

[63]Иные уверяют, что генералы, видя несогласие главнокомандующих двух армий, послали просить государя прислать для командования оными Кутузова, как старшего генерала во всей армии.

оном уведомлял, что наша армия ретировалась через Москву, и Наполеон в тот же день в нее вступил, предал пламени древнюю нашу столицу, и, кроме стен каменных домов и груды кирпичей, в Москве ничего не осталось.

Прибыв в Казань, мы уже там нашли сенат московских департаментов, институты Екатерининский и Александровский, чиновников и воспитанников воспитательного дома, ломбард оного с вещами и суммами опекунского совета и множество всякого звания жителей московских. Некоторые из них выбрались в самый день сдачи Москвы; рассказывали они разные анекдоты, один другого печальнее, и что от самого Володимира дорога была покрыта экипажами, едущим и идущим народом. Все были мрачны, унылы и горевали по отчизне, забыв о потере своей собственности, оставленных в Москве домах с имуществом, в числе которых и я того же лишился.

За Бородинскую баталию Кутузов пожалован фельдмаршалом, и дано ему 100 т<ысяч> рублей; всем нижним чинам по 5 рублей, рекомендованные все награждены орденами и чинами щедро.

После кровопролитнейшей Бородинской баталии, в которой с обеих сторон было более 300 т<ысяч> войска и более 1 500 пушек, фельдмаршал, видя, что Наполеон был втрое его сильнее [и] отрядил два корпуса* через Волоколамск обойти нашу армию; притом видя великую убыль в людях, особенно в генералах, убитыми и ранеными, в числе которых кн.Багратион ранен и после вскоре умер, гр.Кутайсов, сын бывшего любимца императора Павла, запечатлел кровию фавор своего отца, у генерал-лейтенанта А.И. Бахметьева** оторвало ногу ядром; всех генералов убитых и раненых убыло из фрунта 18 человек, множество штаб- и оберофицеров, нижних чинов до 30 т<ысяч> человек. Почему и принужден был ретироваться к Москве.

Предвидя, что если бы он пред Москвою дал баталию, то не мог бы ее спасти, а потеряв всю армию, оставил бы Россию на произвол Наполеона, почему решился сдать древнюю столицу. 3-го сентября, прошед Москву, взял направление к Калуге и Туле, заняв крепкую позицию при Тарутине, чрез что закрыл полуденную часть России, откуда шли войска, продовольствие и приходили к нему отовсюду подкрепления.

Наполеон того же числа вошел в Москву, думая быть встречену с ключами так, как входил в Вену и Берлин, но вместо того, кроме простого народа и тех, кои не могли выехать, никого не было; имущества, как казенные, так и частные вывезены, даже и полиция выступила, увезя с

собою все пожарные орудия. Продовольствие нашел маловажное. Тут он увидел, что, заняв столицу, не покорил еще Россию и что удержать ее за собою было затруднительно. Не скоро узнал он, какое направление приняла российская армия.

Народ необузданный для грабежа зажег некоторые части Москвы, в чем на тот же конец способствовали и его [Наполеона] войска. Пожар превратил большую часть столицы в пепелище.

Фельдмаршал разными политическими переговорами провел и удержал Наполеона в Москве до 10 октября, главное состояло в том, что будто ожидал от государя полномочия заключить мир.

Фельдмаршал учредил разные летучие отряды вокруг Москвы по разным дорогам, партизанов, действующих на коммуникацию неприятельскую и препятствующих подвоз жизненых продовольствий. Сии партизаны были: Денис Давыдов[64], Фигнер, Сеславин и Кудашев, лишавшие неприятеля его транспортов, военной амуниции и прервавшие сообщения со всею Европою.

Народ вокруг Москвы поголовно сам вооружился и истреблял французских фуражиров и мародеров.

Сожалительно, что мало известно верного о пребывании Наполеона в Москве; было некоторого рода устроенное правление, которое давало защиту прибегающим к оному; чем воспользовался оставленный в Москве действительный статский советник Тутолмин, директор Воспитательного Дома. Как скоро вошли французы в Москву, он тотчас, уведомясь, что Лесепс сделан губернатором, явился к нему и выпросил для охранения дома салвогвардию, и во все время жил у него полковник жандармов с командою, чем дом тот сохранился в целости, и продовольствовал воспитанников мальчиков (ибо вывезены были одни девочки свыше 10 лет) не только бывшими запасами, но и посылал чиновников своих за продовольствием вне Москвы за подписанием видов полковника жандармов. Сверх того пропитывал многих русских, которые не имели способа выехать из Москвы. Наполеон призывал его к себе и приказал ему донести государю, что сожжение столицы должно приписать не войскам его, но самим русским. Ослушаться было невозможно, и он донес государю, что исполняется сие по повелению изустному Наполеона*.

[64]Он первый подал мысль о партизанах на коммуникации неприятельской и первый был отряжен, вначале с малым числом.

В течение сего времени генерал граф Витгенштейн, оставленный с корпусом для защиты Петербурга, разбил маршала Удино, который был ранен; по нем принял начальство маршал Гувион Сен-Сир, которого разбил 18 июля и 20 под Полоцком, крепко им укрепленном; во время сего штурма Петербургское ополчение отличилось. Но в сих победах лишились храброго генерала Кульнева*.

Тормасов имел счастливые успехи противу саксонцев и австрийцев под командою французского генерала Ренье.

Молдавская армия под предводительством адмирала Чичагова шла к Волыни и скоро сей край очистила, поспешая соединиться с главною армиею, а отряды оной устрашали герцогство Варшавское. Рига, угрожаемая осадою, заставила генерала Эссена сжечь предместья оной, а потом посыланными им отрядами удалены были в Курляндию прусские войска.

Туча, носившаяся над горизонтом России, стала проясняться, надежда и бодрость водворились.

В таком положении дела были до 6-го октября, когда потребовал Наполеон решительного ответа о мире. Тогда фельдмаршал, усилясь пришедшими подкреплениями и быв уже в состоянии действовать наступательно, велел объявить Наполеону, что тогда только война начинается, а о мире он и думать не хочет. Тогда приказал генералу Беннингсену атаковать неприятельский авангард, бывший при речке Чернышне, под начальством Мюрата**; он был совершенно разбит, отнято у неприятеля 38 орудий, 40 зарядных ящиков, весь обоз и все принадлежавшее королю Неаполитанскому, до 2 500 чел. пленных, но мы лишились генерал-лейтенанта Багговута.

10-го числа Наполеон оставил Москву***, 11-го числа генерал-лейтенант Винценгенроде****, имев свой пост по Петербургской дороге, близ Клина, прибыл с отрядом к Москве, и, видя, что, кроме Кремля, Москва неприятелем оставлена, по неосторожности попался в плен, и уже генерал-майор Иловайский, принявший после него команду, занял столицу. Французы, выступая из Кремля, взорвали часть оного*****; подкоп, сделанный под Успенский собор, при взрыве к Ивановской колокольне провод был засыпан, и тем собор уцелел, Всемогущий сохранил древний храм, где помазываются российские государи. Тоже чудесно сохранился образ Николая Чудотворца на Никольских воротах, которых половина по самую икону взлетела на воздух так, что и стекло у образа не повредилось.

Наполеон хотел прорваться чрез Малой Ярославец, чтобы ретироваться для лучшего продовольствия чрез полуденную часть России; но уже он нашел его занятым корпусом генерала Дохтурова, а потом и вся армия к оному подоспела. Сражение было упорнейшее, город семь раз переходил из рук в руки; наконец, Наполеон обращен по Смоленской дороге, и едва сам не попался козакам в плен. Тогда, как хищные птицы, русские его преследовали и беспрестанно поражали истощенные его войска от голоду и холоду.

Фельдмаршал, отправя генерала гр.Милорадовича с сильным авангардом и всех партизанов преследовать, и сам спешил боковым маршем чрез Ельню пресечь неприятеля ретираду к Красному.

Все сии известия о блестящих и счастливых наших подвигах восхищали нас, пребывающих в Казани; возблагодарив Бога, предались радости и веселию.

Государь наименовал Кутузова светлейшим князем Смоленским, который под Красным чуть было не перехватил Наполеона, но однако ж успел разбить маршала Даву, отнял у него всю артиллерию, причем и жезл его захвачен, потом корпус маршала Нея принужден был положить оружие, но Ней не в своем виде спасся бегством.

В ретираде французы бросали всю артиллерию и обозы, кавалерия их почти вся шла пешая, за неимением корму.

Чичагов с армиею своею поспешал пресечь ретираду Наполеону чрез Березину. Граф Витгейнштейн теснил перед ним ретирующие войска по тому же направлению, а главная армия шла по пятам; передовые корпуса ежедневно поражали его арьергард.

Чичагов не почитал себя довольно сильным отрезать от переправы французские войска, пропустил Наполеона, который, бросив свою армию, в санях приехал инкогнито в Варшаву, а оттоль уже не скрываясь отбыл во Францию*.

Наконец неприятель был выгнан из российских пределов. Из числа приведенных им войск потерял более 200 т<ысяч> челов<ек>; взято в плен 50 генералов, 2 545 штаб- и обер-офицеров, 1 052 пушки, которые теперь служат памятником преславного нашего триумфа пред Московским Арсеналом; тут видны орудия французские с гербом королевским, с надписью республиканскою и с вензловым именем Наполеона; тут видны орудия: неаполитанские, итальянские, сардинские, баварские, голландские, вестфальские, прусские, саксонские, польские и австрийские.

Государь прибыл к армии в Вильну*, облобызал Спасителя России, мудрого Фабия, фельдмаршала светлейшего князя Смоленского** и храброго защитника петербургской столицы и всего того края генерала гр.Витгенштейна.

Вскоре сделана была конвенция с австрийским фельдмаршалом принцем Шварценбергом, очистившим Варшавское герцогство. Прусский генерал Йорк отложился от французской армии, сделав условие соблюдать неутралитет, равно и другие прусские корпуса сему последовали. Часть наших войск послана преследовать бегущих неприятелей за Одер.

Двадцать пятого декабря государь издал два манифеста: 1-й, возблагодарение Господа Бога за избавление России от неприятеля, 2-й, о сооружении в Москве храма Христа Спасителя в память побед над врагом церкви.

Простил всех поляков, предавшихся Наполеону, то есть находящихся в подданстве России, в польских и литовских губерниях.

[1813]. 1813 года 1-го января российская гвардия под предводительством Цесаревича Константина Павловича перешла границу. 20-го февраля занят русскими Берлин и очищена шведская Померания.

В первых числах марта государь с королем Прусским заключил союз***. Заняли Дрезден, и все крепости в герцогстве Варшавском взяты; Данциг обложили, где с многочисленным гарнизоном начальствовал Рапп.

Апреля 16 скончался в Бунцлау посреди своих геройских подвигов Спаситель Отечества. Смерть его оплакала вся Россия. Тело его отправлено в С.-Петербург и погребено по повелению государя в Казанском соборе.

Наполеон, собрав новые силы, шел стереть посрамление свое, претерпенное в России. Российско-прусская армия поручена была гр.Витгенштейну. Под Лютценом произошла баталия, которую мы проиграли и после которой наша армия ретировалась за Эльбу.

В мае при Бауцене вторительно соединенные наши армии проиграли баталию и принуждены были ретироваться к Богемии. Во время ретирады прусский фельдмаршал Блюхер при Ганау атаковал и разбил преследовавший французский корпус под командою маршала Нея.

23 мая заключено перемирие до 8 июня; для переговоров о мире должен был быть составлен конгресс в Праге, на который должны были быть уполномоченные министры: российский, английский, прусский, швед-

ский и испанских инсургентов; с другой стороны: французский, Союзных Американских Штатов, короля Испанского, австрийский и всех государей итальянских и германских.

В течение сего перемирия Наполеон укрепил Дрезден, Лейпциг, Эрфурт и Гамбург. Маршал Даву, начальствовавший в Гамбурге, взял с оного контрибуцию 45 мил<лионов> франков.

Во время перемирия российские войска получили знатное подкрепление. Прусские войска успели устроиться и вооружиться лучше, нежели как они были перед перемирием, быв наскоро сформированы.

Перемирие продолжено было до 4 августа. Коленкур пред истечением перемирия объявил, что он не может начать переговоры, ежели перемирие еще не будет продолжено; в такой отсрочке Наполеон имел крайнюю нужду, потому что англичане и испанцы разбили его армию под Витториею*. Предложение Коленкура [было] отвергнуто, и союзники 4 августа перемирие прекратили.

Австрия в сие время решилась приступить к наступательному союзу России и Пруссии**. Шведский наследный принц с шведскою армиею прибыл в шведскую Померанию.

Над Большою австро-российскою и прусскою армиею принял начальство австрийский фельдмаршал князь Шварценберг, Силезскою — прусский фельдмаршал Блюхер. Резерв всей армии составляла польская армия под командою генерала Беннингсена. Северная армия была под главным предводительством генералиссимуса шведского Наследного Принца. Кроме сих армий учреждены были летучие корпуса российских, австрийских и прусских партизанов под командою разных генералов. В Италии была особенная австрийская армия, которою командовал генерал Гилльер. Число войск в союзной армии было до 400 тыс. Французы считали не менее свою.

По прекращении перемирия главная Богемская армия двинулась к Дрездену, чтобы отвлечь силы от Силезской армии. При атаке Дрездена оторвало ядром ноги известному французскому маршалу Моро, прибывшему из Америки, отчего он вскоре умер. Жаль, что сей прославленный муж хотел принять участие противу своего отечества, хотя и под предлогом желания избавить Францию от тиранического деспотизма Наполеона.

Богемская армия, исполня свое предприятие, отвлекши неприятельские войска в Силезии, ретировалась к Богемии. Но отрезанный французский корпус в 40 т<ысяч> под начальством Вандама, [отправленный]

действовать в тылу Большой армии, отрезал было при Кульме Гвардейский корпус, в 8 т<ысяч> состоящий, под начальством гр.Остермана-Толстого, который, несмотря на несоразмерность числа неприятельских сил, пробился и удерживал позицию, пока Цесаревич приближался с подкреплением, и многие другие войска. Корпус Вандама почти весь истреблен, и сам [он] взят в плен с шестью тысячами человек и всею артиллериею, из 64 пушек состоящею. Сим геройским подвигом Гвардейский корпус увенчал себя вечною славою; но у графа Остермана ядром [была] оторвана рука.

В то же время фельдмаршал Блюхер при Кацбахе разбил Макдональда, взял 103 пушки и 18 т<ысяч> пленных.

Наследный шведский принц при Денневице разбил Нея, взял до 2 000 пленных и 20 пушек.

Приятные известия о победах узнал я в Москве, в проезде к отцу моему, в Смоленскую губернию. Нельзя было увидеть Москву без сердечного сокрушения: уцелели только в Кремле некоторые здания, Китай-город (но не Гостинный двор), улицы: Тверская, Дмитровка, Петровка, часть Лубянки, Покровка, Мясницкая, Кузнецкий мост, Большая Мещанская и Запасной дворец. Остальное все было выжжено, и кое-где оставались небольшие домики.

По Смоленской дороге только что начали выстраиваться некоторые деревни. В Московской губернии все убитые тела были сожжены, а в Смоленской до самого города не надобно было спрашивать о дороге, а следовать по большим могилам, бывшим по обеим сторонам в самом близком расстоянии одна от другой. Города Гжатск, Вязьма, Дорогобуж и самый Смоленск представляли печальное зрелище; стена в Смоленске во многих местах была подорвана.

Отца моего в его деревне Рославльского уезда нашел, благодарение Богу, здорового; во время нашествия неприятелей он укрывался в Бельском уезде, на границе Псковской губернии. Смоленское дворянство почти все на то время выехало в ближние губернии. Оставались родственник мой Павел Иванович Энгельгардт и Шубин, из побуждения, чтобы вредить неприятелю. Когда они были французами схвачены и принуждаемы присягнуть Наполеону, то за отрицание от сего были расстреляны; жены их за верность мужей государем были щедро награждены.

Я умалчиваю о победах не столь великих, одержанных нашими генералами, которых было множество.

Наши летучие корпуса действовали успешно по бокам и в тылу французской армии; генерал Чернышев занял Кассель, и король Иероним едва мог спастись. 21-го сентября Северная армия соединилась с Силезскою. 23-го Наполеон, оставя Дрезден под защитою сильного корпуса, которым начальствовал маршал Гувион-Сен-Сир, сосредоточил все свои войска при Лейпциге.

Король Баварский* вступил в союз с австрийским [и] российским императорами и королем Пруссии; войска, бывшие при Наполеоне, отозвал и обратил против него.

Все союзники решились атаковать неприятеля в занимаемой им позиции. 4 октября союзная армия в 10 часов утра начала атаку во всех пунктах. Сражение было упорное и продолжалось 5-е и 6-е число. 7-е, в семь часов утра, возобновлено нападение, неприятеля загнали в Лейпциг. Император Александр с королем Пруссии находились на возвышении в 500-х саженях от города. Саксонский король прислал парламентера просить 4 часа отсрочки, чтобы пощадить город, но государь отверг сие предложение. Колонны только ожидали повеления двинуться, и, получа оное, все войско, закричав: «Виват! Ура Государь Император Всероссийский!» — ринулось к городу. Наполеонова армия в совершенном расстройстве побежала. Взято в плен 20 генералов, 37 т<ысяч> человек, 370 пушек, 200 т. ружей; убитыми и ранеными полагается до 60 т<ысяч>. Наша потеря несравненно менее. Кн.Понятовский в реке Плейс утонул. Генерал Сакен послан преследовать неприятеля, вслед ему пошла вся армия. Несчастное бегство французов вторительно представило картину бегства их от Москвы и Березины.

Король Виртембергский** также приступил к союзу и отдал армию свою в распоряжение баварскому генералу Вреде.

Наполеон, собрав идущие к нему подкрепления из Франции и с ними некоторые войска уцелевшие, видя занятый Ганау генералом Вреде, хотел пробиться и перейти чрез мост на реке Кинциг, но в тот день был отражен.

Девятнадцатого числа возобновил атаку, генерал Вреде, видя превосходство неприятельских сил, принужден был оставить Ганау; Наполеон тем воспользовался и ретировался к Франкфурту. Во время своего отступления французы при разных поражениях лишились половины своих войск, ушедших из Лейпцига.

Маршал Гувион Сен-Сир в Дрездене сдался военнопленным с тридцатитысячным гарнизоном. Двенадцатого декабря генерал Рапп на капитуляцию сдал Данциг, обороняясь в оном с отчаянною храбростию.

Двадцатого декабря фельдмаршал Блюхер, перешед Рейн, вступил во Францию.

Действующие в 1814 году силы союзных монархов состояли из следующих армий:

I. Большая австро-российская армия под командою кн.Шварценберга, к которой принадлежали: австрийские отряды под командою гр.Колоредо, кн.Лихтенштейна, принца Гессен-Гомбургского, генерала Бианки, графов Гиулая и Бубны, главная российская армия под командою гр.Барклая-де-Толли и корпус гр.Витгенштейна, баварская армия под командою гр.Вреде, виртембергская армия под командою кронпринца Виртембергского.

II. Российско-прусская армия под главною командою фельдмаршала Блюхера, к коей принадлежали: прусские корпуса генералов Йорка и Клейста, русские корпуса гр.Ланжерона, Сакена и кн.Щербатова, саксонский корпус под командою герцога Веймарна и генерала Тиллемана.

III. Армия наследного шведского принца, к коей принадлежали: шведский корпус под командою фельдмаршала Дебинга*, прусский корпус генерала Бюлова, русские корпуса Беннингсена, гр.Воронцова, гр.Строганова, Винценгероде, Тетельборна, Дернберга, Чернышева, англо-немецкие и ганзеатические под командою гр.Вальмодена.

IV. Австрийская армия в Италии под командою гр.Бельгарда.

V. Англо-испанская и португальская под командою лорда Веллингтона.

VI. Собирающаяся в Соединенных Нидерландах армия англо-голландская.

Сверх того должно к сему причислить прусские войска под командою генерала Тауцена, осаждающие крепости на Одере и Эльбе, и дополнительные войска, подходящие к союзной армии.

Я умолчу о действии наших армий во Франции, будучи в таком числе, казалось, чтобы ничто не могло против них устоять. Но гений Наполеона напрягал свои силы; искусными своими маневрами и доверенностью к нему храбрых французских войск [он] не только долго противился и удерживал союзников, но еще в иных местах по частям побеждал их. Военные люди приписывали честь и отдавали ему справедливость, что то была его лучшая кампания. Наконец, при победах его всегда терял и

истощал свои силы. Предпринял намерение прорваться между союзников и идти к границам Франции, чтобы тем заставить его преследовать и оттянуть [союзников] от Парижа, а между тем, собрав гарнизоны из крепостей и оными себя усилив, дать генеральную баталию, победить и заставить своих неприятелей оставить Францию.

Государь, постигнув его план, собрал совет, на котором положено, и как сказывают, что то было по настоянию Барклая-де-Толли, послать сильный корпус кавалерии надзирать и за ним следовать, а самим со всеми силами идти к Парижу.

10 т<ысяч> кавалерии поручено было для сего предмета генералу Винценгероде. Наполеон обманулся, думая, что вся армия его преследует, и радовался успеху своего предприятия; узнал свою ошибку, но уже поздно. Пошел обратно к Парижу и пришел к Фонтенбло, когда уже Париж был занят союзниками.

После 13 марта* император Александр с королем Прусским, соединя все армии, пошел к Парижу. Остатки корпусов маршалов Мюрата и Мармонта в числе двадцать пять т<ысяч> человек, претерпев поражение, отретировались к Парижу и встали в укреплениях на горах Монмартра и Бельвиля. 17-е число, союзники приблизились к Парижу. 18-го поутру началось сражение и кончилось в 6-ть часов вечером; Монмартр взят приступом, на поле взято 80 пушек, и уже наши войска готовились вооруженною рукою вступить в столицу Франции, как маршал Мортье прислал парламентера для заключения капитуляции о сдаче Парижа.

Вечером того же числа мэры всех частей города прибыли в главную квартиру императора Александра для испрошения пощады и покровительства жителям. Государь дал в том свое монаршее слово.

Девятнадцатое число, поутру союзные монархи вступили в столицу Франции. При въезде в заставу государь пожаловал Барклая-де-Толли фельдмаршалом, сказав ему: «Parfait, Mr. le Maréchal»**. Подобным образом пожаловал гр. Ланжерону орден Св. Андрея, сказав ему: «Mr. le Comte, vou avez perdu cela à la hauteur de Monmartre, et je l'ai trouvé»***.

Их величества остановились в доме г. Талейрана; войска расселились по всем частям города, окрестности Пале-Руаяля походили на бивак.

Жители Парижа, когда проезжал император, наполняли воздух кликом: «Vive l'Empereur Alexandre! Vive le Roi Louix XVIII!»****

При въезде союзников в Париж генерал Сакен назначен губернатором, а прусский генерал Ягов комендантом оного*****.

Император Александр издал прокламацию, что союзники не будут иметь дела с Наполеоном Буонапарте, что они признают целость древней Франции в том виде, как она была при законных ее королях, вследствие чего приглашают Сенат сделать временнное правление.

Папа*, содержимый во Франции, отправился в Рим.

Король испанский Фердинанд VII, содержимый во Франции, быв освобожден, вступил на престол своих предков.

Двадцатое число. Сенат избрал членами временного правления принца Беневендского, Талейрана**, сенатора гр.Бернонвиля, сенатора гр.Жокура, дюка Дальбергского, г-на Монтескью.

Двадцать первое. Воспоследовало низложение Наполеона Буонапарте с престола Франции и возвращение Бурбонов.

Наполеон письменно отрекся от престола в Фонтенбло 26 марта.

Граф д'Артуа, брат Людовика XVIII, торжественно въехал в Париж 26 марта. Император австрийский прибыл в Париж 30 марта. Король Французский Людовик XVIII торжественно въехал в свою столицу 8 апреля.

Того же числа поутру выпровожен из Фонтенбло император Буонапарте на остров Эльбу, назначенный ему для пребывания, в сопровождении генералов: российского, прусского и английского. Бертран последовал за ним.

Я был в Москве, когда получено официальное известие о взятии Парижа, отречении Наполеона и вступлении на престол Лудовика XVIII. Торжество в опаленной столице было восхитительно***; без всякого приказания вся Москва несколько дней была иллюминована; один пред другим выдумывали эмблематические прозрачные картины. Дворянство сделало особый праздник в доме Полторацкого****, у Калужских ворот, от пожара уцелевшем. А.М. Пушкин сочинил «Пролог», соответствующий сему торжеству; княгиня Вяземская со многими дамами и девицами представляли оный*****; бюст государя императора был поставлен на пьедестале, богато и искусно украшенном, охраняемый и увенчанный гениями, и к нему хор относился. Надпись на пьедестале сочинена была князем Вяземским:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!
Какой венец ему? Какой ему алтарь? —
Вселенная! пади пред ним: он твой спаситель;
Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь!

Для народа поставлены были амфитеатры с балансерами****** и разными фокусниками; иллюминация с эмблематическою картиною была превосходна; по окочании «Пролога» сожжен был фейерверк, а потом бал продолжался до пяти часов утра.

Император, по заключении мира с Франциею*, которого главнейшие статьи состояли в том: Франция приведена в старинные свои границы, из которых вывел ее революционный поток, с королем Прусским 25 мая отправился в Англию; в Булони сели на линейный корабль «Imprenable» («Непреодолимый»), пристали в Дувр и прибыли в Лондон, где приняты были с восторгом не только принцем-регентом**, двором и знатным дворянством, но и простым народом. Из Англии, сев на корабль в Портсмуте, где государь распростился с принцем-регентом, отправился в Голландию, откуда сухим путем прибыл в Петербург 13 июля, прямо в Казанский собор. Народ его принял с восхищением, уже не с принужденными кликами «Ура!», [как] когда он возвратился после Аустерлицкой баталии, но с живым чувством восторга.

Сенат и Синод подносили ему и упрашивали принять именование Благословенного. Государь отрекся от оного с таковым выражением: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце своем благословляю оный. Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие!»

Государь издал следующий указ:

«Указ Святейшему Правительствующему Синоду, Государственному Совету и Правительствующему Сенату.

Внимая посланному ко мне от Святейшего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената прошению о воздвигнутии мне в престольном граде памятника и принятии наименования Благословенный, не мог я, во глубине души моей, не почувствовать величайшего удовольствия, видя, с одной стороны, действительно свершившееся над нами благословение Божие, а с другой, чувствование государственных сословий, подносящих мне самое для меня звание лестнейшее, ибо все старания и помышления души моей стремятся к тому, чтобы теплыми молитвами призывать на себя и на вверенный мне народ Божеское благословение, и чтобы быть благословляемому от любезных мне верноподданных, любовь вообще от всего рода человеческого; сие самое есть верх моих желаний и моего благополучия! Но при всем тщании моем достиг-

нуть до сего, яко человек, дерзновенно мыслить, что я уже достиг до сего и могу сие звание принять и носить! Тем паче почитаю я оное с правилами и образом мыслей моих несогласным, что всегда и везде преклоняя верноподданных моих к чувствам скромности и смирению духа, сам первый покажу несоответствующий к тому пример; сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убеждаю государственные сословия оставить оные без всякого исполнения; да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце своем благословляю оный. Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие!»

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако: Александр.

Тогда император был во всей своей славе: русскими — обожаем, в Европе — превозносим, не только как победитель, но как величайший политик, великодушный и скромный благотворитель рода человеческого; все несли ему в дань свои души и сердца. Со времени Аустерлицкого сражения, за несправедливый гнев его к Кутузову и оскорбление других генералов понапрасну, он отвлек сердца подданных своих, но после торжества его все было забыто. Ожидали, что мир доставит России благоденствие, что император будет более заниматься внутренним устройством государства, что он, увидя настоящую цель военной службы, не будет заниматься мелочною; но впоследствии оказалось противное, и военная служба сделалась несноснее и труднее; от генералов требовали то, что требовалось от низших классов офицеров.

[1815]. В 1815-м году монархи и уполномоченные съехались в Вену на конгресс*, где сделано положение владениям всех, участвовавших в войне с Франциею. Австрия получила в свое владение все, прежде ей принадлежавшее в Верхней Италии со включением бывшей Венецианской республики. Король Иоахим** остался неаполитанским королем. Папа при прежних своих церковных владениях. Сардинский король*** получил прежнее свое королевство. Эрцгерцогине Марии-Луизе, бывшей женою Наполеона, даны герцогства Пармское и Пьяченское. Голландия названа Нидерландским королевством с присоединением всех Нидерландов.

Король Прусский получил все прежние свои владения, взамен герцогства Варшавского, кроме Великого Герцогства Познанского, часть земель от Саксонии и за Рейном. Швеция получила Норвегию, взамен которой уступлена шведская Померания. Англия получила под свое покровительство Ионическую республику. Варшавское герцогство названо Царством Польским и присоединено к Российской империи. Наполеону с титлом императора оставлен остров Эльба как особое правление, позволено ему иметь до 800 человек войска и несколько небольших судов.

Когда союзные монархи занимались устройством государств в Европе, тогда Наполеон со своим войском выехал из острова Эльбы и произвел во Франции революцию. Народ скоро к нему пристал, равно и войска, его обожавшие, по пути к Парижу к нему приставали; ничто не могло противиться торжественному его маршу. Король выехал в Гент, где и оставался до времени вторичного низвержения Наполеона.

Как скоро дошли известия о сем событии союзным монархам, бывшим на конгрессе, они тотчас послали повеление, чтобы войска их шли к границам Франции.

Наполеон снова провозгласил себя императором французов, король Неаполитанский объявил себя его союзником и шел с армиею своею с ним соединиться.

Наполеон, набрав войска, пошел атаковать англичан и пруссаков в Нидерландах. Прусская армия под командою Блюхера встретила его, была разбита и ретировалась к своим подкреплениям. Наполеон пошел против английской армии под начальством Веллингтона в позиции при Бель-Альянс* и атаковал оного; уже англичане начали ослабевать, как Блюхер, получив подкрепления, пришел вовремя и стремительно ударил во фланг французов; англичане, ободрившись, атаковали их с лица. Тогда поражение Наполеона было совершенно. Он потерял всю артиллерию, и бегство его уподобилось как из России и из-под Лейпцига. Обе союзные армии преследовали по пятам неприятеля без отдыха до самого Парижа. Наполеон вторично отрекся от престола, уехал к берегам Британского пролива, где и отдался в покровительство Англии.

Фельдмаршал Веллингтон и Блюхер потребовали сдачи Парижа [и] вошли в оный; король Людовик XVIII возвратился в свою столицу, объявил прощение всеобщее, кроме некоторых лиц, как-то: маршала Нея расстреляли и некоторых других, более способствовавших к измене. Я не пишу историю чужих государств, а потому о всем, там происходившем, умалчиваю.

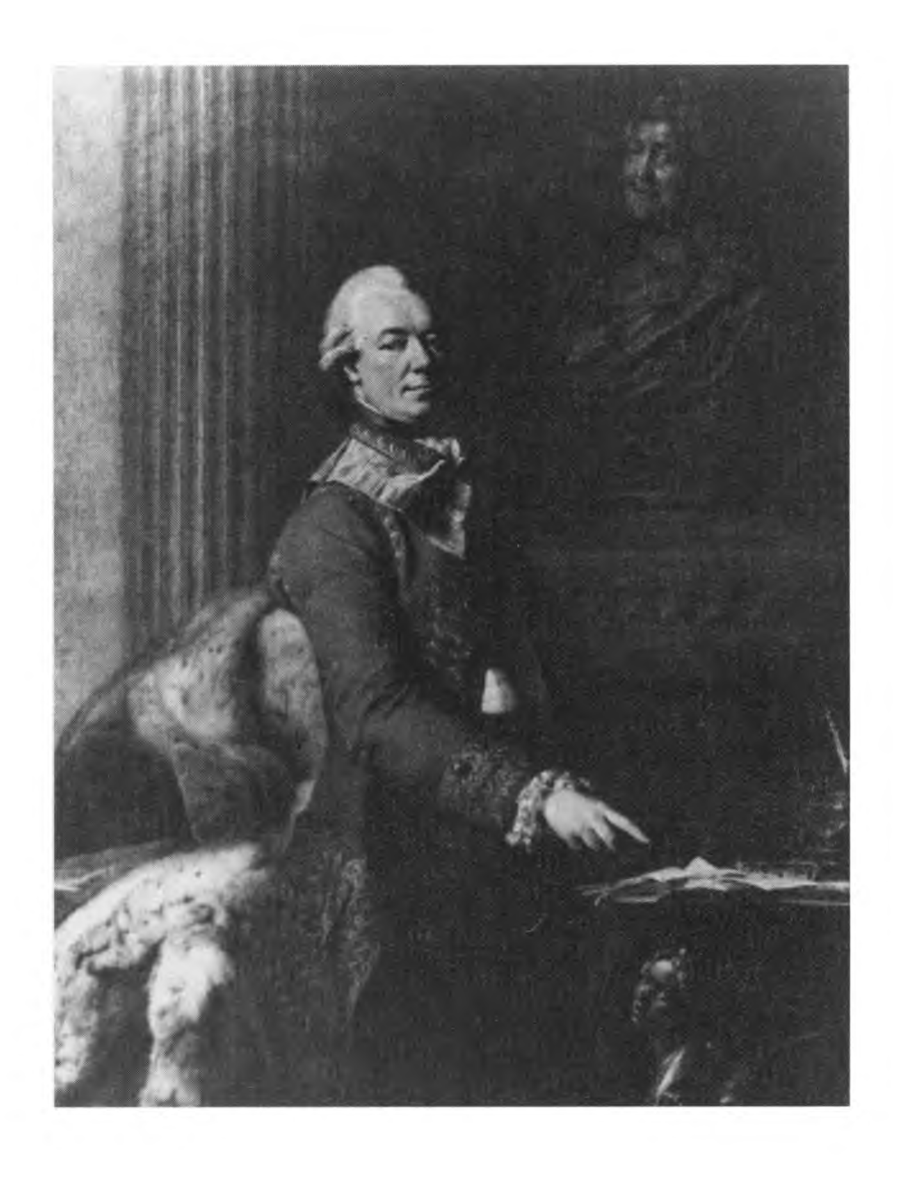
Л. Н. Энгельгардт (1807—1808)

Е. П. Энгельгардт (1807—1808)

С. К. Вязмитинов

З. Г. Чернышев

А. Р. Чернышева

Г. А. Потемкин

В. В. Энгельгардт

Ф. Е. Ангальт

И. А. Игельстрем

Г. С. Волконский

Н. В. Репнин

П. А. Румянцев

А. В. Браницкая

И. Е. Ферзен

В. А. Зубов

И. П. Салтыков

Б. Ф. Корринг

С. Г. Зорич

С. И. Шешковский

Л. Н. Энгельгардт

А. Ф. Ланжерон

Ю. В. Долгоруков

А. Л. Баратынская

Е. А. Баратынский

Император Александр и король Прусский с своими и австрийскою армиями прибыли в Париж.

В Италии находившаяся австрийская армия разбила Мюрата, заставила его отрещись от Неаполитанского престола в пользу прежнего короля Обеих Сицилий*. Наполеон по согласию всех европейских держав сослан на остров Св.Елены, где он чрез несколько лет там и умер. Во время пребывания союзных государей в Париже положено, чтобы все произведения искусства, при республиканском режиме и Наполеоне похищенные, как-то: статуи, картины, мраморы, бронзы и прочее, откуда что взято, по принадлежности всякое владение могло взять обратно; в числе чего и колесница, взятая на Триумфальных воротах в Берлине, и шпага короля Фридриха II Великого.

Для охранения и соблюдения спокойствия во Франции от всех союзных государей оставлена часть их войск под начальством фельдмаршала всех дворов лорда Веллингтона, пока Франция не выплатит положенную контрибуцию; а прочие войска возвратились в свои государства.

Мюрат, думая играть Наполеона, явился в Калабрии и некоторых возмутил, но вскоре маловажная его толпа была рассеяна, сам был взят и, как возмутитель, расстрелян.

[1816]. В 1816-м году император ездил на конгресс в Аахен, а потом на короткое время был в Париже.

В оном году скончался в Смоленске мой отец в своих деревнях Смоленской губернии на 78-м [году] своей жизни.

[1817]. В 1817 г. устроены военные поселения в Новгородской, Белорусской, Воронежской и Харьковской губерниях, по поводу чего происходили беспокойства, а особенно за бритие бород, но строгими мерами все приведено в порядок.

[1818]. В 1818 г. двор прибыл в Москву и нашел ее уже выстроенною, как феникс, возродившийся из своего пепла.

Заложена была церковь Христа Спасителя, о которой сказано было в манифесте по изгнании неприятеля из российских пределов, за Москвой-рекой, у Воробьевских гор. К торжеству сему собран был большой корпус войск; государь со всем двором прибыл в церковь, что на Лужниках, отслушав литургию, которую совершал преосвященный Августин, за

крестным ходом всего московского духовенства шествовал император с императрицами, матерью и супругою, за ними великие князья и весь двор, император сам положил первый камень. После чего произведена пушечная пальба с батарей, поставленных у стоящего в параде корпуса войск.

Должно сказать, что план сего огромного храма сочинил по сонному видению архитектор Витберг, который не только ни одной церкви, но даже ни одной часовни и никакого дома не построил; хотя назначена была комиссия к построению сего храма, но он один распоряжался суммою 10 миллионов рублей, покупал деревни, 20 т<ысяч> душ для работ оного*. Сам получал в год 10 т<ысяч> рублей жалованья до тех пор, пока [не] окончит здание, имеющее строиться 50 лет.

Король Прусский, прибыв в Москву, до церемониального въезда остановился в Кунцове, принадлежащем А.Л. Нарышкину, расстоянием 5 верст от Москвы, взошед на бельведер, откуда видна вся столица, снял шляпу и сказал свите своей: «Господа, поклонимся сему преславному городу, пожертвовавшему собою для спасения своего государства, и который был и избавитель нашего отечества»; король Прусский, пробыв в Москве остальное время пребывания двора, отправился с оным в С.-Петербург.

[1819]. По случаю смерти моего зятя Вязмитинова, за несколько перед оною месяцев пожалованного графом, приехал я в Петербург навестить овдовевшую сестру мою и записать сына моего в гвардию. Граф Сергей Кузьмич Вязмитинов был из незнатного и небогатого дворянства Курской губернии, Рыльского уезда; записан был на службу почти ребенком в армейский полк, там квартировавший, сержантом; вскоре тот полк для содержания караула назначен был в Петербург. По прибытии туда потребован был от сего полка в канцелярию президента военной коллегии графа З.Г. Чернышева унтер-офицер, знающий хорошо писать; Вязмитинов был для сего наряжен. Остротой, прилежанием и поведением своим снискал он благосклонность правителя канцелярии, который, видя его дарования, отличал его и обращался с ним ласково; по поводу сего он познакомился и с графскими адъютантами. Праздное время от должности употребил он на изучение французского языка, в котором по времени был очень силен, занялся чтением касательно разных наук. Ум его, трудолюбивый и острый, доставил ему то, чему редкие могли выучиться, получа рачительное воспитание. Он пристрастился к музыке, и как в

штате графа некоторые были музыканты, то по охоте своей скоро выучился на виолончели, и играл на оном инструменте не как артист, но как охотник и знаток очень хорошо. Вскоре и граф Чернышев его узнал, сделал его своим флигель-, а потом и генерал-адъютантом. Он был при нем пятнадцать лет и управлял уже его канцеляриею и всеми делами. За учреждение белорусских губерний особенно он был графом рекомендован, за что императрица пожаловала ему в Белоруссии 800 душ. По истечении шести лет в звании генерал-адъютанта при фельдмаршале пожалован он полковником, и дан ему Вологодский мушкатерский полк, который он довел до того, что полк этот служил образцом во всей армии. Потом сформировал он Сибирский гренадерский полк, также доведенный им до совершенства. Обратил на себя внимание фельдмаршалов графа Румянцева и светлейшего князя Потемкина и стал известен самой императрице. По старшинству пожалован он был генерал-майором; по болезни же глаз и худому зрению принужден был оставить военную службу; пожалован был губернатором в Могилев, а потом сенатором. Императрица, почитая пост генерал-губернатора Уфимской губернии важным касательно башкирцев и Оренбургской линии, возвела его в сие достоинство, при котором он и оставался до вступления на престол Павла I, который, оттуда его вызвав, сделал губернатором Петропавловской крепости и генерал-кригскомиссаром и пожаловал тысячу душ в Минской губернии. В конце царствия его он был в опале. Император Александр пожаловал его генералом от инфантерии, вице-президентом военной коллегии; при учреждении министерства военным министром и главнокомандующим С.-Петербургским, но после Аустерлицкой баталии на него прогневался и отставил даже без мундира. Место его заступил граф Аракчеев, который, по некоторым обстоятельствам, был личным его неприятелем. Но к чести графа Аракчеева, и, можно сказать, в одном только сем случае, он показал себя незлобивым. Чрез две недели по приеме сей должности он подал государю просьбу об увольнении его от службы. Государь удивился и спросил своего любимца, какая тому причина? Тот ему отвечал: «Когда Ваше Величество отставили с таким позором Вязмитинова, то все думали, равно как и я, что он найден вами в нерачении, изобличен в злоупотреблении и расстройстве в делах; но когда я принял его должность и вошел в подробность дел, то увидел, что коллегия, департамент, равно и канцелярия главнокомандующего, все было в совершенном порядке: не только не заметил злоупотребления, но, напротив, я уви-

дел редкое его бескорыстие; а по тому судя, что ежели такой человек, каков Вязмитинов, служа всегда с такою честию столь долгое время императрице — бабке вашей, императору — родителю вашему и вашему величеству, отставлен так позорно, то я и всякий другой должны ожидать такой же участи, без всякой причины, по одному только вашему капризу. Для чего и прошу меня отставить, и я иначе не соглашусь служить, если не отдадут должной справедливости Вязмитинову». По поводу сего государь в приказе объявил, что Вязмитинов отставлен по просьбе его с мундиром и всем получаемым им трактаментом*, притом препроводил к нему лестный рескрипт. По некотором времени поместил государь его в Государственный Совет и возвратил к нему его доверенность: в начале 1812 года опять сделал его главнокомандующим в С.-Петербурге и министром полиции, пожаловал ему аренду на двенадцать лет, приносящую более сорока тысяч рублей ежегодного доходу. Возвратясь по взятии Парижа, он пожаловал ему орден Св.Андрея, а сестру мою кавалерственною дамой ордена Св.Екатерины 2-го класса; неоднократно жаловал его деньгами и один раз сто тысяч рублей под видом на экстраординарные расходы, без отдания в оных отчета, незадолго перед его кончиной и графским достоинством. Он во всю свою жизнь и службу не имел и не искал ни у кого протекции, приобретая чины и все единственно своею ревностною службою. Как он сверх родства был мне благодетель и дружески ко мне расположен, то я за долг почел изложить его биографию**. Скончался он семидесяти восьми лет, после пятидесяти лет службы. Похороны его были великолепны: сопровождали его гроб весь сенат и войска до Александро-Невского монастыря, где он и погребен. Государь посетил два раза вдовствующую его супругу, мою сестру, и пожаловал ей по жизнь все, что получал покойный Сергей Кузьмич.

В июле сгорела часть дворца в Царском Селе и лицея. Император был чрезвычайно огорчен, сказав, что до сих пор он был так избалован счастьем, что от сего времени страшится противного себе. На сей случай А.Л. Нарышкин сказал, что дворец царскосельский сгорел оттого, «que la cour n'a pas de pompe»***, ибо там не было пожарных инструментов.

Государь отправился в Варшаву на сейм****, где объявил в своей речи, что, дав Польскому Царству конституцию, даст таковую же и всей Российской империи. Откуда приехал в Вену на конгресс, где сделан был Священный союз главнейших держав европейских, по положению которого ни одно государство Священного союза не могло объявить войны;

если в котором возникнет мятеж и какой-либо беспорядок, то оный общими силами тотчас разрушить и водворить спокойствие.

Войска наши, быв долгое время в чужих краях, видя все государства во всей Европе управляемые законами и постоянными конституциями, и притом наклонность самого государя к таковому образу правления, как и подал повод к таковому ожиданию в торжественной его речи на Варшавском сейме, заразились духом времени. Молодые люди уже в 1818 г. составили тайные общества в Москве, а потом в Петербурге и в некоторых других губерниях, которые отчасти были известны императору, но он их пренебрег, дальнейших изысканий не делал, а искра сия тлелась*. Самые нижние чины почувствовали разность в обращении и содержании чужеземных войск, а притом и сами содержимы были за границею инаково, нежели в России. Там от них не требовалось изнурительной вытяжки, не занимали их беспрестанными учениями, довольствовали их лучшею пищею, и спали [они] на тюфяках; возвратясь в Россию, редко для постели имели хорошую и свежую солому, ели пустую кашицу и очень редко по небольшой порции мяса; требовалась от них чистота и опрятность в узких мундирах, без отдыха их учили, что и произвело между ними ропот.

Император увидел, что гвардейский Семеновский полк, которого, будучи наследником, был шефом, им самим избалованный, от прочих полков гвардии в экзерцициях отстал, [то] пред отъездом своим определил командиром оного полка полковника Шварца, служившего всегда в армии, не имевшего никакого воспитания, но отличавшегося чрезвычайной строгостию фронтовой службы. При отъезде своем государь сказал ему, что он надеется по возвращении своем не только найти Семеновский полк сравнившийся с прочими полками, но чтобы он, как первый полк, был бы во всем лучший.

Семеновский полк наполнен был офицерами из лучшего дворянства, людьми воспитанными и гордящимися пред прочими, быв в любимом полку государя. Солдаты были выбраны из всей армии лучшие. Уже само определение Шварца было им тягостно: как, армейский полковник будет ими командовать? Видя его грубое и неблаговоспитанное обращение, еще более против него вооружило. Офицеры говорили между собою, но так, чтоб некоторые нижние чины могли слышать: «Шварц может командовать скотами, а не людьми». К тому же, как он хотел, чтобы к приезду государя представить полк во всей исправности, стал беспрестанно учить

без отдыху. По обыкновению, полки гвардии в летнее время по частям отпускались работать на биржу*, где они вырабатывали много денег для улучшения своего содержания и чтобы чище одеваться, но за беспрестанным учением семеновские не имели на то времени, да и Шварц их не отпускал, что и обратило на него общее полка негодование. Всякий день требовал он, чтобы фельдфебели из каждой роты приводили к нему по десяти рядовых во всей амуниции и чтобы перевязи к сумам и тесакам были чисто выбелены; сам их учил ружейным приемам и маршированию; за малейшую ошибку наказывал их строго, к чему они не привыкли; а еще более несносно им было, что он их ругал поносно и непристойными словами, плевал им в лицо и прочее. Ежели [он] кого из них наказывал строже других, офицеры таковым давали деньги, браня Шварца. В один день лейб-роты фельдфебель привел, по обыкновению, 10 солдат с худо выбеленною амуницией. Шварц его выгнал, приказав привести других, а если они будут также неопрятны, то обещал дать 500 лозанов; а он уже имел три нашивки, означавшие 25-летнюю службу, и имел орденский знак, по которому от телесного наказания освобождается. Фельдфебель, пришед в роту, стал наряжать других солдат, но те ему сказали, что им амуницию нечем выбелить, что как они на работу не отпускаются, то и не на что купить ни мыла, ни клею, ни мела. Тогда фельдфебель сказал: «Ну, братцы, так мне придется принять 500 лозанов, ежели не приведу в таковом виде, в каковом полковник приказал». Вся рота закричала в голос: «Мы до того никак не допустим»**. Как он ни упрашивал, чтобы перестали противиться, но они и слушать не хотели. Фельдфебель пошел доложить ротному командиру капитану Кашкареву об ослушании роты. Кашкарев пришел к роте, стал увещевать, но солдаты отвечали: «Ваше Высокоблагородие, мы не ослушиваемся, но нам нечем белиться, как вам угодно». Капитан донес о том полковнику, а он поехал доложить великому князю Михаилу Павловичу как бригадному командиру. Великий князь прибыл в казармы и некоторых наказал; но солдаты в один голос и его высочеству сказали, что они не выходят из должного повиновения, но докладывают, что они не имеют денег, на что выбелиться, и просят его высочество сделать инспекторский смотр, по которому начальство усмотрит варварские с ними поступки полковника. Великий князь поехал к командующему гвардейским корпусом генерал-лейтенанту Васильчикову, который приказал всю роту в шинелях привести в экзерциргауз***, где собран был вооруженный гвардейский Павлов-

ский полк. Как скоро рота была приведена, то тотчас полк ее окружил и отвел со всеми офицерами в Петропавловскую крепость под арест. На другой день 1-ый батальон Семеновского полка должен был вступить в караул. За недостающим числом людей приказано было нарядить оных из других батальонов. Весь полк в шинелях без ружья вышел на плац-парад и требовал 1-ую роту, как составляющую голову полка, без которой отрекались идти в караул. Офицеры как ни уговаривали рядовых, чтобы перестали бунтовать, но они, снимая перед ними фуражки, отвечали с вежливостью одно и то же. Некоторые ворвались было в дом Шварца, но он скрылся.

Вскоре дошло об этом до великих князей и корпусного командира. Они, прибывши к полку на плац-парад, спрашивали о причине их бунта. Они отвечали: «Возвратите нам лейб-роту, иначе в казармы не пойдем». — «Лейб-рота за ослушание арестована, — отвечал Васильчиков, — она в крепости». — «Извольте и нас арестовать; если лейб-рота виновата, то и мы с нею виновны». Васильчиков приказал им идти в крепость. Весь полк пошел без малейшего сопротивления. В крепости их разместили в разные казармы. Лейб-гренадерский полк с заряженными ружьями назначен был в крепость, в караул к арестованному полку.

Через день Семеновский полк по частям за караулом отправлен в Кронштадт, а оттуда морем по разным приморским крепостям; одна только лейб-рота оставлена в Петропавловской крепости, как первая, которая возмутилась.

Во все время мятежа Семеновского полка тишина не была нарушена, и многие узнали о том спустя несколько дней после*. О всем том происшедшем отправлен к государю курьер с донесением**, по которому получен от государя указ: Семеновский полк кассировать; по частям нижних чинов разместить в разные отдаленные полки армии; офицеров [перевести] по Табели о рангах, также и юнкеров, в армейские полки***; Шварца отставить; Семеновский полк сформировать лучшими людьми из гренадерского корпуса, равно офицеров выбрать исправнейших, но считаться им наравне с молодою гвардиею****.

Государь дал секретное повеление корпусным командирам, чтобы бывших в Семеновском полку офицеров не брать в адъютанты, не принимать от них прошений ни в отставку, ни в отпуск и не представлять их к производству. В таковом несчастном положении сии офицеры были до коронации императора Николая I.

В то же время государь указал уничтожить все масонские и мартинистские ложи и всякого рода секты и тайные общества, обязав подпискою, чтобы никто не осмеливался быть членом таковых обществ, под строгим взысканием, а до того не только не было препятствия, но даже поощрение к самым нелепым сектам[65].

По возвращении государя в Петербург строго надзирали за авторами и журналами, чтобы ничего не писали о конституциях и ничего касаю-

[65]1788 году, в царствование Екатерины II подобное было гонение на мартинистов. Не только ложи были уничтожены, но и главнейшие члены оных сосланы в разные губернии по своим деревням, по подозрению, что не было ли у них тайного сношения с якобинцами и другими обществами революционной Франции, а еще более преданности многих членов к наследнику престола; утверждает сие мнение, что когда Павел I воцарился, то тотчас всех таковых повелел возвратить, многим из них явил свою милость и определил к должностям, в числе которых был кн. Г.П. Гагарин, написавший Банкрутский устав, столь пагубный для кредита.

Начало в России обществ (исключая ложи масонские) восприяло при главнокомандующем гр. З.Г. Чернышеве под названием филантропического. Оно имело в виду распространить просвещение в России и все, что может клониться к ее пользе. Главнокомандующий и все знатное дворянство были членами оного. Собирались один раз в месяц в доме П.А. Татищева, однако ж не осталось никакого памятника сего общества, который свидетельствовал бы в пользу оного; в одно полное собрание получен запечатанный листок на имя сего общества. Президент приказал секретарю прочесть ту бумагу, которой содержание было, что как общество занимается блаженством рода человеческого и разрешением важнейших проблем, то представляем им на заключение, от чего счастье в картах, от съемки или от тасовки. Сия маловажная насмешка сделала то, что сие собрание было последнее, и так оно рушилось. Думали, что императрице сие общество было неприятно, то будто она приказала написать сию сатиру, показав ничтожность собрания важных бояр, занимающихся мелочами; она нередко подобными самонезначущими поступками уничтожала, что ей не нравилось, не употребляя своей власти,и [не желая], сказать, [что это] мне не благоугодно.

После сего общества составилось другое*, которого предмет был: приуготовить людей для государственных должностей и духовного звания; подал к тому мнение г. Новиков, человек предприимчивый и дальновидного ума; предложил мысль свою бывшему тогда Московского университета куратору И.И. Мелиссино; оба они пригласили богатых людей сочувствовать им и быть благотворителями в сем полезном намерении, для чего вытребовали из ученейших студентов семинарий Московской, Киевской, Тверской и Володимирской, коих собралось вначале около 20 человек, а по времени было их до ста. Наняли особый дом, определили учить их лучших профессоров, стремясь возбудить в них страсть к изящному. В числе профессоров был Шварц, пылкого ума; общество поручило ему отправиться в Швецию, чтобы он там вошел в масонские ложи и по образцу тех учредил в России, которые до того были только для увеселения, а вместо того обратились бы к важнейшим предметам нравственности и христианской добродетели. Шварц в Швеции был принят в ложу принца Зюдермаландского, брата короля Густава III. Получил от него диплом для заведения в России таковых лож, которые должны были все зависеть от главного мастера, принца Зюдермаландского, шведской Северной ложи.

щегося до правления. Гр.Аракчеев взял сильную власть, обленившийся государь подписывал все, что граф ему ни подавал, которого суровый и жестокий нрав обратил к себе ненависть всех русских.

В 1821 году я лишился моего друга, жены и нежнейшей матери детей моих, с которой блаженствовал 22 года.

В сем году государь опять ездил на конгресс, сперва назначенный быть в Лейбахе, потом переведен в Вену, а кончился в Вероне*. По поводу возмущения в Неаполитанском королевстве карбонариев** все союзные государи приняли строгие меры. Австрийский император отправил тотчас сильную армию в сказанное государство; мятежники были разбиты и водворено там спокойствие; карбонарии рассыпались было и по другим местам, но равномерно были усмирены.

В сем же году восстала Греция против утеснителей их турок***; претерпенное сим несчастным христианским народом неизобразимо; ни одна держава не хотела принять участие в злополучии страждущей христианской религии у сих варваров и вступиться за свою братию. Отставной

По возвращении Шварца открылись разные ложи в Москве и частью в других губерниях; в Москве известнейшие члены были: Гамалея, Новиков, Поздеев, Тургенев, Гагарин, Лопухин, Ключарев, Трубецкие и много других. Множество завлечено было богатых простячков, которых обобрали, а некоторых разорили, но на иждивении которых множество сделано полезных заведений, как-то: сказанное училище, из учеников которого были два митрополита, Михаил и Серафим, выписали славного химика и аптекаря Бинтгейма, открылась Никольская аптека, снабженная всякими лучшими медикаментами, каковой до того в России не бывало; завели типографию; приглашены были многие ученые сочинять и переводить назидательные книги и касательно разных наук. Можно сказать, что с тех пор просвещение и словесность в России возымели сильные и быстрые успехи. Как сказано выше, императрица Екатерина уничтожила секту мартинистскую, но в самом своем гневе не приказала касаться Поздеева, бывшего известным за человека твердой честности, преданности престолу и отечеству. Он сам явился к главнокомандующему гр.Брюсу с объяснением, что как сочлены его высланы из Москвы, то долгом поставляет о себе напомнить, что он из числа ревностнейших членов в гонении бывшего общества и желает разделить с ними одну участь. Гр.Брюс объявил ему, что государыне угодно позволить ему остаться в Москве.

Хотя скрытно, но мартинистские ложи продолжались во многих губерниях, не имея влияния на важные предметы. В царствование Павла I общества сии возобновились и продолжились в царствование Александра I, между которыми в Петербурге были женские, как-то, ложа Хвостовой и Татариновой****. Развратная ложа была из иностранцев всякого звания, из гувернеров, торговцев и художников, но к чести русских ни одного из них не было; собирались они производить между собою неслыханное посрамление. Открыто оно было потому, что полиция думала, не кроется ли что политическое; но вместо того предметом сего поносного общества был разврат и развращать обоего пола воспитанников русских. Под видом мартинистских лож составились и другие особые тайные общества, которых цель открылась в 1825 году, 14-го декабря.

российский полковник князь Ипсиланти, сын бывшего молдаванского господаря*, хотел произвести революцию в княжествах Молдавии и Валахии, думая, что они оживлены тем же духом, что и греки в полуострове Морее**, но сия нация, бывши всегда рабами, не могла знать цену свободы; он набрал арнаут до 3 000 человек, но сии подлые наемники, как скоро турки вошли в Молдавию, разбежались. Ипсиланти, оставленный всеми, принужден был искать спасения в австрийских владениях, где он был схвачен и по настоянию Порты заключен в крепость, где содержался до 1827 года[66].

В Константинополе турки с греками поступали зверообразно, в ужасных мучениях и неслыханных истязаниях предавали смерти; цареградского патриарха Григория отдали жидам на поругание, которые его, распявши, умертвили и бросили в море. Греки, ночью оное тело взяв, отдали на отправляющееся российское судно в Одессу, где оно было принято с подобающею почестью его сану и как пострадавшему за веру.

Греки на полуострове Морее боролись несколько лет с такою храбростию, что достойны древних греков, своих предков. Об окончании их мужественных подвигов сказано будет в свое время.

Обращаюсь опять к случившемуся в России: содержание армии, 1 200 000 войска, стало тягостно России; поездки государя на конгрессы умножили расходы до чрезвычайности, а потому требовалось умножение податей; дворяне обедняли, торговля упала, земледельцы не в состоянии стали платить подушное за чрезвычайным понижением цен на хлеб, потому что некуда стало его сбывать; промышленность исчезла, к тому же несколько лет [был] неурожай; довершила все отмена откупа винной продажи: казна взяла на себя оную ответственность, почему все деньги, бывшие в обороте, оставались в казне. Государь совсем перестал входить в гражданскую часть. Злоупотребления возникли до чрезмерности: хотя и посылаемы были сенаторы ревизовать губернии и сменялись часто губернаторы, но новые не лучше были прежних; нравственность совсем исчезла, словом, Россия никогда не была в худшем состоянии. Государь, думая искоренить злоупотребления, думал разделить Россию на области, по пяти губерний в каждой, определяя начальниками известных ему ге-

[66]Кажется, что Ипсиланти имел на то тайное позволение Государя; трудно поверить, чтобы он сам собою решился на такое предприятие, не имев надежды на покровительство сильной державы.

нералов, и несколько таковых областей было учреждено*, но пользы мало оказалось, почему в последующем царствовании было отменено.

1824-го, 7 ноября. В Петербурге было великое наводнение, несколько дней прежде сего несчастного числа ужасные бури свирепствовали как в Немецком, так и в Балтийском морях, от которых прибрежные города и порты много претерпели. 6-го ноября, [в день], предшествовавший наводнению, дул сильный ветер от Финляндского залива при великом дожде, вода в Неве стала сильно возвышаться, в 7 часов вечера на Адмиралтейской башне выставлены были сигнальные огни, в ночь настала ужасная буря, с рассветом все каналы наполнились водою, и стала выступать на улицы; Галерная гавань, Васильевский остров, Выборгская и Петербургская стороны, Коломна, и постепенно покрылись водою все площади и улицы до самой Литейной. Погреба, подвалы и все нижние жилья наполнились водою, многие деревянные строения разрушились до основания, ужас во всей столице царствовал.

Катера разъезжали по улицам для спасения погибающих, на одном из оных, по повелению государя, был военный генерал-губернатор гр. М.А. Милорадович, а на многих других генерал-адъютанты государевы.

В третьем часу пополудни вода стала сбывать, в 7 часов уже начали ездить в экипажах, тротуары во многих местах стали удобно-проходимы, в ночь все улицы очистились, и вода вошла в подчиненный устав природы. Потеря в людях и имущества, как государственного, так и частных людей, неисчислима; утопших почиталось до 15 000 человек.

Государь учредил комиссию: 1-е, дать приют лишенным своих кровов; 2-е, снабдить пропитанием; 3-е, пожаловал миллион рублей более потерпевшим, в соразмерности каждого состояния. Вся Россия приняла участие, и каждый класс людей по силе возможности делал приношения; в городах открыты подписки и собраны великие суммы. Между прочими пожертвованиями в Москве благородные обоего пола любители музыки дали концерт, в числе отличившихся своими дарованиями были: пением княгиня Зинаида Александровна Волконская, граф и графиня Ричи; на фортепьяно сенаторша Рахманова и дочь сенатора девица Катерина Петровна Озерова. Сим концертом собрано 22 000 рублей. Чувствительнейшая потеря была повреждение бурею в Кронштате: разоснащенные и привязанные к фалам корабли сорвало, много из оных село на мель, другие совсем разбило, так что многие совершенно пришли в негодность; в самом Кронштате заводимое целым веком разрушено до основания. К

возобновлению всего того требовалось сумм непомерных, а времени и того более.

Подобное наводнение было в царствование императрицы Екатерины Великой, 1777 году 11 декабря; но не так было сильно и не нанесло таковых убытков и несчастья. С того времени учреждено давать сигналы пушечными выстрелами, когда начнет вода возвышаться, по назначению знаков на Неве, число выстрелов означает, до какой степени воды возвышается; сверх того, ночью жители извещаются в предосторожность фонарями на Адмиралтейской башне.

Страшно подумать об участи Петербурга; если уже было два наводнения, а последнее сильнее, то кто может ручаться, что не будет последующих. Кажется, Петр Великий лучше бы сделал, если бы основал свою столицу на Пулковской горе, десять верст от Петербурга по дороге к Царскому Селу, и будто один тамошний старожил сказывал ему, что вода нередко потопляла в прежние времена все до самой сказанной горы; но сие сказание есть только одно предание, думать надобно, что столь прозорливый и осторожный монарх, быв предупрежден, не решился бы свою столицу подвергнуть таковым угрожающим бедствиям*.

Император уже известен был о буйственном духе неблагомыслящих или заблуждающихся, опасался покушения на его жизнь, умножил шпионов, но зло не прекращал. Ежегодно разъезжал в разные части государства, [но] не только не делал пользу своими объездами, но обременял оными жителей; для его проезда делали дороги, на которые в самую рабочую пору высылали почти поголовно крестьян, тем лишая их хлеба, а дворян дохода; осматривал войска, но на гражданскую часть не обращал внимания. Сначала, как я сказал, казалось, хотел дать законы представительного государства, но после, напротив, ввел строгий деспотизм; всеми сими обстоятельствами собирал грозную тучу, которая грозила разразиться при окончании его царствования.

Великий князь Цесаревич Константин Павлович был женат на принцессе Саксен-Кобургской, с которою без формального развода расстались. 1820 года, приехав из Варшавы в Петербург, просил позволения вступить в брак с польскою дворянкою Груздинскою; на которое, как противное правилам греко-православной церкви, от живой жены жениться как наследнику престола Синод разрешить не может. Его высочество объявил, что он отрицается от права наследия престола, предоставляя оное брату своему Николаю Павловичу, женатому на дочери короля Прусского**. От-

речение свое утвердил письменным актом. После чего Синод [его] с прежнею супругою развел, и дозволено ему было по желанию его жениться, но с тем, чтобы супруга его не именовалась российскою великою княгинею. Государь император купил для нее имение в Польше, называемое Лович, по которому она и именовалась княгинею Лович.

Император сделал духовную, чтобы по смерти его вступил на престол великий князь Николай Павлович, при которой приложил отречение Цесаревича; положил оное в Москве, на престоле в Успенском соборе, приказал московскому архиепископу хранить ее запечатанною до конца его жизни и тогда отправить в Государственный Совет.

1825 году императрица Елизавета Алексеевна, быв уже несколько лет нездоровою, в сей год почувствовала себя гораздо хуже; медики сперва советовали ей употреблять ослиное молоко, а потом кумыс, но от сих средств не имела ни малейшего облегчения, почему и советовали ей пользоваться климатом полуденных стран; она никак не хотела поехать в чужие государства, то и выбрали для ее пребывания Таганрог. Государь отправился туда наперед, чтобы приготовить ей спокойное пребывание. Вслед за ним и императрица отправилась; император, дождавшись ее там, поехал в Крым, объездил всю нагорную часть той страны верхом; погода была остро-прохладная, отчего и простудился; приехал в Таганрог уже больной, скоро болезнь его усилилась, и 27-го ноября, в объятиях императрицы, супруги его, скончался на 25 лето его царствования, от рождения же на 48-м году, 10 месяцев и 15 дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 15 *«Мемуары» графа де Сегюра вышли в Париже в 1825—1826 гг.

**Бутурлины — старинный дворянский род, ведущий свое происхождение от новгородца Радши, сражавшегося вместе с Александром Невским в Невской битве; наиболее известный представитель рода в XVIII в. — Александр Борисович (1694—1767), фельдмаршал и граф, фаворит императрицы Елизаветы Петровны; однако мать Л.Н. Энгельгардта к этой ветви Бутурлиных никакого отношения не имеет.

***Смоленск взят русскими 8 сентября 1654 г. и вместе с Левобережной Украиной закреплен за Россией по Андрусовскому перемирию, заключенному с Польшей 30 января 1667 г.

**** «NB. Таковое жестокое самовластие было тягостно смольянам, имевшим еще привязанность к прежнему своему отечеству, и может быть, если бы не прекратили деспотизмом связи родственные с поляками, то, может быть, еще не скоро мои земляки сделались истинными сынами России; служит сему подтверждением и доныне шаткость в провинциях, отторгнутых от Польши, хотя Белоруссия около шестидесяти лет принадлежит России, и как дворянство там и народ привыкли к образу правления и должны бы начать чувствовать, что не только они не угнетаемы, но пользуются под покровительством законов безопасностью личною и собственностью наравне с русскими, но когда Наполеон вошел в наши пределы, то показали они, как мало могли надеяться на их верность» (Фрагмент, не включенный Л.Н. Энгельгардтом в окончательную редакцию «Записок»).

*****Отец Г.А. Потемкина был вторым браком женат на Д.В. Потемкиной (урожденная Кондырева, в первом браке Скуратова). Она и была матерью Светлейшего и его многочисленных сестер.

******Имеется в виду Сигизмунд III Ваза, один из организаторов польской интервенции в Россию в начале XVII в.

*******Смоленск был взят польскими войсками 3 июня 1611 г.

С. 16 *Имеется в виду Семилетняя война 1756—1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией, Ганновером и Португалией — с другой.

**Восточная Белоруссия (польская Ливония, Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского воеводства) отошла к России в результате первого раздела Речи Посполитой на основании договора 7 сентября 1773 г., заключенного Россией, Австрией и Пруссией с Польшей.

С. 18 *Конфедераты — участники конфедераций, военно-политических объединений польской шляхты. Здесь имеется в виду Барская конфедерация, соз-

данная в 1768—1772 гг. противниками короля Станислава Августа Понятовского, ставленника России и Пруссии; разгром Барской (называемой так по месту ее создания — г. Бар в Подолии) конфедерации русскими и польскими коронными войсками привел к первому разделу Речи Посполитой в 1772 г.

**Действия полковника Древица в Польше, где он командовал Сербским гусарским полком, вызвали крайне негативную оценку А.В. Суворова: «...солдаты Древица опять испортили мне кровь — под вымышленными предлогами, собственно ради того, чтобы дать его трусливой сволочи добраться до Кракова... Он выгнал население Мира, оставил на произвол судьбы Ченстохов, открыл Зарембе ворота и убежал в телеге от Пулавского, меня же с величайшим стыдом заставил вернуться от Вислы к Завихвосту... Мсье Древиц хвастает, что служил у пруссаков, а я хвастаю, что всегда колотил их» (*Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С. 17); по словам Суворова, жестокости и грабежи, чинимые Древицем и его подчиненными, возвращали «варварские времена». Полковнику Древицу был предоставлен больший отряд, чем Суворову, генерал-майору, что вызвало просьбу последнего о переводе из армии генерала Веймарна; впоследствии имя Древица неоднократно употреблялось Суворовым как нарицательное для характеристики своих недругов. В описываемый Л.Н. Энгельгардтом период Древиц командовал Белорусским гусарским полком.

***Ташка — принадлежность гусарской амуниции, род сумки, носимой на боку в качестве украшения.

****Ферула — длинный хлыст, розга (*лат.*).

С. 19 *Аудитор — военно-судебный чиновник; назначение на эту должность подразумевало производство в офицеры.

С. 20 *Г.И. Добрынин вспоминал: «На место Воронина прислан с председательского в полотской гражданской палате места статской советник Николай Енгельгардт; муж ростом высокородный, собой видной, здоровой брюнет; любящий до безумия собственную пользу; труду, должности, в которую определен, непримиримый враг» (*Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске // Русская старина. 1871. № 8. С. 109).

**То есть вышел из милости, перестал быть фаворитом.

***Впоследствии 1-й Московский кадетский корпус. Обучавшийся в нем еще во времена Зорича С.Б. Броневский вспоминал: «Когда я и брат мой несколько подросли, нас в феврале 1799 года определили в Шкловский кадетский корпус, начальником которого был С.Г. Зорич, друг моего дяди Семена Михайловича. Вскоре, по случаю пожара, истребившего огромное здание корпуса, последний был переведен в Гродно, где и поместился в Новом королевском замке, на высоком берегу реки Немана. В этом замке, в огромной трибунальской зале с хорами часто давались балы, на которые приглашали нескольких кадет. Очень порядочный театр, на котором давались дра-

мы, комедии, а иногда и балет, открыт был для кадет бесплатно. <...> Зорич, несмотря на пылкость своего характера, был человек редкой доброты. Одинокий иностранец, он не знал, как достойно возблагодарить свою благодетельницу государыню за блага, на него излитые, и пожертвовал свое состояние на учреждение Шкловского корпуса. Кадет было сначала 150, а затем 300 человек. Из питомцев этого корпуса многие с течением времени прославились на высоких постах» (*Броневский С.Б.* Отрывки из записок // Исторический вестник. 1889. № 12. С. 501—503).

**** Вероятно, имеется в виду Илья Богданович Бибиков.

С. 26 *То есть с императором Священной Римской империи германской нации — этот титул носили до 1806 г. австрийские императоры.

**Г.И. Добрынин вспоминал: «Перевалившись в новоприобретенный Белорусский край, мы удивились, увидя бесконечную аллею, по которой ехали, усаженную с обеих сторон по два ряда березками, и спешили добежать ее конца; но к большому нашему удивлению и путевой радости, узнали, что это была большая почтовая дорога, прорезанная правильно по распоряжению и повелению белорусского тогдашнего главнокомандующего, а потом белорусского государева наместника графа Захара Григорьевича Чернышева. Смотря на проезжаемый нами сосновый лес, на новопостроенные почтовые домы, на исправную почтовую упряжку и хороших лошадей, которых нам везде запрягали расторопно, не говоря наперед даже ни о прогонах, ни о подорожной; на обмундированных в куртки зеленого сукна почтальонов с медными на касках с лба гербами, а с затылка номерами, на прочные, и даже красивые, во всю широту дороги мосты, я столь был прост, что даже и не помыслил, что все видимое нами есть плод деятельности и образованного вкуса главнокомандующего российского, графа Чернышева» (Русская старина. 1871. № 7. С. 1—2).

С. 27 *См., например, его «Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу в полковниках» (Русский архив. 1879. Т. 1. С. 380).

**«Подождите» (*франц.*).

*** Выигрыш или проигрыш сразу, по первому открытию карты.

****Удвоение предыдущей ставки, в знак чего у карты загибался угол, отсюда выражения: пойти углом, загнуть угол.

*****Сетелева — вероятно, искаженное «септильва», от французского sept il va — карточный термин, означающий увеличение первоначальной ставки в двадцать один раз.

С. 28 *Екатерина II находилась в Могилеве с 24 по 30 мая 1780 г.

** Гангрена.

С. 29 *Регулярные войска Его Величества Римского Императора бьет подобная сволочь!» (*франц.*).

С. 30 *Панагия — круглая икона Божьей матери, носимая на груди как знак архиерейского достоинства.

С. 31 *Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна выехали из С.-Петербурга 19 сентября 1781 г. и вернулись 20 ноября 1782 г.; под именем графа и графини Северных они посетили Польшу, Австрию, Францию, а также итальянские и германские государства.

**Опера «Новое семейство», вышедшая тогда же отдельным изданием в Москве, была также напечатана в «Российском феатре» (1788. Ч. 24), ставилась в Москве, в 1800-х гг. в Петербурге, потом в провинции.

***На самом деле рескрипт по этому поводу Екатерина II подписала 4 февраля 1782 г.

****Манифест о «принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей кубанской стороны под Российскую державу» был издан 8 апреля 1783 г.

С. 32 *Лаж — разница между платежной ценностью монеты и ассигнаций одного номинала; выражение «ассигнации ходили без лажа» означает, что они обменивались на серебро один к одному.

С. 33 *Этот эпизод имел место, по всей видимости, весной 1783 г.; в письме Г.А. Потемкину от 27 апреля 1783 г. Екатерина II пишет, что «ради Скловских диковинок» на место происшествия отправился сам губернатор Пассек (Сборник Русского исторического общества. СПб., 1880. С.254).

**Имеется в виду Абдул-Гамид I.

С. 35 *Сейчас — г. Палдиски.

С. 39 *Панаш — особый вид украшения на головном уборе.

** Кавалергардский корпус был создан 30 марта 1724 г. к коронации Екатерины I в качестве ее почетной стражи; 11 января 1800 г. переформирован Павлом I в трехэскадронный лейб-гвардии Кавалергардский полк на одинаковом положении с другими гвардейскими полками.

***Титул светлейшего князя Священной Римской империи Г.А. Потемкин получил в 1776 г.; см. прим. к с. 43.

С. 40 *Так называемая Екатеринославская конница была сформирована в 1784 г. в составе 10 полков.

**А.Ф. Ланжерон писал: «В России, кроме службы в гвардии, существуют еще и другие способы хватать чины не служа; самый верный и самый обыкновенный — это причислиться в качестве ординардца или по особым поручениям и т.п. к фавориту; у него обыкновенно таких двести или триста человек, и он не знает из них и половину, но тем не менее быстро повышает их по службе. Того же достигают через адъютантские должности у генералов; фельдмаршал, например, имеет двух адъютантов в чине подполковника, и они, по прошествии шести лет, становятся полковниками и получают полки, не выходя до тех пор из конюшни или передней своих начальников. <...> у князя Потемкина их было от двух до трехсот человек; ни один из них не видел ни одного ружейного выстрела в течение трех кампаний, и все они получили кресты и чин» (*Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 174—176).

***Л.Н. Энгельгардт ошибается: С.Г. Домашнев занимал пост директора Академии наук с 1775 по 1782 г.; кн. Дашкова была назначена на его место, и была отставлена Павлом I в ноябре 1796 г.

С. 41 *Чертков и Талызин вместе с Г.А. Потемкиным участвовали в перевороте 1762 г.

** Основателем рода Потемкиных считается Ганс Потемпинский, после крещения — Тарасий Александрович Потемкин, выехавший из Польши при великом князе Василии Ивановиче.

*** Из представителей рода, занимавших сколько-нибудь заметные должности, известны стольники Степан Петрович, Иван Степанович, Василий Сильыч, 3-й воевода правой руки в полоцком походе 1550 г. Федор Иванович, дворяне московские Гавриил Федорович, Иван Гаврилович, Федор Илларионович, Сила Семенович и др.

**** Петр Иванович, думный дворянин, окольничий, посол в Голландию, Францию и Италию в 1670 г. и в Данию, Англию и Францию в 1675 г.

***** На самом деле, в сентябре 1739 г.

****** Имеется в виду Марфа Александровна Потемкина.

С. 42 *П.А. Румянцев доносил Екатерине II 9 сентября 1770 г.: «Ваше величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы вели войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в С.-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. 1865. Т 2. Отд. 2. С. 112).

С. 43 *Екатерина II писала Д.М. Голицыну, русскому послу в Вене, 13 января 1776 г.: «Секретно. Князь Дмитрий Михайлович! Я вам чрез сие предписываю и прошу всячески стараться и, буде за нужное разсудите, то дозволяю вам адресоваться прямо к его величеству императору римскому именем моим и изъявить сему государю, что высокие его качества и все в разные времена доходящие сентименты его величества о России и о особе моей возбудили во мне доверенность таковую, что приняла намерение к нему прямо производить просьбу, которая персонально меня много интересует, а именно, чтобы его величество удостоил генерала графа Григория Потемкина, много мне и государству служащего, дать Римской империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту» (Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 17—18). Диплом был доставлен в марте.

С. 45 *Тилемахиада, или Странствование Тилемаха, сына Одиссеева, описанное в составе ироическия пиимы Васильем Тредьяковским. СПб., 1766.

С. 46 *Большой Каменный театр в Санкт-Петербурге был сооружен в 1775—1783 гг. на месте современной Консерватории (на Театральной площади).

Подробнее об этом театре и театральной жизни того времени см.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII – октябрь 1917 года. СПб., 1994. С. 81–85.

С. 47 *Так в тексте. Имеется в виду Нижний Новгород.

**Огурцы, засаливавшиеся в выпотрошенных тыквах, приготовлялись в городе Поднове под Нижним Новгородом.

***На самом деле предложения Г.А. Потемкина по введению новой формы в русской армии были утверждены Екатериной II весной 1783 г. А.Ф. Ланжерон пишет: «Я не знаю более удобного, более легкого и более приятного на вид обмундирования, как у русского солдата <...> Но в чем русский солдат имеет преимущество над всеми солдатами на свете, это в прическе. Он не носит ни косы, ни буклей, которые настолько грязны и нездоровы, что приводят в отчаяние и разоряют солдат; их остриженные в кружок волосы можно мыть и чесать каждый день. Этим обмундированием обязаны князю Потемкину <...> Офицеры одеваются не так, как солдаты, что представляет большое неудобство, потому что неприятельские егеря узнают их по платью и стреляют преимущественно в них; это испытали во время войны с Турциею, и князь Потемкин приказал офицерам как по этой причине, так и ради экономии носить куртки и шаровары из толстого сукна и скроенные по образцу солдатских» (Русская старина. 1895. № 4. С.146–147).

****Чикчиры – узкие кавалерийские штаны, отделанные цветным шнуром, с кожаной прокладкой по внутренней стороне бедер; часть гусарского (впоследствии и уланского) обмундирования.

*****Фламское полотно – сорт тонкого холста парусинного типа.

С. 51 *Здесь и далее Л.Н. Энгельгардт делает распространенную ошибку. На самом деле фамилия князя, как и других многочисленных представителей этого рода – Долгоруков (а не Долгорукий, как в тексте).

С. 52 *А.Ф. Ланжерон писал: «В России офицер может служить где хочет; если один полковой командир слишком строг, если место расположения его полка не нравится, то офицер посылает прошение в Военную коллегию и переходит в другой полк по своему желанию. Полковые командиры, переменяя полк, берут с собой в свои новые полки офицеров полка, который они оставляют. Офицеры, изгоняемые полковыми командирами из одного полка, переходят в другой» (Русская старина. 1895. № 5. С.185).

**По свидетельству Ш. Массона, «среди них была одна, на которой Екатерина, изображенная в неприличной сладострастной позе, заставляла своего сердечного друга, графиню Брюс, делать перед собой различные телодвижения. На другой, столь же непристойной для восемнадцатилетней барышни, был изображен лежащий на софе Потемкин, а перед ним три его племянницы, тогда девицы Энгельгардт, а теперь графиня Браницкая, княгиня Юсупова и графиня Скавронская: казалось, что эти три полуголые богини жестами и выразительными позами выставляли напоказ свои особые прелести, оспаривая друг у друга победу над своим дядюшкой» (*Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 153).

***Не вполне ясная игра слов, вероятно, основанная на том, что французский глагол relier означает и связывать, и переплетать; буквально эта фраза переводится так: «Новый граф переплетен в телячью кожу» (*франц.*)

С. 53 *Л.Н. Энгельгардт ошибается; правильно — граф И.Г. Чернышев.

С. 54 *Кричев принадлежал Г.А. Потемкину.

**«Где пожарные насосы?» (*франц.*)

С. 56 * Имеется в виду восстание в Австрийских Нидерландах (современная Бельгия) в мае 1787 г.

С. 59 *В черновом варианте «Записок» Л.Н. Энгельгардта эта глава называлась: «Некоторые напоминовения случившегося по службе моей во время Турецкой войны 1788 года и 1-й кампании в Украинской армии под предводительством фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского».

**Имеется в виду Ираклий II, царь Картлии и Кахетии.

С. 60 *Л.Н. Энгельгардт ошибается, правильно — Павел Михайлович Дашков.

**«С самого того времени, как я начал только что понимать, как наполнился слух мой о великих подвигах героя графа Петра Александровича, в детских своих играх всегда принимал на себя лицо его, и тогда худо было сверстникам моим, бывшим слабее меня, бравшим на себя роль звания других богатырей. За то и мне от них доставалось, но какие бы от них даже побои ни принимал, но утверждал, что нет иного рыцаря, который бы воспротивился его силе. Но когда уже вступил [я] в нонешние лета, то первым моим утешением было слушать его победы, рассказы о Кагульской баталии и прочих действиях победительских его подвигов. В таком энтузиазме я был к нему, когда открылась война, и полк Сибирский гренадерский, в котором я был секунд-майором, назначен был в Украинскую армию <....>

Представьте мое восхищение служить в главном корпусе под личным предводительством самого фельдмаршала» (Фрагмент, не включенный Л.Н. Энгельгардтом в окончательную редакцию «Записок»).

С. 63 *Рандеву — от французского rendez-vous — место встречи, в данном случае — пункт сбора частей.

**Имеется в виду Джон Поль Джонс.

С. 66 *Вагенбург — «военный обоз, собранный где-либо на становище; он обычно становится четырехугольником, образуя защиту» (В.И. Даль).

**«Я назначен при корпусе того дня дежурным и пришел за принятием пароля и приказа. Фельдмаршал, заметя меня, подошед ко мне, сказал шутя: «Г<осподин> майор, кажется, едва у вас только что прорезались усы, и у вас, я вижу, очень черные»; я принужден ему рассказать, что усы мои почти только намараны жженым миндалем; «Ну, право, но вам очень они идут». И так ободрил меня, что уже разговаривал с ним вольным духом» (Фрагмент, не включенный Л.Н. Энгельгардтом в окончательную редакцию «Записок»). Это происходило в 1788 г., следовательно, Энгельгардту тогда было 22 года.

С. 67 *Ярина — полотняная ткань, окрашенная в зеленый цвет и употребляемая для изготовления палаток; намет — шатер, большая палатка.

**То есть столовых приборов.

***Цесарцы — подданные цесаря — императора Священной Римской империи (см. прим. к с.26), т.е. австрийцы.

С. 68 *Ретраншамент (ретраншемент) — внутренняя крепостная постройка, предназначенная для усиления главного вала; в просторечии — вообще укрепление.

**Шлифы — тесьмы, пришиваемые снизу к штанинам мужских кальсон.

С. 69 *Дубль-шлюпка — малое беспалубное парусно-гребное судно для прибрежного плавания; дубль-шлюпка № 2, которой командовал Сакен, имела 72 фута в длину, 17 футов в ширину и несла 2 пудовых единорога, 2 пушки меньшего калибра и 3 фальконета, экипаж состоял из 2 офицеров, 2 унтер-офицеров, 10 канониров и 49 матросов. См.: *Белавенец П.И.* Капитан 2-го ранга Иоганн-Рейнгольд фон-дер Остен-Сакен, известный больше под именем капитана Сакена. СПб., 1907.

**Капитан-паша — правильно — капудан-паша, наименование командующего турецким флотом.

***Крюйт-камера — отделение на судне для хранения пороха и боеприпасов.

С. 70 *Виктория — победа; стрелять викторию — производить салют в честь победы.

**Здесь в значении «склады».

С. 71 *Сикурс — помощь.

**Анфилировать — проходить или обстреливать вдоль фронта.

С. 72 * Сераскир — титул командующего турецкой действующей армией.

**П.М. Дашков учился в Англии в 1776—1779 гг. и выдержал экзамен на степень магистра искусств в Эдинбургском университете.

С. 75 *«Безупречный французский инженер» (*франц.*). Идентифицировать издание нам не удалось.

С. 76 *Может быть, речь идет о книге Франсуа Блонделя «Nouvelle manière de fortifier les plases» («Новый способ укреплять местности»), впервые вышедшей в 1683 г.

**Кантакузены — греческий род, ведущий свое происхождение от византийского императора Иоанна (царствовал 1344—1355 гг.). Основатель молдавской ветви рода переселился в Молдавию в 1733 г., имел сына Иоанна и внуков Константина, Ивана, Григория и Николая, генерал-майора русской службы.

С. 79 *Байрактар — в турецкой армии чин, соответствующий прапорщику.

** Имеется в виду Хассан-паша Дженазе.

*** Имеется в виду Селим III.

С. 80 *То есть каре — построение войск четырехугольником.

**Гикнуть — «от ги, гиги, наступательный крик казаков, когда бросаются на удар, гикнуть — ударить с криком, во всю прыть на неприятеля» (В.И. Даль).

С. 83 *«В последний раз видел я сего великого человека, когда полк, в котором я был, из зимовых квартир в Батушанах шел чрез Яссы к армии перед Мачинской баталией. Часов в 10-ти приехал я к улице, где пребывал граф, посетил сперва его генерал-адъютанта Бессина, спросил позволения видеть фельдмаршала и просил предуведомить его о моем прибытии, дабы после трех лет, может быть, меня и не узнает; «Подите смело к нему, ему очень будет приятно, и если бы не только через три года, но даже к нему явились но даже и через тридцать, то, верно бы, он вас узнал».

Нашел я его в небольшой комнате в [несколько слов нрзб.] и байковом [нрзб.], и как скоро меня увидел, воскликнул: «Ба, ба, господин майор Энгельгардт, — сказал он, — я очень рад вас видеть, я всегда вас уважал», много сделал мне вопросов, был ли я в деле и когда, и жив ли мой отец. Обедали с ним втроем, то есть он, Бессин и я, когда в 1-ой половине [нрзб.] откланивался, сказал: «Вы пойдете за Дунай, будете в сражении, и уверен, знавши вас, что вы хорошо исполните свой долг, и желаю вам от всего сердца успеха в вашей службе, в чем несумнительно надеюсь. Прощайте», и обнял меня» (Фрагмент, не включенный Л.Н. Энгельгардтом в окончательную редакцию «Записок»).

С. 85 *Форштат — предместье.

С. 86 *Бреш-батарея сооружалась для производства бреши в крепостной стене и состояла из орудий большого калибра.

С. 87 *Картаульный — от «картаун» — немецкий термин, обозначавший отношение длины ствола орудия к его калибру; в России введен графом Шуваловым как мера артиллерийского веса в 1 пуд применительно к единорогам; различали картаульные (т.е. пудовые), полукартаульные (1/2 пудовые) и 1/4 картаульные (1/4 пудовые) единороги; употреблялся недолго.

** Кугарновы, правильно — кегорновы мортиры, изобретены голландским военным инженером Мено Кегорном в 1674 г., применялись при осаде и обороне крепостей для обстрела на дистанции до 450 саженей, калибр около 6 дюймов, вес гранаты 16 фунтов.

***Кош — сообщество запорожских казаков, административно-хозяйственная их единица, род артели.

С. 88 *Об ухаживаниях Потемкина за Е.Ф. Долгорукой см. также в мемуарах В.Н. Головиной (История жизни благородной женщины. М., 1996. С.106–107).

**А.В. Храповицкий, статс-секретарь Екатерины II, записал в дневнике 22 августа 1789 г.: «Приехал вчера Турчанинов от принца Нассау с дополнительным известием о победе, яко самовидец; сказано: Терский несчастный отец! один сын убит, другой... будет наказан за то, что, оставя команду, ушел с галеры. — С галеры «Пусталчи» преображенские капитан Чертков с пра-

порщиком Терским и подпоручиком Цызарским ушли на берег при начале сражения. Трое сержантов: Тюнин, Рунич и князь Елымов командовали галерою во время сражения. Они пожалованы гвардии в подпоручики» (Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С.203).

С. 89 *Этим священником был Т.Е. Куцынский. Ему было поручено отслужить благодарственный молебен по случаю взятия Измаила.

С. 90 *То есть Юсуф-паша Коджа.

С. 92 *Имеются в виду события неудачного для русских Прутского похода в мае – июне 1711 г.

С. 95 *См.: [Г.Р. Державин.] Описание праздненства, бывшего по случаю взятия Измаила у его светлости г. генерал-фельдмаршала и великого гетмана князя Григория Александровича Потемкина-Таврического в доме его 1791 года апреля 28 дня. СПб., 1792.

С. 96 *4 октября Потемкин выехал из Ясс в Николаев, в полдень 5 ноября Потемкин скончался; в Яссах тело Потемкина было анатомировано и бальзамировано, 13 октября состоялся погребальный обряд в Яссах, 23 ноября тело было перевезено в Николаев и положено в специальном склепе. При Павле I оно было захоронено, а склеп засыпан.

С. 97 *А.Ф. Ланжерон свидетельствует: «<...> русские ставят его [Каменского] по таланту выше даже Румянцева. Жаль только, что этот талант запятнан одним из ужаснейших характеров, который когда-либо бесчестил человечество; его зверство отзывается тигром. Видали, как он во время маневров кусал солдат и отрывал у них зубами мясо. <...> По прибытии в Гангуру ему показался подозрительным один жид. Он приказал его раздеть, облить водой и затем голого привязать на дворе его дома, где тот скоро и замерз <...> Ночью один ребенок беспокоил Каменского своими криками. Он сказал с варварским наслаждением: «Завтра он не будет более меня беспокоить!» На следующий день он поджигает деревню и выгоняет на равнину, покрытую снегом, всех жителей, которые скоро и погибают от стужи и голода. Наконец, Каменский довершил все эти жестокости подлостью: он приказывает собрать по возможности весь скот, который уцелел от урагана, и отсылает его в Россию, в свои имения» (Русская старина. 1895. № 3. С.161).

С. 100 *Кейзер-флаг – отличительный знак высшего военно-морского начальства и членов императорской фамилии.

**Род кирасы, изготовленной из дорогой ткани или кожи. Надевались солдатами и офицерами гвардейской тяжелой кавалерии (лейб-гвардии Конного и Кавалергардского полков) при несении ими караульной службы во дворце и торжественных церемониях. Л.Н. Энгельгардт, описывая на с. 27 мундир кавалергардов («мундир их парадный был»), имеет в виду супервест.

С. 102 *В Турции должность, соответствующая посту министра иностранных дел в европейских странах.

**То есть приобретением.

С. 107 *Сражение произошло 11 июня 1792 г.

**От détachement (*франц.*) — отряд, подразделение.

С. 108 *От défilé (франц.) — ущелье; как военный термин — узкий проход, теснина.

**Флеши — вид полевых укреплений.

С. 109 *Имеется в виду, что Игельстром постоянно менял места стоянки русских войск.

**Кантонир-квартиры — временное расположение войск в условиях относительной близости противника.

***Имеется в виду Фридрих-Вильгельм II.

С. 110 *Повет — административная единица в Польше, Белоруссии и на Украине, соответствовавшая уезду в русских губерниях.

С. 112 *Это заседание происходило 22 сентября 1793 г.

С. 113 *То есть предательницей (филистимлянка Далила, возлюбленная Самсона, остригла у него волосы, в которых заключалась его чудодейственная сила, и передала его филистимлянским воинам).

**Л.Н. Энгельгардт здесь ошибся, что дало повод М.Н. Лонгинову в комментарии к первому изданию «Записок» Л.Н. Энгельгардта предположить, что речь идет о Николае Ивановиче Неплюеве, сенаторе, сыне известного сподвижника Петра I И.И. Неплюева. На самом деле правителем Минской губернии в 1794—1796 гг. был генерал-майор Иван Николаевич Неплюев.

***Посполитым рушением называлось в Польше дворянское ополчение.

С. 116 *Реверс — письменное обязательство.

С. 118 *Этнографические группы поляков (мазуры, однако, проживают на северо-востоке Польши, в Мазурии и Мазовии, местности в основном болотистой).

С. 120 *«К оружию! Спасайте Родину!» (*польск.*)

С. 122 *От французского «à la discrétion de...» — «на чью-то милость»; здесь — капитулировать.

С. 123 *Канонировать — то есть обстреливать.

**9 мая были казнены великий гетман коронный Петр Ожаровский, польный гетман литовский Иосиф Забелла и маршалок Постоянного Совета Анквиц; каштелян перемышльский, советник Тарговицкой конфедерации князь Антон Четвертинский и виленский епископ князь Массальский были казнены позднее.

С. 124 *От немецкого scharmützel — перестрелка, стычка, схватка.

С. 125 *Косинеры — в Польше и Литве — крестьяне, вооруженные косами, насаженными вертикально на древко, активно участвовали в восстаниях 1794, 1831 и 1863 гг.

С. 126 *То есть томов.

С. 130 *Вероятно, речь идет об офицере Черноморского войска Алексее Высочине.

**Эта переправа происходила 14 октября.

С. 132 *Дефензия — от французского défense — защита; здесь — укрепления, оборонительные сооружения.

С. 138 *От французского affront — обида, бесчестье.

С. 139 *Промемория — записка, памятка.

С. 142 *Вероятно, описывается церемония утверждения в ханском достоинстве хана Малой Орды Ишима (1794—1799); см. также: Церемония ханских выборов у киргизов // Русский архив. 1892. № 4. С. 497—509.

С. 145 * В.Я.Мирович предпринял попытку освободить Иоанна Антоновича 5 июля 1764 г., 15 сентября он был за это казнен.

С. 146 *Эпидемия чумы продолжалась в Москве с марта по октябрь 1771 г.

**Архиепископ Амвросий был убит 15 сентября 1771 г.

С. 147 *8 ноября 1796 г. в фельдмаршалы были произведены Н.И. Салтыков и Н.В. Репнин, 12 ноября И.Г. Чернышев наименован генерал-фельдмаршалом по флоту, 15 декабря в фельдмаршалы произведен И.П. Салтыков, 5 апреля 1797 г. (в день коронации Павла I) — И.К. Эльмт, В.П. Мусин-Пушкин и М.Ф. Каменский, восьмым генерал-фельдмаршалом павловского царствования стал 26 октября 1797 г. французский эмигрант, 79-летний герцог Брольо.

**Более подробное описание этих событий см.: *Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 18—30, 37—39.

С. 149 *С 5 мая 1797 г. по 9 февраля 1799 г. Суворов находился в ссылке в с. Кончанском Новгородской губернии

С. 152 *П.А. Румянцев скончался в 1796 г.

**От французского revue — смотр, парад.

С. 155 *Флигельманы — фланговые солдаты, выходившие вперед; остальные ориентировались по ним во время выполнения сложных строевых эволюций.

**На этом балу присутствовал только великий князь Александр Павлович.

С. 156 *После отъезда Павла I из Казани Лецкому была пожалована золотая табакерка с бриллиантами, его жене перстень и 1 000 руб. для раздачи слугам; улицу, на которой находился дом, велено было переименовать в Лецкую.

**Во время турецкой войны 1787—91 г. Николай Лавров служил в Бугском егерском корпусе, которым командовал зять Л.Н. Энгельгардта С.К. Вязмитинов.

***Плутонги — стрелковые подразделения, на которые разделялись солдаты для стрельбы залпами; не совпадали со строевыми подразделениями — взводами.

С. 157 *Правильно — эспадрон — небоевая сабля, шпага, парадная или учебная.

С. 159 *После визита Павла I в Казань Д.С. Козинский с 10 февраля 1798 г. по апрель 1799 г. получил сначала орден Св. Анны 2-й степени, а затем был произведен в тайные советники и получил орден Св. Анны 1-й степени.

**Вероятно — Болховских; род князей Болховских считался прекратившимся в конце XVII — нач. XVIII в., однако дворяне Бологовские и гораздо

позднее продолжали считать себя потомками удельных князей г.Болхова, несмотря на отказ правительства признать их таковыми из-за отсутствия каких-либо доказательств.

С. 160 *Шаржирование (шаржирный огонь), от французского charger — заряжать. Сравни у Суворова: «только холодное оружие дает победу, а пуля годится лишь для обороны. Всякий шаржирный огонь — метеор» (*Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С.347). Суворов имеет в виду, что «шаржирный огонь» (feu de charge) как метеор — яркий, но безвредный.

**Карл-Эммануил IV пожаловал Суворову права члена королевского дома. Суворов писал А.К. Разумовскому: «Сардинский король пожаловал мне диплом своего Гранд-маршала, князя и Кузена в знак награждения» (*Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С. 347). 25 августа 1799 г. Павел I позволил ему принять этот титул, добавив, что «чрез сие Вы и мне войдете в родство».

С. 161 *А.М. Римский-Корсаков был разбит Массеной в сражении при Цюрихе 14—15 сентября 1799 г.

**На самом деле Павел I был убит в результате заговора.

С. 165 *Е.П. Энгельгардт в Казанской губернии принадлежали «сельцо Каймары, Кирилловское тож» Казанского уезда и деревня Атамыш Царевококшайского уезда. После смерти Е.П. Энгельгардт они отошли ее дочерям: Каймары — Анастасии Львовне, Атамыш — Софье Львовне. По документам раздела (1822 г.) крепостных душ в первом значилось 631, во втором — 256. Кроме того Е.П. Энгельгардт принадлежали сельцо Скуратово в Чернском уезде Тульской губернии, и купленное в 1816 г. подмосковное Мураново в Дмитровском уезде (по купчей — 78 душ).

**Завесновать — остаться где-то на весну; ср. зазимовать.

***Кто именно из князей Грузинских имеется в виду, установить не удалось; под Нижним Новгородом находилось родовое имение кн.Грузинских Лысково.

****Коллежский советник Николай Иванович Бравин.

*****В 1797—1802 гг. нижегородским губернатором был Андрей Лаврентьевич Львов.

******Несмотря на значительное ухудшение русско-английских отношений в 1800—1801 гг., Россия и Англия не находились в состоянии войны.

С. 166 *В сражении у мыса Абукир в Египте 1—2 августа 1798 г. английский флот под командованием Нельсона полностью уничтожил французскую эскадру, отрезав тем самым находившуюся в Египте экспедиционную армию Наполеона.

**Зунд (Эресунн) — пролив, соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат между Скандинавским полуостровом и островом Зеландия, на его западном берегу находится Копенгаген; 2 апреля 1801 г. на рейде Копенгагена Нельсон уничтожил датский флот.

С. 167 *Манифестом 8 сентября 1802 г. было учреждено 8 министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, иностраных дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. 25 июня 1811 г. принято «Общее учреждение министерств», упразднено министерство коммерции и созданы министерство полиции и приравненные к министерствам Государственное казначейство, Главное управление духовных дел разных вероисповеданий, Главное управление ревизии государственных счетов и Главное управление путей сообщения.

**Казанский университет основан в 1804 г., Дерптский (сейчас — Тартуский) впервые открыт в 1632 г., заново — в 1802 г., Харьковский в 1805 г., Санкт-Петербургский — в 1819 г. В 1803 г. так называемая Виленская академия (основанная в 1570 г. как иезуитская коллегия) преобразована в Виленский университет (закрыт в 1832 г.). Университет в Абове (правильно — Або, сейчас — г. Турку в Финляндии) был основан в 1640 г. Говоря о его основании в царствование Александра I, Л.Н. Энгельгардт возможно имеет в виду постройку в 1817 г. нового здания для университета. В 1827 г. он переведен в Гельсингфорс (сейчас — Хельсинки). Говоря о преобразовании Московского университета, Л.Н. Энгельгардт, вероятно, имеет в виду реформу 1804 г.: была введена должность попечителя (первым был М.Н. Муравьев), число факультетов было увеличено до 4, кафедр — до 28.

***Московская медико-хирургическая академия (как и Санкт-Петербургская) созданы в 1799 г. на базе соответственно московского и санкт-петебургского медико-хирургических училищ; Царскосельский лицей открыт в 1811 г.; Императорская Публичная библиотека, старейшая общедоступная библиотека России, основана в 1795 г., открыта в 1814 г.

****Л.Н. Энгельгардт ошибается, правильно — Шешковский.

С. 168 *Имеются в виду указы 12 декабря 1801 г. (разрешивший покупку земли купцам, мещанам, государственным и удельным крестьянам) и 20 февраля 1803 г. (так называемый «Указ о вольных хлебопашцах»).

**Первые военные поселения были учреждены в 1810—1811 гг. в Могилевской губернии, создание военных поселений в массовом порядке датируется 1816 г.

***12 сентября управление Картлией и Кахетией перешло от династии Багратидов к имперской администрации, в 1803—1804 гг. в состав России вошли Гурия, Менгрелия и Имеретия.

****Имеется в виду III коалиция, возникшая после заключения англо-русской конвенции 11 апреля 1805 г., к которой впоследствии присоединились Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство.

*****Ксенофонт Афинский, древнегреческий историк и писатель, принимал участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса. После поражения Кира в 401 г. до н.э. возглавил отступление греческих наемников и, преодолев множество трудностей и опасностей, достиг Фракии.

******17 октября 1805 г. австрийская армия фельдмаршала Макка, окруженная войсками Наполеона, капитулировала при Ульме.

С. 169 *Аустерлицкое сражение состоялось 20 ноября 1805 г.

**Имеется в виду Пресбургский мир 26 декабря 1805 г.

С. 170 *Тильзитский мир был заключен Наполеоном и Александром I 8 июля 1807 г.; Россия обязывалась присоединиться к континентальной блокаде и быть посредником в заключении мира между Францией и Англией, а если последняя не примет предложенных ей условий — порвать с ней дипломатические отношения; признать все изменения, которые в будущем произведет Наполеон в Западной Европе. В тот же день был подписан мирный договор с Пруссией, от которой России отходила Белостокская область, а из польских владений Пруссии образовывалось герцогство Варшавское.

**Русско-французский мирный договор, заключенный 8 июля 1806 г. в Париже, не был ратифицирован Александром I и вступление России в войну с Англией, бывшее одним из условий Тильзитского мира, не состоялось.

***Имеется в виду война Наполеона с IV коалицией (создана в сентябре 1806 г.), в которую входили Пруссия, Англия, Швеция и Россия.

С. 171 *Милиция была создана на основании манифеста 30 ноября 1806 г.

**В VII область, образованную для формирования милиции, входили Костромская, Вологодская, Нижегородская, Казанская и Вятская губернии.

С. 172 *М.Ф. Каменский прибыл к армии 7 декабря 1806 г., 14 декабря 1806 г. сдал командование генералу Ф.Ф. Буксгевдену, 31 декабря 1806 г. в главную квартиру прибыл указ об отставке Каменского и назначении командующим Беннингсена.

**То есть Фридрих-Вильгельм III.

***То есть Фридрих-Август I.

С. 173 *То есть в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях»

С. 175 *После того как Турция закрыла Проливы для русских судов и вопреки условиям Ясского мира сменила господарей Молдавии и Валахии, генерал И.И. Михельсон в октябре 1806 г. занял дунайские княжества.

**То есть последствием.

***Речь идет о русско-шведской войне 1808—1809 гг.: 18 марта 1808 г. был взят Гельсингфорс; 1 марта 1809 г. колонны Багратиона (через Аландские острова) и Барклая-де-Толли совершили переход по льду Ботнического залива, третья колонна (Шувалова) шла по берегу; 7 марта авангард Багратиона под командой Кульнева достиг шведского берега недалеко от Стокгольма; 5 сентября во Фридрихсгаме был заключен мир, по которому Россия получила Финляндию.

****То есть неискренней, лицемерной.

*****Свидание в Эрфурте состоялось 27 сентября — 14 октября 1808 г.; на нем было подтверждено обещание России присоединиться к континентальной блокаде и вступить в войну с Австрией на стороне Франции.

******Эта война началась 14 апреля 1809 г. с вторжения австрийского командующего эрцгерцога Карла в Баварию.

С. 176 *Им был Франц I.

**Имеется в виду Шенбруннский мирный договор, подписанный 14 октября 1809 г. Австрия потеряла Каринтию, Крайну, Истрию, Триест, часть Галиции и другие территории, должна была выплатить контрибуцию 85 млн. франков и иметь армию не более 150 тыс. человек. Тарнопольская область отошла России, формально также объявившей войну Австрии. 11 марта 1810 г. был заключен брак Наполеона и Марии-Луизы. Создание же Рейнского союза и изменение титулатуры австрийских Габсбургов относятся к 1806 г.

***П.И. Багратион принял армию после смерти фельдмаршала Прозоровского 9 августа 1809 и, перейдя 14 августа Дунай, одержал ряд побед, однако затем отвел армию в Валахию, не добившись решительного перевеса. Н.М. Каменский прибыл в армию в марте 1810 г., в неудачном штурме Рущука 22 июля погибло более 8 тыс. из 17-тысячного руского отряда; Каменский скончался весной 1811 г. в Одессе. Назначенный на его место М.Л. Кутузов прибыл к армии в марте 1811 г., в августа турецкие войска, переправившиеся через Дунай у Слободзеи, были блокированы и 26 ноября сдались. 16 мая 1812 г. был заключен Бухарестский мирный договор, по которому границей между Россией и Турцией признавался Прут, Россия получила Бессарабию, Турция признавала автономию Сербии.

С. 177 *Наполеон прибыл в Дрезден 16 мая 1812 г.

С. 178 *Смоленск был сдан 6 августа.

С. 179 *4-й корпус французской армии (Евгения Богарне) двигался на Рузу, 5-й корпус (Понятовского) — на Верею.

**Л.Н. Энгельгардт ошибается, правильно — Алексей Николаевич Бахметьев.

С. 180 *Письмо Наполеона к императрице Марии Федоровне, содержащее приписку, адресованную Александру, было отправлено с одним из чиновников ведомства Тутолмина. Подробнее о судьбе Воспитательного дома во время французской оккупации см.: *П.Ф.* Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск <...> // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 25—33.

С. 181 *18 июля 1-й отдельный корпус Витгенштейна отбросил часть корпуса Удино от Клястиц к Полоцку, Кульнев погиб 20 июля, Полоцк был освобожден от войск Сен-Сира 8 октября.

**Русские атаковали Мюрата на р.Чернышне (Тарутинское сражение) 6 октября.

***Наполеон выступил из Москвы 7 октября, последние подразделения маршала Мортье покинули Москву 11 октября.

****Л.Н. Энгельгардт ошибается, правильно — Винценгероде.

*****9 октября были взорваны здание Арсенала, часть кремлевских стен, загорелись Никольская башня, Грановитая палата и соборы, взорвать коло-

кольню Ивана Великого не удалось потому, что дождь подмочил фитили в заложенной мине.

С. 182 *Наполеон покинул армию 24 ноября в Сморгони; в Париж Наполеон прибыл 6 декабря 1812 г.

С. 183 *Александр прибыл в Вильну 12 декабря.

**Спасителем России (Спасителем Отечества) Л.Н. Энгельгардт именует М.Л. Кутузова.

***Имеется в виду Калишский союзный договор 15—16 (27—28) февраля 1813 г. между Россией и Пруссией.

С. 184 *Это сражение состоялось 21 июля 1813 г.

**Австрия вступила в войну с Францией 28 июля (10 августа).

С. 186 *То есть Максимилиан I Иосиф.

**То есть Фридрих I.

С. 187 * Л.Н. Энгельгардт ошибается. Здесь он, вероятно, имеет в виду генерал-лейтенанта Дёбельна, командовавшего 3-й дивизией шведского корпуса; за самовольное занятие Гамбурга Дёбельн был предан суду военного трибунала. Командующим же всем шведским корпусом был фельдмаршал К. Стединг.

С. 188 *13 (25) марта 1814 г. союзники разбили маршалов Мармона и Мортье при Фер-Шампенуазе.

**«Превосходно, г<осподин> маршал» (франц.)

***«Г<осподин> граф, вы потеряли это на высоте Монмартра, а я это нашел» (франц.); имеется в виду, что уже после заключения перемирия войска Ланжерона, до которых не успело дойти сообщение о нем, штурмом взяли Монмартр.

****«Да здравствует Император Александр! Да здравствует король Людовик XVIII!» (франц.)

*****Было назначено 4 коменданта Парижа — русский, австрийский, прусский и французский; генерал Сакен стал генерал-губернатором города.

С. 189 *То есть Пий VII.

**Талейран носил титул князя Беневентского.

***Празднование состоялось 19 мая 1814 г., в комитет по его устроению входил 101 человек (в том числе Л.Н. Энгельгардт), были приглашены все бывшие в Москве «особы первых двух классов, кавалерственные дамы и фрейлины двора Их Императорских Величеств», кроме того, было разослано еще 800 приглашений. См.: Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 года обществом благородных людей, по случаю взятия российскими войсками Парижа и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы. М., 1814.

****Бывший дворец А.Г. Орлова-Чесменского был куплен Полторацким у А.А. Орловой-Чесменской в 1809 г.; в декабре 1815 г. сгорели его второй и третий деревянные этажи, а нижний, каменный, впоследствии неоднократно достраивался; этот дом находился на месте нынешнего Московского гор-

ного института, на первом этаже которого сохранились до нашего времени несколько помещений начала XIX в., в том числе овальный кабинет, где бывали Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин и, вероятно, А.С. Пушкин.

*****В сочиненном А.М. Пушкиным «Прологе» кн. В.Ф. Вяземская исполняла роль России; бал был открыт полонезом, слова к которому сочинил кн. П.А. Вяземский, исполнялись также «Хор» и «Народная песня», сочиненные В.Л. Пушкиным.

******То есть канатоходцами.

С. 190 *Парижский мирный договор с Францией был подписан 18 (30) мая 1814 г.

**В 1811–1820 гг. принц Уэльский, будущий король Георг IV, являлся регентом при своем отце, короле Георге III.

С. 191 *Венский конгресс проходил с 18 сентября (1 октября) 1814 г. по 3 (15) июля 1815 г.

**То есть Иоахим Мюрат.

***То есть Виктор-Эммануил I.

С. 192 *Имеется в виду сражение при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

С. 193 *То есть Фердинанда I.

С. 194 *Храм Христа Спасителя по проекту А.Л. Витберга был заложен 12 октября 1817 г. на Воробьевых горах. Витберг, человек честный и порядочный, не смог справиться с огромными злоупотреблениями на строительстве. По результатам проведенной проверки он был сослан Вятку, где и умер; проект его так и остался неосуществленным.

С. 196 *Искаженное французское traitement — жалованье.

**Ф.Ф. Вигель оставил следующее описание С.К. Вязмитинова: «Покорность к предержащей власти была девизом старика Сергея Кузьмича. Его доброта и честность были столь же известны, как ум его и деятельность: трудолюбием и долговременною беспорочною службою попал он, наконец, в люди. К сожалению, нахождение его в малых чинах при лицах строгих и не весьма вежливых начальников оставило на нем какое-то раболепство, не согласное с достоинством, которое небходимо для человека, поставленного на высокую степень. Ни английского, ни какого другого иностранного в нем решительно ничего не было; в нем также никто не мог бы узнать и древнего русского боярина, а старинного, честного, верного и преданного русского холопа» (*Вигель Ф.Ф.* Записки. Ч. 2. М., 1892. С. 11). Как лицо, характерное для своей эпохи, Вязмитинов упомянут Л.Н. Толстым в романе «Война и мир». См. также «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова, где он именуется В.

***«Что при дворе не было помпы» (франц.) — игра слов, основанная на том, что слово «помпа» означает и пожарный насос, и торжественность, пышность.

****Этот сейм происходил в марте 1818 г.

С. 197 *В 1818 г. был образован «Союз Благоденствия» — ранняя декабристская организация.

С. 198 *Вокруг здания Санкт-Петербургской биржи на стрелке Васильевского острова располагались таможенные и коммерческие склады и прочие сооружения такого рода.

**На самом деле повод к выступлению подал сам Шварц, во время учения плюнувший в лицо рядовому и заставлявший делать то же других солдат; фельдфебель 1-й роты Брагин, в противоположность тому, что пишет Л.Н. Энгельгардт, не пользовался доверием солдат. О восстании Семеновского полка см.: *Лапин В.В.* Семеновская история. Л., 1991.

***Экзерциргауз — помещение для проведения экзерциций — строевых учений.

С. 199 *Волнения в 1-й роте произошли 16 октября, полк был арестован 18 октября.

**Этим курьером был П.Я. Чаадаев.

***Лишив их, таким образом, преимущества в два чина, которое офицеры гвардии имели перед армейскими (по обыкновенному порядку гвардии капитан при переводе в армию становился подполковником).

****Права молодой гвардии были впервые пожалованы Лейб-Гренадерскому и Павловскому гренадерскому полкам за доблесть, проявленную в войнах с Наполеоном; в отличие от старой гвардии офицеры этих полков (так же как и артиллеристы и инженеры) пользовались преимуществом в один чин; права старой гвардии были возвращены Семеновскому полку за отличие в подавлении польского восстания 1830—1831 гг.

С. 200 *По всей видимости, и здесь, и в предыдущем абзаце, где говорится о «филантропическом обществе», имеется в виду «Дружеское ученое общество», действовавшее при поддержке З.Г. Чернышова и активном участии П.А. Татищева и бывшее органом, через который проводилась практическая просветительская работа московских масонов. В 1779 г. «Обществом» была основана Педагогическая семинария, оказывалась материальная помощь студентам духовных семинарий и университета, переводились и издавались книги. Поездка же И.Г. Шварца за границу и связи его с шведскими масонами относятся к более раннему периоду, а возвратившийся из-за границы в 1783 г. И.И. Мелиссино начал борьбу с ним, окончившуюся отстранением Шварца от дел.

С. 201 *Конгрессы Священного союза проходили в 1818 г. в Аахене, в 1819 г. в Карлсбаде, в 1819—1820 гг. в Вене, в 1820 г. в Троппау, в 1821 г. Лейбахе и в 1822 г. в Вероне.

**От carbonari (итал.) — угольщики; название тайных массовых организаций радикально-демократического толка во Франции и Италии первой трети XIX в. По своей организационной структуре близки к масонам; широко применяли смертную казнь против предателей и политических против-

ников. В значительной степени ими подготовлены неаполитанская революция и восстание в Папской области в 1820 г., пьемонтская революция и выступления в Бельфоре, Ла-Рошели и Сомюре (Франция) в 1821 г.

***Восстание в Греции началось летом 1821 г. после перехода отряда А.Ипсиланти через р. Прут 6 марта того же года.

****Имеется в виду «Духовный союз», основанный Е.Ф. Татариновой в 1817 г. в Санкт-Петербурге. Татаринова верила в наличие у нее и другого члена секты, музыканта Никиты Федорова, пророческого дара; для обоснования ее идей использовалась гл. XIV первого Послания к Коринфянам. В обрядовом отношении секта Татариновой была близка к хлыстам и скопцам. Сначала собрания «Союза» происходили с ведома императорской четы в Михайловском дворце, их посещали министр просвещения князь А.Н. Голицын, обер-гофмейстер Р.А. Кошелев и другие высокопоставленные особы. С 1825 г. собрания секты были перенесены за город, где основано нечто вроде коммуны. В 1837 г. члены секты арестованы, сама Татаринова сослана на 10 лет в Сретенский женский монастырь под Кашином, затем проживала в Кашине под надзором полиции.

С. 202 *Имеется в виду Константин Ипсиланти.

**Морея — устаревшее название полуострова Пелопоннес.

С. 203 *Имеется в виду назначение А.Д. Балашева в 1820 г. генерал-губернатором Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний (он оставался на этой должности до 1825 г.).

С. 204 *Описания наводнений в Петербурге см., напр., в: «Город под морем», или Блистательный Санкт-Петербург. СПб., 1996.

**Речь идет об императрице Александре Федоровне, дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

16 — 2203

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

*В указатель не внесены лица, упомянутые только в тексте предисловия и комментариев, а также мифологические персонажи.

СОДЕРЖАНИЕ

В издательстве «Новое литературное обозрение»
в 1996—1997 гг. вышли:

В серии «Научная библиотека»

М. Ямпольский. ДЕМОН И ЛАБИРИНТ: ДИАГРАММЫ, ДЕФОРМАЦИЯ, МИМЕСИС

В книге известного культуролога собраны этюды, посвященные отражению телесности в культуре: различных форм телесных изменений – от гримасы и смеха до танца и блуждания в потемках. С этой точки зрения автор анализирует произведения Гоголя, Достоевского, Рильке, Эйзенштейна, Арто, Борхеса и др.

Игорь П. Смирнов. РОМАН ТАЙН «ДОКТОР ЖИВАГО»

Исследование известного литературоведа Игоря П. Смирнова посвящено тайнописи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Автор стремится выявить зашифрованный в нем опыт жизни поэта в культуре, взятой во многих измерениях — таких, как история, философия, религия, литература и искусство, наука, пытается заглянуть в смысловые глубины этого значительного и до сих пор неудовлетворительно прочитанного произведения.

Б.М. Гаспаров. ЯЗЫК, ПАМЯТЬ, ОБРАЗ. ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В книге известного литературоведа и лингвиста исследуется язык как среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие. Автор поставил перед собой цель — попытаться нарисовать картину нашей повседневной языковой жизни, следуя за языковым поведением и интуицией говорящих, выработать такой подход к языку, при котором на первый план выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний. В центре исследования — коммуникативный и духовно-творческий аспекты языковой деятельности.

НЕИЗДАННЫЙ ФЕДОР СОЛОГУБ

Крупнейший поэт, прозаик, драматург, теоретик театра и публицист, Федор Сологуб (1863—1927) более чем за 40 лет творческой деятельности оставил обширное литературное наследие, большая часть которого остается неопубликованной. В настоящий сборник вошли его стихотворения 1878—1927, драма "Отравленный сад", "Афоризмы", трактат "Достоинство и мера вещей". Биографический раздел представлен комплексом текстов, характеризующих взаимоотношения Сологуба с женой — Ан.Н. Чеботаревской, воспоминаниями о писателе и др. материалами.

В издательстве «Новое литературное обозрение»
в 1996—1997 гг. вышли:

А. Гольдштейн. РАССТАВАНИЕ С НАРЦИССОМ. ОПЫТЫ ПОМИНАЛЬНОЙ РИТОРИКИ

Книга Александра Гольдштейна — взгляд на русскую литературу и культуру XX века: от авангарда и социалистического реализма до соц-арта и концептуализма. Рассматриваемые в контексте всей мировой культуры, творчество В. Маяковского, Ю. Тынянова, А. Белинкова, Б. Поплавского, Э. Лимонова, Вен. Ерофеева, Е. Харитонова и других писателей, открывается здесь своими неожиданными гранями, в противостоянии или подчинении официальной идеологии тоталитарного государства. Книга написана остро и полемично, пером ярким и темпераментным.

Энгельгардт Л. Н.

ЗАПИСКИ

Редактор
О. Краснолистов

Художник
П. Никипорец

Корректоры
И. Аблина, Е. Чеплакова

Верстка
С. Пчелинцев

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 60×90/16 Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 17
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер. 6

Зак. № **2203**

россия в мемуарах